

Глава 1. Мой первый раб

— Алиса, собирайся, мы едем на невольничий рынок, — постучал отец в дверь моей спальни этим утром. — Настало время выбрать твоего первого раба.

Ох. Я так и застыла посреди комнаты, раскрыв от изумления рот. Не может быть! Это правда?! Мне купят личного раба?

Невероятно.

Да любой ученик гимназии мечтает о подобной роскоши, но рабов-хранителей разрешено иметь только боевикам.

Каким же он будет?..

Я вся извелась в ожидании, думать ни о чем не могла! Всю дорогу вертелась на сидении и выглядывала из окна повозки.

— Только не бери первого попавшегося, давай осмотримся, — строго сказал отец, когда мы подъехали к входу на рынок.

— Ага, — ответила ему и понеслась по рядам.

Мы покупали рабов и раньше, но бытовых, и моего мнения никто особо не спрашивал. Обычно я болталась за спинами родителей и с любопытством разглядывала их обнаженные тела. Рабы могли носить одежду только в хозяйских домах. Ну, это и правильно, если вдуматься. Ведь перед покупкой их нужно полностью осмотреть. Шрамы, отметины, руны всякие. Мало ли что захочет припрятать торговец за слоями ткани.

— Алиска, куда ты бежишь? Остановись, присмотришься к кому-нибудь, — смеялась мама, но ноги несли меня вперед.

Собственный раб-хранитель!

Конечно, вначале нужно убедиться, что он мне подходит по всем показателям. После чего пройдет испытания, ну а в день инициации встанет бок о бок со мной.

Я обращусь в мага, а он превратится в моего хранителя.

До инициации оставался месяц.

Теперь я не хуже других выпускников боевого факультета. Некоторые уже полгода хвастаются личными рабами, а папа всё медлил, не хотел меня баловать. Всё равно обучать будущих хранителей будут только со следующей недели.

Елена вон в восторге от мулата, которого ей подарили на день рождения. Говорила, какой он восхитительный... везде. Ну, и выносливый, и с оружием управляет, да и в постели какие-то чудеса вытворяет. Я тряхнула копной волос, щеки залило краской. Мне-то в постели ничего вытворять не надо, я просто хочу самого сильного и красивого раба на свете.

Такого, чтобы все восхищенно ахнули.

Я остановилась возле одного из прилавков, за которым топтался управитель рабского дома. Он повертел передо мной пальцами, высчитывая мои параметры, и отправился подбирать нужных рабов. Таких, которые подошли бы мне по всем магическим нормам.

Вскоре мужчины и женщины выстроились в ряд, и мы с родителями чинно обошли каждого. Вроде симпатичные, но ничего особенного. Черты лица правильные, тела тренированные. Только не было в них чего-то, что заставило бы сказать: оно.

Моё чутье молчало, значит, это не те рабы, что нужны.

— Да повернись ты, чего обмер! — донесся до меня злой рык покупательницы, что стояла у соседнего прилавка.

Машинально я глянула в ту сторону, рассмотрела группку запуганных рабов. Они совсем другого склада. Жилистые, тощие, некоторые измученные, еле держатся на ногах. Мне стало неприятно. Всё-таки за товаром нужно ухаживать. Это же не вещь какая-нибудь бесхозная, а человек.

Я собиралась отвернуться, когда поймала на себе взгляд. Долгий, тяжелый, почти бесконечный взгляд... раба.

Сердце пропустило удар.

Он?..

— Повернись, скотина, кому говорят, — произнес торговец и обрушил плетку на его спину.

Удар, ещё и ещё один.

Раб молча рухнул на землю, попытался подняться на дрожащих руках. У него не получилось, потому что вслед за плетью последовал тяжелый управительский башмак. Короче говоря, плачевное зрелище. Мне не нравится, когда рабам приносят вред.

Как-то это было грязно, неправильно.

В нашей семье не принято избивать прислугу. Даже за серьезные провинности. Отец мой новаторских нравов и предпочитает иные наказания.

Я успела рассмотреть, что он молодой, исхудавший и болезненный какой-то. Зато взгляд. Холодный, сосредоточенный. Живой. Что-то в нем показалось мне знакомым. Не смогла понять, что именно. Голову словно стиснуло тугим обручем. Появилось непреодолимое желание — подойти поближе и убедиться, что я никогда ранее не встречалась с этим рабом.

— Мне такой не нужен, — скривилась покупательница и ушла, цокая каблуками.

Шаг за шагом я сокращала расстояние между мной и стоящим на коленях молодым мужчиной. Рассматривала алые полосы на его спине. Присела на корточки, всмотрелась ему в лицо, пытаюсь найти знакомые черты. Глаза парня были полны льда точно в лютый мороз. В светлых, почти белых волосах темнела дорожная пыль.

Почему мне кажется, будто мы встречались раньше?..

Может быть, это сын одной из наших служанок, которого отобрали на воспитание в рабский дом?

— Миледи, вам чем-нибудь помочь? — торговец суетился рядышком, подсовывал рабов посolidнее. — Взгляните, какой чудесный экземпляр. Совсем недавно получили, никем не замаран. Будете у него первой и единственной. Сокровище. Да не смотрите вы на это чучело.

Но я упрямо тарасилась на парня. Всё внутри меня вопило: «Он! Проверь! Посмотри!»

— Он мне нравится, — сообщила родителям. — Проверьте его показатели.

Мама задохнулась от возмущения, а отец вскинул брови, но не оспорил моего решения. Торговец обратил на него взор, и папа сосредоточенно кивнул.

— Господин, вы не подумайте, будто я товаром делиться не хочу. Напротив, боюсь вашего неодобрения. Понимаете, этот раб... не для того создан, не быть ему хранителем. Да и он порченный. Посмотрите на его бумаги, если не верите. Поднимись, не смущай меня, — прошипел себе под ноги.

— А для чего он создан? — спросила я недоуменно.

Парень с трудом поднялся и застыл, почти не шатаясь. Плечи распрямлены, взгляд устремлен вдаль. Словно и не лежал секунду назад на земле, задыхаясь от боли. Непокорный.

— Для постельных утех, миледи, — не скрывал торговец неприязни.

Мама ойкнула от неожиданности, а папа расхохотался из-под усов, наблюдая за тем, как я заливаюсь пунцовой краской.

— Да, лисенок, притащила бы ты сейчас в гимназию такую роскошь.

— Давай вернемся к тому прилавку, там были любопытные экземпляры, — мягко потянула меня за ладонь мама.

Но я осталась непреклонна. Всегда буду стоять на своем, если уж мне что-то ударило в голову. Хочу этого раба! Он особенный, я чувствую это. Рядом с ним во мне поднимается какая-то буря. Взметается ураган. Шевелится что-то на грани узнавания.

— Проверьте его показатели, — повторила жестче.

Торговец нехотя выполнил требование, которое родители хоть и не одобрили, но отказывать не стали. Мне кажется, они просто решили, что вероятность нашего совпадения близка к нулю.

Обычно хранителем становится раб, похожий на хозяина. По комплекции, цвету волос и глаз. А мы абсолютно разные, разве что черты лица у обоих острые. Да только у меня раскосые глаза зеленого цвета, а у него широко распахнутые — синие, почти голубые. Волосы светлые-светлые в отличие от моих черных. Да и губы его тонкие, и ладони широкие. Ничего схожего.

Перед торговцем вырос тугой ком молочного цвета, в котором переплелись руны. Я не смогла ничего разобрать в их мельтешении, а вот торговец неопределенно хмыкнул, отрываясь от созерцания записей.

— Всё так плохо? — с надеждой спросил отец.

— Если бы. Приглядитесь, господин, это лучшее соответствие показателей за многие годы!

Отец всмотрелся с магические переливы, всё сильнее мрачняя. Такое ощущение, что ещё немного, и он смахнет картинку ладонью, растопчет её под ботинком.

— Невероятно... — произнес одними губами. — Милая, я в жизни не встречал ничего подобного.

— Бред! Я не позволю, чтобы рядом с моей малышкой отирался постельный раб! — вспыхнула мама.

Кажется, моё мнение опять забыли спросить.

— Я. Хочу. Его.

— Какая упертая девица!

— Какую воспитали, — ответила с ухмылкой.

Спорить бесполезно, и родители это понимали. Я целиком и полностью уродилась в них. С чего мне отказываться от раба, если он полностью подходит под статус хранителя? Да, ничего не смыслит в боевых искусствах. Да и дьявол с ними! Всему научиться.

— Уговорила, — сдался папа, — такой экземпляр нельзя упускать. Стопроцентное совпадение, надо же! Но мы возьмем тебе дублирующего раба из числа боевиков. — Я хотела поспорить, но он перебил: — Поедешь в гимназию королевы, с двумя будущими хранителями сразу.

Прозвучало соблазнительно. Мне так понравилась эта идея, что я заливисто рассмеялась. Мама тоже вроде успокоилась, по крайней мере, повторную истерику не закатила, но на светловолосого парня зыркнула так, как смотрят на какую-то гадость.

— Тогда берем вот этого, — не глядя, ткнула я в ряды боевых рабов.

Мне достается брюнет лет двадцати с руническими татуировками по всему телу. Насколько помню, их ставят самым талантливым бойцам на тренировочных аренах. Так что, можно сказать, сделала правильный выбор.

На купленный товар надели железные ошейники с цепочкой, которые вручили мне в обе руки. Тяжелые, зато они приятно холодили кожу. Мужчины шли за мной следом, пока отец расплачивался с торговцами. Оба молчали. Не переговаривались. Не вижу ничего страшного в общении, но, наверное, им самим надо свыкнуться с новой ролью. Захотят — пообщаются.

Вчетвером мы поехали обратно домой. Мама сказала, что ей нужно пройтись, и сбежала, скрежеща зубами. Хм, всё-таки с моим приобретением она не смирилась. С чего бы это?..

Рабы сидели у моих ног, и отец задавал им всякие вопросы о бывших хозяевах. Брюнет отвечал охотно, да и послужной список у него был маленьким. Всего один господин, который взял в качестве личного стражника. Ну а потом обеднел и продал на невольничий рынок, где парня готовили специально под боевого мага.

— Ну а ты что? — отец посмотрел на блондина-раба. — Чем похвастаешься?

Тот сжал зубы сильнее. Так сильно, что на щеках выступили белые пятна.

— Мне нечем хвастаться, хозяин, — ответил тихо, под насмешливый взгляд брюнета. — Я сменил много господ.

— Понятно, — по-своему понял отец. — Потом сам всё расскажешь. Алисе. Она твоя хозяйка, и если ты будешь правильно себя вести, то навсегда забудешь о прошлых злоключениях. Не хранителем, так прислужником она точно тебя возьмет.

Парень поднял на меня удивленный, не верящий взор. Я мечтательно улыбнулась и благосклонно кивнула.

Вскоре мы вернулись к дому. Повозка въехала во внутренний двор особняка, и отец оставил меня наедине с рабами.

— Сама определяй, куда их девать. Совсем взрослая. Не верится, что совсем скоро твоя инициация, — погладил меня по волосам. — Уедешь от нас на год, бросишь стариков...

— Да ну, папуль, не выдумывай. — Я крепко прижалась к его груди. — Год промчится незаметно. К тому же, у вас всегда есть Ольга.

— Твоя сестра не заменит тебя, глупая. Что ж, не буду вам мешать, — грустно улыбнулся отец и ушел к себе.

Темненького звали Севером. Разумеется, это не настоящее имя, а то, которое он получил от первого хозяина. По-моему, оно идеально определяло его характер. Ведь именно на севере живут такие, как он: темноволосые кочевники, что закованы в магическую броню и охраняют земли от нашествия ледяных тварей.

В общем, Север мне понравился.

А вот блондин не представился даже после того, как я попросила дважды. Пасмурно молчал и разглядывал босые ноги. Я взмахом руки отпустила Севера в общий барак.

— Повторяю в третий раз. Как тебя зовут? — спросила непокорного раба перед тем, как его тоже уведут.

— Хозяйка может дать мне любое имя, — отозвался он.

— Но как тебя звали предыдущие хозяева?

— Ничтожеством, тварью, вещью, хозяйка, — всё так же покорно, без единого желания увильнуть от ответа. — У меня никогда не было имени.

Ну да, правильно. Им же в головы вдалбливают с малых лет, что нельзя перечить хозяевам, нельзя обманывать их, иначе можно хорошенько поплатиться. Сколько уже плетей обрушилось на его плечи? Кожа исполосована старыми шрамами. Живого места нет.

Неужели с постельными рабами обходятся так... жестоко? В нашей семье ни у кого не было постельных (а зачем?), поэтому мне сталкиваться с ними не приходилось. Но разве их нужно, хм, не любить денно и нощно, а наказывать?

— Тебе нравится имя «Ветер»? — назвала первое, что пришло в голову.

Он вскинул на меня злой взгляд, и на мгновение мне почудилось, что раб выскажет какую-нибудь грубость. Но он тотчас поменялся в лице и кивнул.

— Спасибо за имя, хозяйка.

Хм, так и не ответил, нравится ли оно ему. Впрочем, какое мне дело до этого? Я приказала Ветру отмыться и залечить свежие раны от плетки у целителя. Тот вновь кивнул, поблагодарил меня и ушел.

Этой ночью я не могла уснуть. Мне начало казаться, что зря я выбрала его. Он какой-то сломленный. Ещё не поломанный напополам, но уже не представляет из себя ничего ценного. В отличие от Севера, который умеет улыбаться и говорит без страха. Истинный хранитель ведь должен быть защитником хозяина, а не пустой оболочкой.

Червячок сомнения заполз под ребра. Этот раб не переживет обучение. Зря я решила забрать его себе.

Ладно, будь что будет. Если что, никогда не поздно отдать на кухню или в конюшню.

Ну а когда последняя неделя каникул в родительском доме подошла к концу, мы втроем отбыли в гимназию.

Глава 2. Запретные эмоции

В лектории так тихо, что слышно, как зевает на задней парте Джоанна. Мы сидим за столами, а рабы стоят на коленях у наших ног. Я с гордостью отметила, что немногие могут похвастаться двумя одновременно. Тренер практической магии, мадам Кинетти, рассказывает о том, какой значимый день — инициация (будто бы кто-то этого не знает), ну а мы клюем носами.

— С древности сложилось так, что связка отношений хозяин-хранитель рождает самых сильных магов. В момент вашей инициации не только проснутся потаенные магические ресурсы, но и произойдет сцепка с вашим первым, и, если повезет, единственным хранителем. Отныне всю боль вы будете делить пополам. Вы будете напиваться его энергетикой. Поэтому так важно выбрать в хранители того, кто сумеет стать вашим достойным продолжением.

Мадам Кинетти прошлась по залу, осмотрела наших рабов скептическим взглядом. Север машинально расправил плечи, а вот Ветер, напротив, напрягся ещё сильнее. Я видела, как на него поглядывают другие — боевые — рабы. Даже среди равных по статусу он выглядел ничтожным.

— В день, когда на их груди восплает руна, они станут вашими. Навеки. До тех пор они не принадлежат никому и будут воспитываться по нашим правилам. Вы можете забирать рабов в свои покои для... кхм... личных дел, но это не должно мешать обучению.

По аудитории прокатились одобрительные смешки среди учащихся, некоторые рабы и сами заулыбались, а другие помрачнели. Я как-то машинально положила ладони на плечи Севера и Ветра. Второй вздрогнул так, будто я собралась им пользоваться прямо сейчас.

Вводная лекция окончилась, и тренер разрешила студентам разойтись. Рабам она приказала остаться, чтобы дать личные наставления. Я оглянулась на то, как мои парни безропотно стоят на своих местах — и вновь почувствовала прилив гордости.

Два потенциальных хранителя! Ха! Да девочки лопнут от зависти.

Так и получилось. Подружки по обучению, Елена и Джоанна, дожидались меня в коридоре.

— Твой папа лучше всех, — сказала первая, завистливо вздохнув. — Он купил тебе двух боевых рабов?! Это же бешеные деньжищи.

Я дернула плечами.

— Ну, допустим, один не боевой.

— Светленький, — безошибочно угадала Джоанна. — По нему видно, что он не обучался, даже выправки нет.

— А кто же он? — Елена нахмурилась. — Обычный, что ли? У него есть специализация: кухонный, домашний?

— Почти. Постельный.

Девочки замолчали, не зная, что и сказать. Переглянулись взволнованно. Глаза их округлились.

— Нам нужны его документы, — заявили в один голос.

— В жизни не встречала постельных рабов-мужчин! Это же женская обязанность, ублажать хозяев, — задумалась Елена.

— Мужчин тоже продают, но они стоят каких-то невероятных денег, — добавила всезнающая Джоанна. — Срочно показывай бумаги!

Я только вздохнула, но проводила подруг в свою спальню.

— Вы только вчитайтесь в его историю. — Елена нетерпеливо перелистывала страницы. — Да он сменил больше хозяев, чем Джо парней.

— Отвали, — хохотнула Джоанна, обнажив белоснежные зубы. — Ты просто мне завидуешь! Ладно, а если серьезно. Алиска, насколько надо быть плохим рабом, чтобы тебя продавали каждые полгода?

— Я не спрашивала, — пожала плечами.

Если честно, я и личное дело-то не открывала. Не подумала как-то. Какая мне разница, сколько у него было хозяев, если теперь он принадлежит мне? Но после расспросов подруг, признаться, и

самой стало интересно. Неужели там всё так плохо?

— Имени, кстати, нигде нет. Безымянный раб, которого вечно перепродают. А, вот и причина, — ухмыльнулась Елена. — Пишут, что он испытывает физическую боль от прикосновений.

— В смысле? — Я непонимающе поморщилась.

— В прямом. Его трогаешь, а ему больно. Смотри. На нем лежит какое-то проклятие, которое не могут снять даже первоклассные маги. Представляю, каково это, когда твой постельный раб неполноценен. Ты просишь от него ласки, а ему больно от твоих прикосновений. Любых.

— И это всё? — Джоанна отобрала у Елены бумажки и неопределенно хмыкнула. — Ерунда какая-то. Ну и что с того, если ему больно? Главное, чтоб господам было приятно.

— Зачем тогда его били плетью? — задумчиво произнесла я. — У него всё тело исполосовано.

— Может быть, чтобы перебить одну боль другой?

— Либо наоборот, его брали себе те, кто любит причинять страдания. Таким только в кайф, если жертва вопит от любого тычка, — пожала плечами Елена.

— Как вариант. А когда он переставал реагировать — продавали, — согласилась Джоанна. — Эка ему не подфартило, если вдуматься. А ведь мужчины-рабы — огромная редкость. За ночь с таким красавчиком некоторые дамы готовы разориться.

Как-то неприятно было всё это слушать, словно Ветра пытаются измазать грязью. Мне плевать, что с ним не так. Он принадлежит мне и станет моим хранителем! Я выхватила личное дело и положила его на стол, пресекая дальнейшие обсуждения.

— Алиса, а ты не планируешь использовать его по назначению? — спросила Джоанна. — Если он обучался этому, то прикинь, сколько всего умеет?

Матушки, конечно, нет! У девочек богатый опыт — хм — во всех сферах. Но у меня не то, что раба постельного не было; даже обычного мужчины. Ну а куда спешить? После инициации да с любимым человеком — самое оно.

— Вероятно, он будет моим хранителем. Но уж точно не первым мужчиной.

— Ах, точно, ты же скромница. — Джоанна хлопнула себя по лбу так, будто совсем забыла.

— Ну и зря, — поддакнула Елена. — Попробовать впервые с таким экземпляром — это даже любопытно.

— Полностью согласна, он же вознесет тебя к небесам.

— Всё равно не могу понять, как же это... испытывать боль, — я закусила губу. — Я же его сегодня коснулась. А он так дернулся...

Елена пожевала губу, а Джоанна с волнением сказала:

— Давайте проверим, правда это или домыслы. А то вдруг он нормальный, просто придуривается. Заодно поучим покорности. Позови его вечером в комнату для наказаний.

— Зачем? — вспыхнула я.

— Алис, ты пойми, для каждой категории рабов разработаны свои виды наказаний. Это боевые воспринимают кнут, а он... ну... сама увидишь. Гарантирую, он потом тебя уважать будет похлеще, чем остальные.

— Только обещайте не бить его.

— За кого ты нас принимаешь, — фыркнула Джоанна. — Какое бить. Посмотрим, что у нас за сокровище такое, и всё на этом.

Я нехотя согласилась. Скорее ради того, чтобы девочки от меня отвязались.

С другой стороны, они ведь опытнее. Знают, как воспитывать рабов.

Почему тогда так не хочется отдавать им Ветра?

Ох, бесы!

Раньше в комнатах для наказаний мне бывать не доводилось. Своих рабов не имела, а смотреть за

тем, как пытаются чужих — сомнительное развлечение. Впрочем, так считали далеко не все. Некоторые аристократы устраивали из этого целое представление, собираясь компаниями, выпивая и вкушая яства.

Ужасно, не правда ли?

Но так было принято с древности.

Под такое дело в гимназии был отведен целый цокольный этаж. Я открыла дверь одной из комнатушек и невольно поежилась. Повсюду были развешены кандалы, кольца, в специальных креплениях разлеглись потрепанные плетки и кнуты.

Давящая такая обстановка.

Ветер вошел следом за нами, удивленно осмотрелся. В первую секунду он даже отшатнулся, словно собирался сбежать, но затем рабская природа взяла верх. Мужчина застыл за моей спиной, будто соляная статуя.

— Хозяйка, я чем-то провинился? — спросил, сглотнув.

— Пока ещё ничем, но если будет задавать лишние вопросы: получишь десять ударов, — ответила за меня Джоанна. — Раздевайся.

Он молча стянул брюки и рубашку, оставаясь абсолютно голым. Неужели ему не выделили нижнего белья?.. Застарелые шрамы проступили на смуглой коже белесыми полосами. Какой же он худой, жилистый. Натренирован тяжелым физическим трудом. Я осматривала Ветра так, словно видела впервые.

— Алиса, пообещай, что не будешь нам мешать. А ты, раб. Садись на колени к стене, лицом к нам, — хихикнула Елена, подмигнув мне.

Он мельком глянул в мою сторону, а затем беспрекословно исполнил указание. Уселся на холодный пол без единого признака недовольства. Я смотрела на всё со стороны. Не привыкла командовать рабами. Но девочкам лучше знать, они уже полгода ходят с будущими хранителями, и те аж в рот им заглядывают.

Наверное, надо поучиться у них опыту.

— Разведи колени. Руки за голову, — продолжила Джоанна стальным тоном.

Елена защелкнула его запястья в кандалах, которые свисали с потолка. Теперь Ветер не мог опустить руки, а потому был вынужден держать их над собой. Джоанна надела ему на глаза непроницаемую повязку — зачем? — а Елена тем временем тронула его за щеку.

Мужчина содрогнулся. Ему пришлось закусить губу.

— Что вы делаете?.. — спросила я с испугом.

— Тс-с, — приложила Джоанна палец к губам. — Проверяем, правду ли пишут. Видимо, правду.

— Шикарная поза, не так ли? — обратилась ко мне Елена. — А глаза завязала для того, чтобы он сам не догадывался, что с ним будет.

Я стояла в дверях, обмерев. Ни жива, ни мертва. Всякое понимаю, но это как-то слишком. Он же абсолютно беззащитен.

Джоанна прикоснулась к волосам, наклонилась к нему и легонько поцеловала в шею.

Я видела, как Ветер сдерживает стон, и далеко не удовольствия. Мужчина весь поджался. Я понимала, как тяжело ему дается поза покорности. Губы сведены в полоску, желваки напряглись. На щеках выступили белые пятна.

Шикарная поза?

Нет. Отвратительная.

Сейчас подруги больше всего походили на тех аристократов, которые использовали рабов в качестве предмета для развлечения. В их глазах появилась алчность. Мне стало не по себе.

— И что дальше? — спросила, сглотнув острый ком.

— Иди сюда, Алиска, — Елена поманила его, — заяви свои права. Он так смешно дрыгается, когда к

нему приближаешься.

— И?.. — всё ещё не могла понять смысла наказания.

— Неужели не догадываешься? Тебе достался такой шикарный мужик, которого даже бить не надо в случае неповиновения. — Елена закатила глаза и стиснула плечо раба ногтями. — Попробуй же! Потрогай его.

Я посмотрела на Ветра, который пытался сохранять прямую спину. На лбу выступила испарина, а изо рта все-таки вырывается слабый хрип.

Мне было не по себе. Девочки ржали как ненормальные, обсуждая то, как надо обучать постельных рабов уму-разуму, а я думать ни о чем не могла, кроме того, что наказание лишено всякого смысла. Если вдуматься, оно даже безжалостнее, чем порка розгами.

— Ну что, где отметим встречу после каникул? Возьмем наших боевых рабов? — предложила Елена весело, будто и не издевалась сейчас над человеком. — Алиска, ну чего ты мнешься? Иди сюда.

— Что-то не хочется, — ответила тихим голосом. — Не вижу смысла его наказывать... ещё сильнее.

— Тогда оставь его здесь, — вздохнула Джоанна. — До утра посидит, осознает, кто его новая госпожа. Ты же читала учебники по воспитанию? Любого раба, кроме боевого, обязательно нужно наказать при получении, иначе он не сможет принимать тебя всерьез.

А ведь, и правда, в книгах такое писали. По всем правилам девочки не издевались, а помогали мне.

Бесы. Разве так можно?..

Как с рабами справлялись мама с папой? Никогда не задумывалась о том, было ли им тяжело.

— Хорошо, — кивнула мрачно, — оставим его тут.

Ближе к вечеру, после посиделок с подругами, на которых я и думать ни о чем не могла, кроме своего раба, я вернулась в спальню. К неразобраным сумкам и столу, на котором лежала кipa бумажек. Пальцы сами потянулись к исписанным листам. Я внимательно перечитала дело Ветра. Смена хозяев, возвраты, побои.

Дьявол! Да он настрадался так, что его не нужно воспитывать. Он подчиняется мне. Он верен. Он не выражает недовольства.

Зачем согласилась на дурость подруг?..

Я рухнула в кровать, но уснуть не смогла. Вообще. Никак. Что-то давило под ребра. Я понимаю, что рабов нужно наказывать за проступки, но неужели Ветер заслужил испытать подобное? Наказание — это ведь что-то другое. Физическую боль я тоже не приемлю, но она хотя бы объяснима.

А такое... унижение.

Он ведь даже не провинился, не успел ещё. В дороге вел себя покорно, слова лишнего не сказал. Вообще сидел всё время так, словно думал о чем-то своем.

Нет, всё, хватит.

Никогда никому больше не позволю так поступать.

Я вскочила с кровати и рванула к комнатам наказаний. Нашла ту, за которой томился мой раб. Дверь отворилась, стоило приложить к ней ладонь — отозвалась на магический отпечаток. Огонь решила не зажигать. Ветру ни к чему — на его глазах повязка, — а мне будет спокойнее не видеть его взгляда. Почему же так не по себе, словно и не вещь он в хозяйских руках?

Зачем я позволила его здесь оставить? Дура слабовольная!

Благодаря полосе света, которая пробивалась от раскрытой двери, рассмотрела, как он поднимается на вывернутых руках. Подошла ближе и опустила перед ним. Он прикусил губу, словно ожидая чего-то мерзкого.

Это для девочек издеваться над рабами — раз плюнуть. А меня аж корежит. Почему раньше-то не прекратила это мучение? Да бес его знает. Стояла как идиотка обмершая и глазами вращала.

Никогда больше. Не позволю. Он — мой.

— Подожди минуту, сейчас я тебя освобожу, — пообещала ему тихо и постаралась сделать всё так

аккуратно, чтобы не дотронуться до кожи. — Извини, что всё получилось... так. Я сама не знаю, почему позволила подругам тебя мучить. Это неправильно. Дико. Ты не заслужил.

Ветер весь сжался. Даже, кажется, забыл, как дышать. Не поверил? Испугался? Не привык к тому, что у него просят прощения? Да и какой господин будет извиняться перед рабом?

Тот, который совершил непростительную ошибку.

— Не нужно, — попросил он шепотом. — Если таково наказание, я должен вынести его до конца.

— Это не наказание. Это дурость. Прости меня.

Сейчас я не думала о нем как о рабе. Передо мной человек, которому может быть физически больно.

Движение за движением я размыкала цепи, не касаясь только повязки на глазах. Не хотела, чтобы он меня видел. Боялась его взгляда. Грудь мужчины вздымалась всё чаще, дыхание потяжелело. Нечаянно моя ладонь соскользнула, и я всё-таки тронула ледяную кожу плеча. Ожидала, что он отдернется или вздрогнет, но Ветер замер.

Наконец, он был свободен.

— Иди отдыхать.

— Спасибо вам, хозяйка, — произнес с таким неверием, будто я ему свободу даровала.

Я не собираюсь ничего говорить. Встала и молча покинула комнатуху. Пока он не стянул повязку с глаз. Пока не встретился со мной взглядами.

Уже лежа в кровати, обдумывала произошедшее. Почему мне так стыдно, будто я сделала что-то запретное, поступив по-человечески?

Я вспомнила слова благодарности, и по спине поползли мурашки. Нам ведь ещё инициацию вместе проходить. Если он, конечно, справится с тренировочными испытаниями. Ему же больно. Бесы! Почему же торговец не предупредил об этом сразу?! Почему отец не отговорил меня от безрассудной покупки? Почему я сама не ознакомилась с личным делом перед тем, как заявила Ветра в качестве вероятного хранителя?

Кошмар, Алиса! Что ты наделала, когда купила себе такого раба!

Я накрыла лицо подушкой и обреченно застонала. Честное слово, не так я хотела впервые познакомиться с мужским телом...

А ведь я помню его очертания и изгибы. Помню, как восхищенно присвистнули девчонки, разглядывая Ветра. Он даже им, искушенным в любовных делах, не показался страшным или убогим.

А мне?..

Глава 3. Непокорный раб

Эта ночь могла бы стать одной из самых долгих в жизни Стъена, если бы не появилась *она*. Он не мог видеть, кто вошел к нему той ночью, но улавливал её запахи так отчетливо, словно они состояли из миллиона ярких оттенков. Хозяйка. Госпожа. Девчонка с черными словно полуночное небо волосами, что купила его на невольничьем рынке.

Да кто же она такая? Он увидел её, и тотчас в голове стрельнуло узнаванием. Что-то смутное зашевелилось в подкорке, будто эти волосы, эти тонкие черты, эти широко распахнутые глаза могли быть ему знакомы.

А потом она выбрала его среди десятков боевиков. Всерьез или в насмешку?

Неужели она разрешит ему стать хранителем? Это же почти свобода, он и мечтать о подобном не смел. Им разрешено покидать хозяйский дом (пусть и вместе с магом), путешествовать без железного ошейника.

А он... никто... да ещё и с проклятием, которое было с ним столько лет, сколько он помнил себя в качестве постельного раба.

Постыдное проклятие. Делющее его ещё слабее. Недостаток, который заставлял хозяев раз за разом доставать розги, чтобы перекрыть одну боль другою.

Вначале эта игра нравилась господам. Как же, попытаться унижить раба, заставить его содрогаться в их руках. Своеобразное веселье.

Любое касание для него было сродни раскаленным щипцам. Иногда чуть слабее, иногда сильнее. Стъен был на грани рассудка, но тот никак не отключался. Он учился терпеть. Его избивали, залечивали, на него кричали, чтобы он изображал радость, если рядом хозяйка или хозяин.

Игрушкой нужно управлять. Это всем известно.

Он даже не удивился, когда сегодня госпожа с подругами решила напомнить ему: ты ничтожен и слаб. Гадко это, неприятно, но выбора нет. Каждый хозяин должен проверить выдержку своего раба.

Но потом...

Она вернулась. Закончила наказание раньше времени. Не облапала и не избила.

Помочь ему — это хитрый план? Втереться в доверие и ударить больнее, когда Стъен как преданный пес начнет ей доверять?

Только зачем?

Ещё и извинилась. Кто-то вообще извиняется перед рабами? Это даже звучит глупо. Подобного никогда не было. Ни с кем. Либо безразличие, либо гнев, либо издевка — но ничего даже близко схожего с тем, что сделала госпожа.

Её непохожесть на других нешуточно пугала.

— Да кто же она такая? — повторил он вслух.

Почему одно её касание вышибло у него дух? Тело перестало принадлежать ему. Он весь обратился в нервные окончания, ожидая волны обжигающей боли.

Но ничего.

Ладонь хозяйки была мягкой и горячей. Стъен совсем позабыл, каково это — чувствовать чье-то тепло, не боясь, что оно принесет тебе мучительную пытку.

Это было чем-то невероятным. Если бы обычное касание могло длиться вечно, Стъен был бы благодарен небесам за столь щедрый дар.

В его рабском нутре что-то надломилось в ту ночь.

Пожалуйста, пусть она дотронется до него ещё раз. Пусть напомнит, что он всё ещё жив. Всё ещё нормален. Не проклятое существо, а человек, который способен *чувствовать*.

Стъен быстро оделся и сбежал в рабский барак, где до рассвета не мог сомкнуть глаз. Вспоминал. Думал. Не понимал.

Хозяйка трогала его и раньше, например, на вводной лекции. Но он настолько ожидал боли, что даже не обратил внимания — той не было!

— Эй, раб, вставай, за тобой пришли, — поутру его пнул в бок надзиратель.

Стъен стиснул зубы и вскочил с тонкой лежанки, ожидая увидеть за пределами барака госпожу. Но вместо неё на улице стерегли её подруги. Они разъярились, решили, что он сумел стянуть цепи и ушел спать.

— Десять плетей, — фыркнула темноволосая девица, сощурившись.

— Елена, ты чего-то размякла. Лучше пятнадцать, — поправила её блондинка с вьющимися локонами. — Он ведь нарушил запрет в первый же день. Кто разрешал ему уйти из комнаты? Как только умудрился?

— Хм, и правда, — кивнула подруга, подумав. — Повернись спиной, раб. Упрись лбом в стену.

Исполнил указание. Хотя это и не госпожа, но они её подруги. Значит, он должен подчиняться им тоже?

Тугая кожа рассекла воздух. Тяжесть плети обрушилась на спину, и мышцы выжгло болью.

— Прекратите немедленно! — донеслось где-то в отдалении. — Что вы себе позволяете?!

Стъен услышал, как по вымощенной булыжником дороге быстро-быстро цокают каблуки. Хозяйка. Неужели она вновь поможет?

Можно ли верить в её доброту? Как спастись от её колдовских чар? Почему рядом с ней проклятие молчит?

Да кто же она такая?..

Утром я проснулась на сбитых простынях с первыми лучами солнца. Всю ночь снилась какая-то невыносимая чушь. Я слышала стоны раба, видела, как страдальчески закусена его губа. Чувствовала легкую дрожь, волной пробегающую по его рукам. Всё как наяву.

Нельзя так остро реагировать на чужую боль. Все-таки мне предстоит стать боевиком, значит, страданий насмотрюсь достаточно.

Я оделась и пошла искать подруг, чтобы вместе отправиться на завтрак. Да только их у себя не было, как и в столовой. Подозрительно. Куда двум соням понадобилось убежать в такую рань?

Дурное предчувствие сковало позвоночник.

Ноги сами понесли меня к рабскому барaku. Я уже подходила к длинному одноэтажному зданию, когда по спине Ветра прошелся кнут, и он вздрогнул. От неожиданности я не сразу среагировала, зато потом рванула к Елене,хватила из её рук орудие пыток. Подруги опешили.

— Ты чего? — спросила Елена, хлопая ресницами.

— Вообще-то мы его по делу наказываем, — влезла Джо, опускаясь перед рабом и проводя пальцами в сантиметре от места удара.

Ветер мужественно вытерпел, не издав ни звука. Сдержался.

— Не трогай его! — прошипела я, выставляя вперед ладонь.

Магия уже кипятила кровь. Дай только волю, и энергетический вихрь сметет девушек с ног.

— Алиска, да что не так? — удивилась Елена.

— Он сам виноват, ибо каким-то образом умудрился стянуть цепи и пойти спать, — наябедничала Джоанна. — Представляешь? Без разрешения! Ты не ори, а присоединяйся. Покажи ему, что приказы хозяев нужно выполнять беспрекословно.

— Отстаньте от него. Немедленно. Я освободила своего раба сама. А вы... Вы никогда не будете наказывать его. Ни за проступки. Ни просто так. Иначе я подам на вас жалобу за порчу моего хранителя.

Кажется, мои зубы скрипнули, так сильно я их стиснула.

— Ты сама разрешила обучить его уму-разуму, — напомнила Джо обиженно.

— А теперь запрещаю прикасаться к нему кому-либо, кроме себя.

Елена потянула подругу за руку, потому что в глазах Джо уже запылало пламя. Ещё чуть-чуть, и мы переругаемся насмерть. Впервые за долгие годы обучения. Да ещё из-за кого! Раба?!

В том-то и дело, что не просто из-за раба, а человека. Который принадлежит мне.

Они держат меня за идиотку, что беспрекословно отдаст им в качестве игрушки своего будущего хранителя?

Конечно, своих-то рабов бить негоже. За порчу дорожущего боевого раба и от родителей можно нагоняй получить. А мой всегда к их услугам.

Вот уж нет.

— Всё понятно, ты рехнулась, — Джоанна кинула в меня плетью и гордо удалилась под руку с Еленой.

— Можешь подниматься, — обратилась я к Ветру. — Приведи себя в порядок и отправляйся завтракать. Во сколько начинаются ваши занятия? Рана болит? Может быть, залечить её?

— Это не рана, а царапина. Он не может болеть, — он равнодушно дернул плечом. — В девять утра ровно. Спасибо, хозяйка.

— Тогда иди.

Всё утро я пребывала в гневе, а на занятиях даже отсела подальше от подруг. Преподаватель вещала о том, как важно улавливать совместные потоки энергии, а я нервно трясла ногой и злилась всё сильнее. А ещё — честно признаться — думала над тем, как проходит первое занятие у Севера и Ветра. Справляются ли? Всё ли у них хорошо?

Так, хватит, надо сконцентрироваться. А то ребята будут лучше меня разбираться в боевой магии.

Неправильно это — привязываться к рабам. Пусть даже хранителям, но те имеют свойство истощаться или погибать. Если я буду относиться к каждому так... трепетно, то никогда не смогу стать настоящим магом.

Но всё-таки: кого я вижу своим напарником?

Кто сможет защитить меня, разделить со мной горесть поражения и наслаждение победой?

Точно не человек, которого можно уничтожить любым касанием.

Могу ли я как-то помочь ему?

Алиса, что ты за девушка! Почему вместо того, чтобы поставить все карты на сильного бойца, не перестаешь думать о том, как восстановить слабого?

И всё-таки надо почитать целительские справочники. Вдруг там говорится что-нибудь о подобных проклятиях.

А главное — кому могло понадобиться наложить его?!

Я любила боевые тренировки. Нет лучше ощущения, чем магия, которая шелком скользит меж пальцев, просясь наружу. Ты выплескиваешь её, не задумываясь о последствиях, и она сносит всё на своем пути.

Сегодня мне достался в партнеры по спаррингу Динн Оуэ. Его отец занимал высокий пост в Верховной гильдии правопорядка и сына воспитал достойным человеком. Не зазнайкой и не снобом. Это был крепко сбитый, низкорослый парнишка с гигантскими ручищами, у которого всё распланировано наперед.

Я ему нравилась ещё с начальных курсов, и он всячески показывал свой интерес. Даже отрабатывал со мной заклинания не в полную силу.

А зря.

Я привыкла сражаться всерьез, без поблажек и сомнений. Если уж практиковаться, то на грани допустимого. Иначе как понять предел? Ведь в настоящем бою никто не даст тебе фору.

Поэтому я лупила Динна с особым садизмом огненными всполохами, а он вяло отвечал, смущаясь, стоило мне поднять на него взгляд.

— Да не стесняйся ты! — ворчала на однокурсника.

— Как-то это неправильно... девушку... огнем. А вдруг что...

Наш тренер, высоченная мадам Кинетти, обходящая тренировочный зал, неодобрительно цокнула.

— Мистер Оуэ! Прекращайте краснеть как дворовая девка. Решили стать боевиком, так отрабатывайте.

Ребята гаденько хихикнули.

Динн покраснел ещё сильнее, но по-детски надул губы и принялся выплетать заклинание. Я приготовилась парировать.

Мадам Кинетти ставила на каждого ученика защитные чары, поэтому даже от самого сильного заклятия оставалась четверть. Не отобьешь — огребешь. Будет больно, ведь никто не говорил, что боевая магия — это легко.

Но не более того. Скальпа не лишишься.

Так вот. Динн выплел огненное кольцо и медленно, словно до последнего не решаясь, направил его мне в лицо. Я хмыкнула и выставила руки вперед, но вдруг поняла, что кожу не щиплет магией щита.

Того попросту не оказалось.

Он словно испарился или... был снят кем-то вручную?..

Меня накрыло волной паники. От серьезного ранения отделяли считанные секунды. Я видела, как поток огня несется в мою сторону. Чувствовала, как жар лижет кожу, и становится тяжело дышать.

В голове опустело, но пальцы уже выплетали вязь защитного кокона. Машинально. Механически. Нить за нитью, узор за узором. Как учили на многочисленных практиках.

Одна неверная петля в заклинании, и меня испепелит пламя. Это уже не игра, здесь не отделаешься парочкой ожогов.

Успела!

Огонь ударил в грудь, но не сжег, а отбросил в сторону взрывной волной. Я отлетела к стене, нелепо вскинув руки. Головой приложилась о пол, и перед глазами потемнело.

Но это была сущая малость по сравнению с тем, на что способно магическое пламя, если не успеть его остановить.

Мир потихоньку прояснялся.

Возле меня столпились ребята с потока. Динн чуть не плакал, стоя передо мной на коленях и не решаясь коснуться лба. Я шмыгнула носом, из которого хлестала кровь.

— Кто снял с тебя блок?! — бледная мадам Кинетти вся дрожала, пока сканировала меня на предмет ранений. — Это невозможно. Я накладывала его самолично. Что же произошло?!

Да если бы я знала...

Допросили всех ребят с практики, но никто ничего не видел, не чувствовал, не рушил защиту самостоятельно. Да и как бы желторотый студент смог снять заклинание магистра? Мы хоть и выпускники, но нам далеко до уровня мадам Кинетти.

Глупо подозревать своих. На мою жизнь никто не покушался. Случается и такое, что магия, как любая материя, портится сама по себе.

К тому же я не пострадала. Ну, легкое головокружение да кровотечение. Меня быстренько подлатали, но от практики до завтрашнего дня отстранили.

Нечего, мол, искушать судьбу.

В общем, полдня я слонялась без дела.

Ну а вечером тренер рабов, мадам Потт, собрала весь поток на открытом стадионе. Это была рослая женщина за пятьдесят, во взгляде которой сквозило вечное раздражение. Она постоянно поигрывала хлыстом, хотя использовала его редко. Чаше запугивала. Рабы выстроились за её спиной, а мы расселись на трибунах.

В фонарях-каплях зажегся холодный энергетический свет, который осветил арену и всех присутствующих на ней.

Среди десятков рабов я нашла Ветра с Севером, убедилась, что оба в порядке, правда, Ветер казался ещё бледнее, чем обычно. Отсюда его спину не было видно, но что-то мне подсказывало, что она до сих пор кровоточила. Вот зачем послушала его и не залечила раны сразу же?

— Итак, мы провели первую тренировку ваших будущих хранителей, — произнесла мадам Потт зычно. — Могу сказать, что экземпляры попались... разные. Есть лидеры, и я горжусь студентами, которые выбирали раба не только за красивое личико, но и по боевым качествам. Если навскидку... Джоанна, Эвелин, Трент, ваши рабы очень хороши.

Джо зарделась, другие ребята, которых похвалили, тоже приосанились. А вот Елена обиженно надула губки. Родители купили ей какого-то дорогущего раба. Как так, он не лучше всех? Мне за Севера тоже было обидно, но не настолько, чтобы показывать недовольство.

— Но есть и откровенно проигрышные варианты. — Тренер уставилась на меня. — Мисс Трозз, чем вы думали, когда выбирали постельного раба? Если вам хочется с ним спать, то оставьте его в спальне. Я не намерена натаскивать кого-то, кто не выдержит первого же испытания.

Мне показалось, что Ветер вздрогнул, когда на него обратились взгляды половины учеников. Другая половина с ехидством смотрела в мою сторону.

— У нас стопроцентное совпадение, — отчеканила я, не желая оправдываться в своем выборе. — Кроме того, отец предусмотрительно купил мне двух рабов. Один из них точно пройдет испытания.

— Совпадение качеств не всегда имеет решающее значение. Пока не поздно, отзовите вашего раба. Он слишком слаб и погибнет от истощения быстрее, чем кончится испытательный месяц.

Мадам Потт подошла к Ветру и вытянула его перед всеми, приказала опуститься на колени. Похлопала хлыстом по плечам — не больно, скорее насмешливо.

— Студенты, запоминайте. Если вам раб выглядит так, — она огладила хлыстом его впалый живот, приподняла кончиком рукояти узкий подбородок. — То никогда не тащите его на арену.

Я сжала кулаки, готовая сорваться с места. Какое право она имеет издеваться надо моим выбором перед всем потоком?! Ведь здесь сорок человек и ещё столько же (даже чуть больше) рабов. Все они сейчас смеются над тем, что мне понравился постельный раб. Что я вздумала выставить его для инициации. Насмежаются над Ветром просто за то, что ему угрозило попасться на глаза такой хозяйке.

Он не заслужил нового унижения.

Север, кажется, тоже ухмыльнулся, когда хлыст тренера опутал тонкое горло с выступающим кадыком. Или мне почудилось?

— Нет, я не передумаю. Мой выбор остается прежним. Яставляю двух рабов, и один из них отправится со мной на инициацию.

— Что ж, — мадам Потт покачала головой. — Тогда пощады для своего красавчика не ждите. Он будет тренироваться наравне со всеми. Можете начинать копать ему могилу, потому что обучение продлится недолго.

Ветер не поднимал головы, но стиснул пальцы в кулаки и выпрямил спину. Кажется, эти угрозы не испугали мужчину, а распалили в нем ярость. Теперь он обязан выжить и пройти испытания, чтобы доказать студентам, другим невольникам и тренеру — всему миру, — что постельный раб способен стать хранителем.

Впрочем, я думала точно так же.

Больше тренер внимания на Ветре не акцентировала, перечисляя достоинства и недостатки других кандидатур, даже похвалила ловкость Севера. Но меня это уже не радовало.

— Ветер, пойдем со мной, — приказала я, поднимаясь с трибуны, когда всё было закончено. — Север, поужинай и можешь отправляться в барак.

— Могу ли я дополнительно потренироваться, госпожа?

— Разумеется!

Брюнет поблагодарил меня и взглянул на Ветра не надменно, а как-то жалостливо. Неужели подумал, что я решила наказать его за сегодняшнюю выволочку?

В недобром молчании мы дошли до спальни. Я по привычке закрыла дверь не на магический замок, а на обычный. Мужчина понимающе кивнул, когда лязгнула защелка. Даже представлять не хочу, что он себе надумал.

— Ложись на кровать, — приказала ему.

— Мне раздеться, хозяйка? — спокойный вопрос.

На нем и так одни штаны, зачем раздеваться, если я собираюсь залечить ему спину? Дьявол, да о чем он думает?! За кого меня принимает?..

— Нет, — ответила чуть грубее, чем требовалось. — Просто ляг на живот и помалкивай.

Ветер беспрекословно исполнение требование. Он чуть вздрогнул, когда мои ладони коснулись его обнаженной спины, и сильнее свел лопатки. Свежие раны сочились сукровицей. Кожа набухла, рваные края посинели. Да как он весь день тренировался в таком виде?

Помню, что нельзя касаться его, но магия исцеления иначе не работает.

Я направила в ладони энергетические потоки и, когда они осели на кончиках пальцев, выплела руны исцеления. Кожа начала затягиваться. Ничего себе, обычно мне хуже даются целительские чары. Но он будто создан для того, чтобы стать моим хранителем.

Даже усилий прилагать не пришлось.

— К утру всё пройдет.

Ветер весь замер в непонимании. Напрягся всем телом, не двинувшись с места. Неужели до сих пор ждал подставы?

— Прости, что накричала. Это нервное. Обещай, что протянешь на тренировках до финала, — не приказала, но попросила его. — Я купила тебя, потому что верила: ты справишься.

— Извините меня, хозяйка.

— За что?

— Вас пристыдили из-за моей слабости, — сказал как выплюнул, будто сам себя костерил.

— Ерунда. — Махнула рукой. — Да, мне неприятно слушать насмешки. Но ты в этом не виноват. Тебя не обучали быть хранителем. Главное — обещай, что не сдашься раньше времени. Помни: я сознательно ставлю на тебя. А теперь вставай и иди ужинать.

Почему-то мне было стыдно смотреть в глаза собственному рабу, и я отвернулась к окну, вцепилась пальцами в подоконник. Только бы не начать крушить комнату. Во мне до сих пор клочкотала ярость на весь белый свет, включая саму себя.

— Спасибо, хозяйка. Клянусь, что не подведу вас, — пообещал Ветер и скользнул к двери.

Я даже не услышала, как она закрылась за ним — такими тихими были движения.

Стоило помыться и высушить голову энергией воздуха (маленькая шалость), как в дверь снова постучались. Хм, кто это на ночь глядя?

— Можно? — в щелку заглянул Динн. — Ты как? Цела?

— Не переживай, всё нормально. — С улыбкой обвела себя руками. — Что боевому магу какой-то огонь? Даже брови не подпалило.

— Тоже верно, — он нерешительно сел за письменный стол. — Алис, ты думала об инициации?

— Немного, — покривила душой.

Думала, конечно. Как не думать о том, что гложет долгими вечерами и снится в кошмарах?

— Что, если наши рабы не выдержат её? Они же погибнут, да?

— Ну да... — с опаской.

Такое случалось. Хранитель берет на себя излишек магии и умирает, спасая ценой своей жизни боевика. Это естественно, для того и нужна связка мага и раба. Связь силы и слабости.

— А их гоняют сейчас как проклятых. Целый месяц бесконечной бойни. Зачем?

Признаться, вопрос застал меня в тупик. Преподаватели не вдавались в объяснения механизма, который сложился за долгие века. Ну а нас не очень-то интересовали такие мелочи. Это сейчас, когда на кону стояла жизнь моих собственных рабов, появился страх. А до этого — ничего.

— Чтобы выдрессировать настоящих воинов?

— Но многие изначально воины. Мало тех, кто приходит на арену новичком, — Динн помялся, — не в обиду тебе. Не понимаю, зачем нужно истязать хранителей. Ведь каждая тренировка ослабляет их.

— У тебя есть какие-то предположения?

— Вдруг преподаватели ведут личный отсев? — спросил шепотом. — Они уничтожают не рабов, а нас. Ведь если раб погибнет до инициации, то боевик останется не у дел. Ему придется ждать целый год и заново отдавать раба на обучение.

— Зачем им это?

Ох, не люблю всякие теории заговоров. С чего мадам Потт или кому-то ещё отыгрываться на рабах, если можно завалить нас теорией магии или бесконечными практиками?

Мне кажется, причина в чем-то другом. Впрочем, вопрос Динна сложен и любопытен. Пожалуй, напишу отцу письмо. Он знает многое из того, о чем не рассказывают на лекциях.

— Да кто их разберет, — Динн закусил губу, — но я опасаюсь за своего Коршуна. Он... хороший парень. Если так можно сказать про раба.

— А ты не спрашивал своего папу об этом? Все-таки он — не последняя шишка в гильдии правопорядка.

— Спрашивал, — на лице отразилось недовольство. — Тот лишь плечами пожал. Не дури, вот что сказал.

Мы пообщались ещё немного, и мне было приятно найти среди гимназистов кого-то, кто не считал раба пустоголовой тварью. Динн беспокоился о своем невольнике, хоть и смущался всякий раз, когда говорил об этом.

До появления Ветра и Севера я даже не думала о том, как аристократы обращаются с рабами. С пренебрежением и насмешкой. Хуже, чем с домашними животными.

Но не все же они — или мы — такие?

Не все, конечно. Некоторые даже награждают своих рабов за заслуги, обращаются к ним по именам и предпочитают не наказывать беспричинно. Кстати, точно. Надо как-нибудь поощрить Севера за хорошие результаты первой тренировки. Совсем забыла.

Ведь как иначе? Они же наши будущие хранители. Нам суждено стать связкой, а в бою нельзя быть рабом и господином. Взаимодействие между магом и хранителем — это что-то большее, чем слепое подчинение.

За окном окончательно стемнело. Погасли фонари, и небо усыпало разноцветьем звезд. Я долго не могла уснуть. Просто не спится, и всё. Слишком много в голове кружит мыслей.

Что с ними делать — вот загадка.

Следующим утром стояла самостоятельная отработка, которую я нагло пропустила ради того, чтобы прокрасться в тренировочный зал. Там занимались рабы.

Я сидела на корточках под пыльными трибунами и, стараясь не чихать, рассматривала зал. Ветер стоял у дальней стены, и выражение его лица было не разглядеть. Но он старался. Прыжок. Поворот. Отбил удар воздушного потока деревянным мечом. Кувырок. Неловко покачнулся, но устоял, опершись на рукоять меча.

Недурственно для того, кому вчера обещали смерть.

Про Севера и говорить нечего — хорош. Чувствует свое тело и умеет управляться им. Каждый пас выверен, и в глазах читается понимание ситуации. Ни единого лишнего движения. Прирожденный хранитель.

Я верю в своих рабов. Они справятся. Оба дойдут до конца.

Тем тяжелее будет выбрать, кого взять с собой, а кого оставить дома. Ибо не может быть двух

хранителей у одного боевика.

Единственное, что смутило меня на тренировке — я уловила потоки природной, чистой энергии, которые витали в воздухе. Словно тренер отбирала энергию у рабов и вновь напитывала их ею.

Но откуда у раба магия? Способных детей среди рабов отбирают и обучают в специализированных школах.

Хм, непонятно. Об этом тоже надо спросить отца в письме.

В остальном, не считая той мелкой странности, весь день прошел в обычных хлопотах. Ничего нового.

Ночь тоже обошлась без потрясений.

Зато следующим утром, спеша в столовую на завтрак, я столкнулась в коридоре с Еленой. Странно, обычно та не ходит без Джоанны.

— Алиса! Прости меня, пожалуйста, — подруга всхлипывала, утирая слезы шелковым платком. — Я никогда больше не трону твоего раба, — клятвенно пообещала она. — Это неправильно и гадко, согласна. Сама не знаю, о чем мы думали. Мне было бы неприятно, если бы кто-то распоряжался моим Клевером.

— Где Джо?

— Она... — Елена замялась. — Всё ещё считает, что ты была неправа, когда запретила наказывать раба. Но я так не думаю. Она просто... ну, ты знаешь... не любит, когда кто-то противится её мнению. А я... Что сделать, чтоб ты меня простила?

Я равнодушно пожала плечами. Что сделать? Ничего. Можно продолжить общение, потому что в одиночестве хуже и гаже. Мы будем общаться ради необходимости, но от бывшего доверия не осталось и следа. Переживем четыре недели и разойдемся по разным сторонам. Ведь так поступают чужие люди.

— Всё хорошо.

— Ура!

Елена кинулась мне на шею и вновь разрыдалась. Кажется, вполне искренне. Я безразлично похлопала её по спине, думая, что всё налаживается.

Но спокойствие только снилось. Потому что позавтракать мне так и не дали. Стоило наполнить тарелку овсяной кашей, как слева подкрался помощник надзирателя.

— Пройдите к рабским баракам, — сухо попросил он. — Господин-надзиратель ожидает вас.

— Что-то случилось?

— Ваш подопечный подрался с другими рабами.

Какой из них?!

О, многоликий дьявол, за что мне такое наказание?!

Глава 4. Неправильная госпожа

Стьен не хотел злить хозяйку.

Особенно теперь, когда она залечила его ранения, когда не наказала за слабость, а позволила продолжать тренировки. Когда общалась с ним *по-человечески*. Не угрожала, но просила. Как просят свободного человека, а не бесправную вещь.

Ещё прошлой ночью он рассмотрел в ней нечто большее, чем обычную госпожу. Наверное, так неправильно, так будет больнее потом, когда она проявит худшие свои качества.

Пока же она заставляла его сердце биться чаще. Он не мог понять, что она сделает в следующую секунду: ударит или приласкает.

Нельзя же всегда оставаться хорошей. Нельзя же заботиться о рабе.

Или можно?

Почему она другая? Почему не бьет, не измывается? Зачем помогла ему? Когда её руки коснулись его спины... да он еле сдержался, чтобы не издать стон. Тело тотчас откликнулось на мягкое прикосновение. Словно и не помнило всех тех раз, когда его принуждали, заставляли, насмехались. Словно одно-единственное касание могло перечеркнуть прошлое, которое навсегда осталось на коже несмываемыми шрамами.

Это было очень странно. Стьен не привык к тому, что о нем переживают. Пусть даже так. А ещё её слова о том, что она *верила* в него. За двадцать семь лет жизни в него никто никогда не верил!

Он хотел возненавидеть хозяйку, как ненавидел всех, кто был до неё. Но не мог. Вспоминались чуткие пальцы, ожесточенный голос — «Отстаньте от него!» — легкая улыбка в тот миг, когда её отец сказал, что у него есть шанс стать хранителем.

Его покупали разные господа, но она была особенной. Он не мог этого знать, но чувствовал. Всем своим естеством.

Потому и поклялся ей, что выдержит тренировки. Почти невыполнимое обещание, но Стьен постарается выжить.

Весь день его гоняли по арене, атаковали боевыми заклинаниями, душили, хлестали магическими плетями. Он даже не понимал, как действовать. Другие рабы мастерски справлялись с первой тренировкой, а Стьен раз за разом обрушивался на землю. На него нападали полупрозрачные твари, сотворенные энергией, жалили как настоящие. А он не мог защититься.

Глупый и слабый, бесполезный.

Проклятие!

Вечером он рухнул на лежанку без чувств и заснул тотчас, как закрыл глаза.

— Просыпайся, подстилка.

Сон прервался, когда кто-то пихнул его под ребра. Стьен молниеносно вскочил — сказались долгие годы постоянной выправки перед хозяевами. Но его окружили не господа, а рабы. Казалось бы, такие же невольники, как и он, но абсолютно другие. Надменные, гордые. Чувствующие своё превосходство.

Среди них стоял второй раб хозяйки — Север. Он рассматривал Стьена с неприязнью, поджав губы. Молчал, но взгляд был красноречивее любых слов.

— Расскажешь, как тобой пользовались предыдущие хозяева? — насмешливо спросил раб, чьего имени Стьен не помнил.

Помнил только, что тот принадлежал одному из парней-магов.

— Отвали, — попросил почти ласково.

— Да ты что, малыш? — Парень похлопал его по щеке, высекая вспышку боли. — Давай же, не томи. Раскрой все подробности жизни постельного раба. А лучше покажи. Представь, что теперь ты принадлежишь мне.

Стьен отвел его руку в сторону, стиснув зубы от того, как жгло прикосновение. Аккуратно, почти без грубости, не желая битвы, но предчувствуя её. Да только биться было бесполезно, потому что

его уже окружили сильные, разъяренные мужчины. Они навалились со всех сторон.

Север отошел в сторонку. Участия в драке не принимал, но и защищать никого не спешил. Тоже верно. В бою каждый сам за себя.

Удары обрушивались на него один за другим. Лупили беспощадно, желая если не убить, то искалечить. Суставы выворачивало от судорог. Стъен попытался подняться и даже пихнул кого-то ногой в грудь, за что получил по лицу кулаком. Хрустнули кости.

— Немедленно прекратить драку!

Боль от выпущенного заклинания пронзила позвоночник. Стъен повалился обратно на лежанку и стиснул зубы, чтобы не закричать от ментального воздействия, которое проникало, казалось, под кожу. Надзиратель прошелся мимо лежащих ничком рабов. Он не разбирался, кто прав, а кто виноват. Но обратил на Стъена особо пристальный взгляд.

Неужели посчитал его зачинщиком?

— Встал и пошел за мной. Живо!

Проклятие. Почему он доставляет хозяйке сплошные неприятности?..

Я развалилась на стуле и выслушивала от надзирателя, как Ветер подрался с толпой рабов. Сам зачинщик покорно сидел на коленях подле меня и головы не поднимал. Иногда только вздрагивал, словно хотел что-то возразить.

Во мне клокотало раздражение. Меня держат за форменную идиотку? Решили обвинить во всех грехах самого бесправного раба во всей гимназии? Да вы посмотрите на него. На кой ляд ему кого-то избивать?! Он еле держится на ногах после вчерашней тренировки.

— Вы обещаете не скупиться на наказание, мисс Трозз? — строго спросил надзиратель.

— Обещаю, — произнесла сухо. — Мы можем быть свободны?

— Да, конечно же.

— Поднимись, — приказала своему рабу нарочито хозяйским тоном.

Мы вышли в полнейшем молчании, не произнеся и слова, прошествовали до моей спальни. Ветер смотрел вопросительно. Не понимал, наверное, почему я даже не выпросила деталей драки. Не стала спорить с надзирателем или закатывать скандал Ветру прямо в кабинете.

А какой смысл? Надзиратель хотел видеть озлобленную хозяйку, которая всыплет виновнику по первое число — получите, распишитесь.

Наконец, за нашими спинами захлопнулась дверь, и я бессильно свалилась на кровать. Не зная, как начать разговор. Наказывать надо?..

Да он и так побитый. Вон, под глазом наливается синева, губа изодрана. Носом шмыгает явно не от глубоких переживаний, а потому что тот разбили.

Как наказывать-то? Отругать? Приковать кандалами к стене на всю ночь? Лишить обеда? Или — как все правильные хозяева — выжечь плетью на спине напоминания о проступке?

Да только какой в этом смысл?

Ветер упал на колени и подполз к моим ногам, выражая столько покорности, что стало не по себе. Я не привыкла к подобному поведению. Домашние слуги были *почти* нормальными людьми. Пусть невольными, но без совсем уж рабских замашек.

Кто обучил его так подчиняться господам? Беспрекословно. Ломая в себе человека.

— Хозяйка, я не...

— Понимаю, — вздохнула тяжело. — Ты не настолько ненормальный, что полез бы с кулаками первым. Почему же к тебе липнут неприятности? Скажи, кто был зачинщиком. Я поговорю с его хозяином.

Он поджал губы.

— Скажи, Ветер. Это важно.

— Я не знаю его имени и не желаю ему проблем. Хозяйка, не стоит ругаться из-за меня. Стычки

среди рабов случаются, в этом нет ничего страшного. Я благодарен вам за доброту, но боюсь, что хозяин того раба может быть менее благосклонен.

Что за глупое благородство?! Его побили и выставили виноватым, а он решил поиграть во всепрощение.

— А если тебя избьют опять?

— Отныне я буду начеку.

А голос полон металла и глупой, почти мальчишеской уверенности в своих силах.

Конечно, если я надавлю — расскажет. Никуда не денется. Но зачем мне ломать человека в таких мелочах? Если для него это принципиально, пусть так и будет.

У меня же есть одна мысль, как сделать так, чтобы драка не повторилась.

Но для начала кое-что другое. Я положила ладони на его подбородок и пустила — уже привычно — залечивающие чары. Немного подлатаем страдальца перед тем, как выпустить его обратно на арену.

Ветер даже не шелохнулся. Мужественно терпел тепло моих рук, а я запоминала острые скулы под своими пальцами.

Всё-таки он хорош собой, пусть и истощен. Брови вразлет, синева глаз такая глубокая, что легко затеряться. Я никогда не видела подобного, засасывающего взгляда.

Алиса, о чем ты думаешь?!

Он — не кукла, чтобы разглядывать его так пристально.

— Если что, для всех я тебя жестоко отлупила кнутом. Двадцать ударов, не меньше. Понял? — Он сосредоточенно кивнул. — Наказала, а потом излечила, чтобы ты не валялся без дела. Потому что нет пользы от избитого раба, который не способен пройти испытания. Можешь говорить так всем, кто спросит. Если же на тебя вновь нападут — не геройствуй. Умоляю. Я не смогу защитить тебя во время обедов или тренировок, поэтому придется выживать самому.

Вновь кивок. Ещё более недоверчивый, чем первый.

Мельком глянула на наручные часы, где на полупрозрачном циферблате магическая стрелка скользнула к отметке в полдевятого утра.

— Тренироваться сегодня сможешь?

— Да, хозяйка, — так и сидел на коленях. — Теперь смогу.

— Хорошо. Вечером придешь ко мне и расскажешь, что получилось, а что не удастся. Будем работать дополнительно. Если понадобится.

— Конечно, хозяйка.

— Поднимайся. Знаешь, что? — Посмотрел вопросительно. — Не надо всякий раз падать на колени при виде меня.

— Я... постараюсь.

Ветер вышел всё так же бесшумно. Не устаю поражаться тому, как неслышно он ходит. Словно порыв... ветра, правильно. Еле ощутимый, почти неуловимый.

Разумеется, учебный день прошел насмарку. Во-первых, среди потока пронеслась новость, что мой «донельзя своенравный раб» нападет на других невольников. Сначала надо мной пытались подтрунивать, но после того, как одному из шутников в скулу прилетел кулак (ибо боевые заклинания на территории гимназии запрещены), смешки поутихли.

Во-вторых, меня не покидало чувство тревоги за Ветра. Это было абсолютно неправильно, ведь в хранители для того и выбирают рабов, что хозяева не должны испытывать к тем ничего. Вещь. Источник энергии. Но не полноценный человек. Меня же коржило от мысли, что Ветра могут избивать в кровь или пытаться во время тренировок.

Вообще в гимназии было не принято подселять рабов к хозяевам, но в исключительном случае об этом можно было договориться.

Кажется, настал тот самый случай.

Вечером я вначале встретила с Севером, чтобы похвалить за первые успехи и обсудить, как ему дается практика. Парень всячески показывал себя, поигрывал мышцами и ухмылялся, повторяя:

— Это даже проще, чем меня обучали. Только слабак не выдержит тренировочной арены.

Даже думать не хочется, на кого он намекает.

— Спасибо, можешь быть свободен, — наконец, вздохнула я и распахнула кошель. — Возьми немного денег, можешь потратить их на всё, что пожелаешь.

— Госпожа, может быть, я могу ещё как-то прислуживать вам? — спросил брюнет, потупив взор. — Охранять ваш покой или помогать чем-нибудь в хозяйстве?

Хм, даже не знаю, что ответить. Покой мой охранять без надобности — никто его не нарушает; а в остальном прекрасно справляюсь сама. Мне было нечем обрадовать Севера, который хотел стать ближе к хозяйскому телу, а потому я покачала головой.

— Отдыхай, у тебя есть задача важнее, чем проводить вечера в моей компании.

Кажется, он огорчился, по крайней мере, уголки губ опустились, и обычная веселость слетела с Севера как шелковое полотно.

— Кстати, позови Ветра, — вспомнила я, когда раб почти вышел из комнаты.

Он не обернулся, но хмыкнул так многозначительно (видимо, решил, что я опять буду «избивать» раба кнутом), что это меня нешуточно разозлило. Неужели между ними вражда?

Не потерплю, если узнаю, что мои рабы собачатся друг с другом.

— Что-то не так? — спросила жестко.

— Н-нет, госпожа, — Север тотчас рухнул в позу покорности. — Извините, если что-то сделал неправильно.

— Если у тебя имеются какие-то претензии к Ветру, то выскажи их его хозяину. Мне. Я слушаю. Может быть, хочешь что-нибудь рассказать про драку между рабами?

— Никаких претензий, госпожа. Ветер слаб, но в этом нет его вины. Я не могу завидовать слабому сопернику или желать ему смерти. Я даже не участвовал в той драке. Смотрел, — признался нехотя, — но не участвовал. Здесь каждый сам за себя, но я не буду бить лежащего.

Звучит справедливо, хоть и унижительно. Север был честен со мной — не наказывать же его за искренность. Просить защищать Ветра тоже неправильно, а то решит, что я вожусь со вторым рабом как курица-наседка.

А разве я не вожусь?..

Правильно Север говорит: на тренировочной арене и после неё каждый сам за себя.

Но одно дело — соперничество, а другое — избивание того, кто даже сдачи дать не способен.

— Тебя самого не обижают? — поинтересовалась с опаской.

— Не. — Он мотнул головой. — Всё хорошо, госпожа. Я могу быть свободен?

— Да. Иди...

Раз на Севера издевки не распространяются, значит, проблема не в том, что Ветер — мой раб. Проблема в том, что он — неправильный раб. Постельный. Иной касты. Недостойный быть среди будущих хранителей, по мнению других невольников.

И это клеймо не снять с него так просто.

Но мы попытаемся.

Я только села за задания, когда дверь вновь открылась. Ветер, покачиваясь, стоял на пороге спальни. Он выглядел не так плохо, как утром или вчера, но бледность выдавала то, насколько он изнеможен.

— Ты поужинал? Нет? Обедал?

— Не хочется, — произнес тихо-тихо.

— Поешь, а потом возвращайся, — приказала господским тоном. — Неужели ты думаешь, что мне нужен полумертвый хранитель?

Да почему же он вызывает во мне такие эмоции? От переживания до гнева, когда этот невыносимый раб своенравничает.

— Извините, хозяйка.

Ветер удалился, оставив меня наедине со своей яростью. Сейчас бы выбраться за пределы гимназии и погулять где-нибудь в городе. Отвлечься. Но для начала нужно раздать нагоняев — не физических, конечно — этому неправильному рабу.

Как же он умеет выводить из себя! Я ведь поставила на него, доверилась своему выбору. А он когда-нибудь откинет копыта, если перестанет питаться или будет нарываться на неприятности.

Моё персональное несчастье вернулось спустя двадцать минут.

— Я поужинал, хозяйка, — сказал он таким тоном, будто нехорошая Алиса заставляла его жить.

— Вот спасибо, удружил, — фыркнула, откладывая учебные записи в сторонку. — Рассказывай, что тяжелее всего дается во время обучения?

Он размышлял недолго, а затем честно ответил:

— Всё.

— Как думаешь, это временно или тебя нужно снять с соревнований? Как по ощущениям? Да садись ты, чего стоишь!

Ветер, подчиняясь моему приказу, упал... правильно, на колени. Бесы, как же мне не нравится эта рабская покорность в моменты, когда она даром не нужна! Ведь есть стул или кровать, зачем отсиживать колени?

Я же просила!

— Встань.

Он резко поднялся.

Вновь из глубин поднялась обида. Зачем же я выбрала этого человека? Почему не могла ограничиться Севером или даже найти кого-нибудь третьего, гораздо сильнее их обоих? Чтобы моего будущего хранителя мадам Потт хвалила, а не стыдила перед целой ареной народа.

Чтобы мне не было его удушающе жалко?..

Бесы!

— Ты собираешься отвечать? — спросила устало.

— Да, хозяйка. Извините, просто задумался. Наверное, со временем я смогу приноровиться к ритму. Большинство хранителей — прирожденные боевые рабы. Я же... — он замолк, словно слова сдавливали ему горло подобно удавке, — гораздо слабее их. Но я буду стараться. Не собираюсь сдаваться.

Мне показалось, или в глубине его глаз появилось нечто темное, злое? Живое. Он словно вспомнил себя прежнего, когда произнес эти слова. Словно решил идти до самого конца.

Этот новый Ветер мне понравился, и я улыбнулась.

— Спасибо за честность. Отныне спать будешь в моей комнате. Я попросила лежанку, её только только принесли. Надеюсь, она мягкая. — Он недоверчиво поднял взгляд синих глаз. — А что тебя смущает? В бараках тебя забьют до смерти, потом ещё и виноватым выставят. Вот уж нет, отсыпайся.

Ветер глянул в угол, где, кроме топчана, были ещё и кандалы для ног, ввинченные в стену. Губы его сжались, и взгляд вновь потускнел.

Дьявол многоликий! Не додумалась сразу успокоить, а он опять надумал себе всякого.

— Никто не будет приковывать тебя цепями, — резко покачала я головой. — Это меры предосторожности гимназии на случай, если раб ночью захочет прикончить хозяина. Ты ведь не

собираешься душить меня подушкой?

— Нет...

— Тогда передвинь лежанку в любое место, где тебе будет комфортно. Я бы рада снять их, но сам понимаешь. — Он так задумчиво кивнул, словно не понимал ровным счетом ничего. — В общем, по утрам можешь меня не будить. Занимайся своими делами, только не забывай о приемах пищи.

— Вы мне настолько доверяете? — не верящим тоном, даже с испугом.

— Разумеется. Ты ведь можешь стать моим хранителем. У меня нет иного выбора.

С этими словами я вновь уткнулась в тетрадь, пытаюсь разобрать формулу, которую впопыхах накаркала днем.

— Хозяйка... — тихо-тихо, на излете дыхания. — Я хотел бы потренироваться. Отпустите меня на площадку?

— Конечно, — хмыкнула одобрительно.

Вот это замечательный настрой!

Тренировка затянулась. Давно стемнело, и небо усыпали звезды. Я в очередной раз зевнула и решила лечь спать. Защиту на дверь ставить не стала, чтобы Ветер беспрепятственно вошел внутрь.

Ну а чего мне опасаться? У нас все-таки элитная гимназия, здесь никто ничего дурного не помышляет, разве что какой-нибудь пьяный студент ввалится посреди ночи, перепутав спальни.

Веки слипались, и стоило голове коснуться подушки, как меня окутала тягучая дремота. Сквозь наступающий сон я слышала, как скрипнула входная дверь.

«Ну, наконец-то!», — подумала расслабленно, потому что где-то в глубине души волновалась за своего раба.

Мало ли что может приключиться с ним на разминочном поле. Он же притягивает неприятности!

Он, не разговаривая, копошился в нескольких метрах от меня. Подошел поближе. Застыл на месте. Постоял. Я не видела этого, но чувствовала на уровне инстинктов.

Да ложись ты уже, прекращай топтаться!

Вскоре я окончательно спала и не слышала, как дверь захлопнулась, выпуская человека из моей спальни, а спустя несколько минут открылась вновь.

Ветер вернулся только сейчас.

Глава 5. Что ты чувствуешь?.

Следующие несколько дней прошли недурственно. Север показывал отличные результаты, да и Ветер потихоньку втянулся в тренировки. Ему всё ещё многое не удавалось, но в конце первой недели тренер уже не насмеялась над ним, лишь сказала лично мне, что постельному рабу никогда не стать хранителем.

Это мы ещё посмотрим.

Закончилась учебная неделя, и наступил долгожданный выходной. Мы с девочками сидели во внутреннем дворе, в тени раскидистого дерева, и наслаждались долгожданным покоем. Наконец-то голова не кипела от формул, а пальцам не нужно было до онемения вырисовывать знаки.

— Прогуляемся по магазинам? — прощепетала Елена, поглаживая по волосам своего элитного раба. — Мне нужно обновить амулеты.

— Я бы зелий докупила, — лениво согласилась Эвелин, которую раб кормил виноградом.

Неплохая девчонка, одна из лучших боевиков нашей группы. Так сказать, временная замена в неразлучной троице, потому что с Джо мы так и не помирились.

Елена общалась либо со мной и Эвелин, либо с ней и Эвелин. Мы же с Джоанной старались не пересекаться. Вообще. Нигде. Никогда. Кроме занятий, разумеется.

Я с собой на прогулку никого не взяла, ибо так и не научилась общаться с Севером или Ветром о чем-то, кроме учебы. Пусть мы и ночевали с блондином в одной спальне, но это не сблизило нас. Он приходил и рушился на топчан в углу, а мне не хотелось донимать его разговорами. Иногда я чувствовала — Ветер не спит, а просто лежит, уставившись в стену.

Но не трогала его, как не трогал и он меня.

Правда, случилась одна непонятная история с Севером. На следующий день после того, как Ветер впервые заночевал в моей комнате, ко мне подошел расстроенный донельзя брүнет.

— Госпожа, только вчера я спрашивал, могу ли вам быть полезен, и вы отказали мне, но в этот же день взяли себе в помощники... его.

Он чуть не плакал от несправедливости, и мне пришлось долго-долго успокаивать парня.

— Пойми, в моем поступке нет никакого второго смысла. Я подселила к себе Ветра только из-за того, что в бараках ему могут причинить вред.

— Госпожа, вы не обязаны быть откровенной со мной, но я готов на всё, чтобы сделать вас счастливой, — сказал так грустно, будто мальчуган, у которого отобрали леденец на палочке.

— Не обязана, но я говорю тебе правду. — Улыбнулась ему открыто. — Перестань надумывать лишнего. Договорились?

Север вроде бы смирился, но с того дня стал гораздо рассеяннее прежнего на тренировках, а мне улыбался с такой надеждой, будто я только от одной его улыбки должна была передумать и поселить у себя либо их обоих, либо одного Севера.

В любом случае, я сохраняла расстояние между собой и своими рабами, а вот девочки с удовольствием пользовались случаем показать, какие у них будущие хранители.

— Давайте выберемся в город, — согласилась я. — Чего киснуть в гимназии.

Весь день мы провели за покупками. И платьев померили целый ворох, и безделушек накупили, и магические запасы пополнили. Девочки приодели своих рабов, а я вся мялась, но так и не поняла, чего купить ребятам такого, чтобы это было нужным и приятным.

Лучше уж по старинке: дам денег, а они сами разберутся. В магазине при гимназии ассортимент хоть и крохотный, зато покупка будет личная. Что захотел, то и взял.

Совсем свечерело, когда я вернулась обратно в гимназию.

Странно, но Ветра в спальне не обнаружилась. С одной стороны, я не запрещала ему покидать комнату без моего разрешения, а с другой — куда он мог пойти, не сообщив с утра и не оставив записки?

Меня охватило негодование. Бесы! Его тут защищаешь, миришься с его присутствием в ущерб

собственным интересам (мне, например, нравилось спать обнаженной, но при Ветре я себе этого не позволяла), а он сваливает незнамо куда.

Ноги сами понесли меня по коридорам.

Чем дольше я искала непокорного раба, тем сильнее накрывал страх. Липкий и зловонный, он расплзался меж ребер, вгрызлся под лопатки.

Что-то случилось.

Ветер не мог просто так уйти.

Или мог?..

Он нашелся в тренировочном зале. Взмыленный, раскрасневшийся, его обнаженную грудь и спину покрывала испарина. В руках у Ветра плясал деревянный меч, и набитые песком груши отскакивали в стороны, стоило рабу ударить по ним «лезвием».

Удивительно, но я засмотрелась за тем, как легко он управлялся с оружием, как двигался, будто бы в танце. В эти минуты он перестал быть слабым и незащищенным. Напротив, я чувствовала уверенность в каждом движении своего раба.

Такой, если захочет, и хозяина прирежет.

Хорошо, что подобного своеволия среди рабов не наблюдалось, ибо им с малых лет внушали покорность перед господами. Это было вбито в них тысячами плетей, впитало с материнским молоком.

Ну а становясь хранителем, раб и вовсе не смог бы притронуться к хозяину, ибо руна хранителя выжигала в нем особую степень верности. Отец рассказывал, что раб даже помыслить не смел о том, чтобы тронуть боевика. Просто не мог физически.

— О, а вот и пропажа. Помощь не нужна? — весело спросила я, и Ветер резко обернулся.

В его глазах появился испуг. Он, видимо, и сам догадался, что ушел без предупреждения, да ещё и тренировался, чего я сегодня ему не разрешала делать (впрочем, и не запрещала).

— Хозяйка... извините меня...

С этими словами он рухнул на колени, откинув меч и склонив голову. Ещё минуту назад этот мужчина вызывал у меня что-то, отличное от жалости, но теперь он вновь превратился в раба, и всё восхищение исчезло. Лопнуло как мыльный пузырь.

Мне остро захотелось, чтобы он поднялся и никогда больше не подчинялся. Никому. Даже мне.

— Помощь не нужна? — повторила громче.

— Какая? — удивленно спросил он и тотчас добавил обращение: — Хозяйка.

— Наверное, скучновато дубасить мешки с песком? — он не нашелся, что сказать, и мне пришлось топнуть ногой: — Не молчи, прошу тебя!

— Да, хозяйка. Мешки не сравнятся с настоящим противником...

— О чем и речь.

На моих губах заиграла ухмылка.

Наколдовывать аморфных зверей я умела неплохо, все-таки не худший боевик потока. Кроме того, у меня была маленькая сестренка, которая пищала от восторга, стоило появиться какому-нибудь чудовищу на пороге её спальни.

Хм, как она там?..

Моя маленькая Ольга, которую я любила всем своим сердцем, училась в обычной школе. Потому виделись мы удручающе редко, только на каникулах. А мне так не хватало её заливистого смеха.

Короче говоря, опыт в иллюзиях у меня имелся.

Я мотнула волосами и вырисовала пальцами руны призыва. В центре зала появились очертания гигантского медведя. Полупрозрачный, бестелесный, зато быстрый и сильный. Он ощерил пасть, и изо рта на пол закапала слюна.

— Для первого раза сгодится? — улыбнулась Ветру.

Тот одобрительно хмыкнул и в скольжении поднял меч, а затем попытался напасть на медведя сбоку. Зверь оказался резвее, с ревом развернулся на мужчину, чуть не угодил лапой ему по груди. Когти мазнули в сантиметре от тела.

Почему-то я зажмурилась, хотя прекрасно знала — никакого вреда аморфы не причинят.

Ветер перекатился, вильнул вправо, заставив медведя двинуться за ним. Это был обманный ход, потому что мужчина резко отпрыгнул влево. Зверь тряхнул мордой, слюна полетела во все стороны.

Секунда, и острие вонзилось в медвежью плоть. Я щелкнула пальцами, уничтожая аморфа.

— Молодец! — одобрительно похлопала в ладоши.

Ветер чуть заметно улыбнулся. Он выглядел разгоряченным, но довольным собой. Кажется, ему по-настоящему нравилось тренироваться.

Я встала бок о бок к своему будущему — если всё получится! — хранителю и наколдовала десяток разномастных тварей. Крупных и мелких. Юрких лисиц и неповоротливых медведей, разъяренных волков. Они кинулись на нас, и я рассмеялась:

— Ну что, давай на скорость? Только не поддавайся!

Он обернулся и посмотрел на меня... необычно. Неправильно посмотрел. Раб не должен так разглядывать госпожу. Я даже не могу объяснить, что именно в его взгляде противоречило всем правилам, но он кипятил кровь.

Это была гремучая смесь уважения, восхищения и... чего-то ещё, мне недоступного.

Мы сражались наравне. Удар за ударом. Переход, подкат, энергетический хлыст. Работали на опережение и защищали друг друга совсем как в настоящем бою. Казалось, я могла предугадать следующий шаг Ветра, как и тот — мой.

Нам не нужно было говорить что-то, чтобы понимать.

Здесь и сейчас мы создавали настоящее волшебство битвы, и я сожалела, что мадам Потт не видит истинную сущность постельного раба, которому она предрекла скорую гибель.

Он — боец. У него всё получится.

— Десять-десять, — ухмыльнулся Ветер, хрустнув костяшками пальцев, когда все твари испарились.

Даже не назвал меня хозяйкой или госпожой! Прогресс! Надо бы почаще показывать ему, что я нормальная. Обыкновенная девушка.

— Может быть, как-нибудь повторим? — предложила, когда мы шли на вечернюю трапезу; я в столовую для студентов, а Ветер — в рабскую.

— Если вас не затруднит, — осторожно согласился мужчина, но я услышала в его голосе радость.

Бесы, как же просто подарить ему счастье. Страшно осознавать, что у человека нет других удовольствий, кроме битв с воображаемыми зверьми.

Я вернулась в спальню первой, разложила по полкам купленную одежду. Абсолютно ненужные вещи, зато красивые. Надо же себя баловать в последний месяц свободной жизни?

Вот, например, это платье. Изумрудно-зеленое, словно молодая листва. Легкое, почти невесомое, облегающее словно вторая кожа. Только вот куда его носить?

Да какая разница!

Я надела его на себя и покрутилась перед зеркалом. Шелк блестел и переливался в отблесках магических огней. Не платье, а произведение искусства.

Тень, мелькнувшую за спиной, я увидела краем глаза. Скорее даже не увидела, а почувствовала кожей.

Человек стоял и смотрел на меня. Неотрывно. Долго.

Наученные долгой практикой пальцы начали выплетать заклинание быстрее, чем я повернулась.

Руна растаяла, не успев напитаться энергией, потому что в дверях стоял Ветер.

Нет, определенно нужно попросить его быть более шумным! Иначе я когда-нибудь поседею от страха.

Наши взгляды встретились на короткую секунду. Сердце пропустило удар. Мне показалось: он сейчас что-то скажет или сделает. Особенное. Важное. Мужчина долго на что-то решился и, наконец, готов это свершить.

И он сделал. Но совсем не то, на что я рассчитывала.

Глава 6. Наша сила в слабостях

Мужчина напряженно молчал, и у меня пересохло в горле от ожидания чего-то непонятного, а оттого особенно пугающего.

— Спасибо вам, хозяйка, — вдруг шепнул мой раб, опускаясь в позу покорности. — За всё.

— Встань, прошу тебя, — дернула плечом, но Ветер не собирался подниматься.

— За всё, — повторил он глухо, и я увидела в глазах отблески стыда. — Не только за тренировку или за доброту. Не только за то, что вы досрочно закончили первое наказание и никогда не наказывали меня впредь.

В глубине льдистого взгляда плескалось нечто большее, чем простая благодарность, но я никак не могла понять — что именно.

Зато смысл его фразы от меня не скрылся. Пришлось отвернуться, чтобы не выдать то, как покраснели мои щеки при воспоминании о комнате для наказаний.

— Я сразу понял, что той ночью ко мне вошли именно вы. Даже без слов. Я помню звуки ваших шагов и... запахи, хозяйка. Вы по-особенному пахнете.

Если честно, появилось желание обнюхать себя, чтобы понять: это насмешка или комплимент?

— Поднимайся, — попросила, не поворачиваясь. — Повторюсь, мне нужен хранитель, а не покорный раб.

Ветер вскочил на ноги. Два широких шага, и мужчина оказался за моей спиной, почти вплотную ко мне. Так близко, что даже неправильно. Близость его тела ощущалась лопатками. Жар, горячее, сбитое дыхание и... голос. Таким вкрадчивым тоном Ветер никогда ещё со мной не разговаривал.

— Хозяйка, я хочу отблагодарить вас. Хочу показать, чему меня учили, — прошептал одними губами.

Я повернулась и покачала головой.

— Не нужно.

Вообще ничего не нужно, кроме усердия на тренировках. Что за бред? Что он собирается сделать?..

— Вы должны знать, кого выбрали в хранители.

Он обхватил моё запястье и потянул за собой. Машинально я поддалась, не понимая сама, что и зачем творю. Ветер усадил меня на кровать, а сам вновь опустился передо мной. Его руки, вдруг ставшие сильными и твердыми, накрыли мои колени, чуть оглаживая их. Я сжала ноги и попыталась натянуть ткань юбки до лодыжек, но Ветер губами припал к моей ладони.

Его пальцы аккуратно подняли шелк платья. Выше, ещё выше, открывая бедра. Он коснулся кожи обнаженной ноги, и я вся вспыхнула. Отстранила его.

— Прекрати.

— Молчите, пожалуйста.

Мужчина смотрел на меня вновь ставшим пустым взглядом, и это было невыносимо. Словно человек ненадолго ожил, поддавшись эмоциям, но вновь обратился в пустую оболочку, стоило ему вспомнить былые навыки.

— Зачем тебе это нужно?! — взбесилась я, вскакивая с кровати и путаясь в длинной юбке. — Кто тебя просил меня трогать?!

— Это моя благодарность, хозяйка, — ответил с горькой усмешкой. — Попытка доказать, в чем я могу быть полезен. Меня этому обучали долгие годы. Вы очень красивы и заслужили особенного отношения.

Голос чуть хриловат, и взгляд потемнел.

— Какая мне разница, чему тебя учили прошлые хозяева?! — окончательно разъярилась я. — Ты должен стать хранителем! Если бы я хотела чего-то *другого*, — не нашлась, как ещё назвать то, что чуть не произошло между нами минуту назад, — то попросила бы. Вслух!

— Простите меня. Мне казалось, вам понравится.

— Кошмар! Какого ты обо мне мнения?! — закрыла полыхающее лицо ладонями. — Иди спать, умоляю.

Ветер послушно рухнул на лежанку и отвернулся к стене. Он лежал без движения всю ночь. Лопатки были сведены, тело напряжено. Я знала это точно, потому что сама тоже не могла уснуть.

Сама того не желая, вспоминала легкие поглаживания и чувственные касания. Короткие, но такие манящие. Мягкие губы и взгляд, такой тяжелый, что легко затеряться в его тьме.

Бесы, да что не так?! Я ведь не воспользовалась своим рабом. Даже не хотела этого. Ни разу. Почему тогда мне так тоскливо, будто мы могли совершить что-то особенное, но оборвали себя на половине?

В моей жизни ещё не было такой долгой ночи. Бессонной. Тревожной. Непонятной.

Странно это. Неужели все хозяева чувствуют нечто подобное по отношению к рабам? Зачем вообще заводят постельных? Несомненно, их умения... необычны, но неужели для кого-то плотские утехы имеют такую важность, чтобы купить ради этого особенного человека?

А как же любовь, как же эмоции? Как можно хотеть чего-то физического с человеком, который для тебя... никто?

Чушь какая-то.

Мне когда-то нравился мальчик со старшего курса. Да он всем нравился, если вдуматься. Высокий, белозубый, черноглазый балагур. Лучший из лучших. Разумеется, меня он не замечал, что добавляло остроты чувствам. Я могла ночами не спать, вырисовывая его профиль. Моё сердце замирало, стоило ему обратиться ко мне по имени.

Потом он оказался последним козлом, и моя любовь поутихла.

А два года назад этот парень погиб после инициации. Где-то на морозных горных вершинах, не пережив нападения диких тварей.

Я мотнула волосами, отгоняя мысли о том, что ждет нас после окончания учебы.

Зачинался рассвет. Засыпать было бесполезно...

...Следующий день мы с Ветром провели поодаль. Я готовилась к скорым экзаменам, Ветер же с самого утра пропадал на тренировке. Вначале общей, затем — на той, которую организовал себе сам. Я хотела предложить помощь. Очень. Но не смогла.

Рот не открылся, будто бы занемев.

До сих пор не понимаю, что конкретно чувствую после вчерашнего. Ведь мужчина, пусть даже и принадлежащий мне, касался моих обнаженных ног, видел мои бедра.

Страшнее всего: мне это понравилось. Безумно. Дико. Будто во мне проснулись животные инстинкты. Глупое, слабое тело требовало продолжения. Поцелуев. Касаний...

Ну, уж нет. Ветер куплен не ради постельных утех, нечего ему заниматься тем, от чего я пыталась его огордить.

А вечером мадам Потт собрала нас, чтобы рассказать о тренировках будущих хранителей. Мы вновь расселись по рядам на стадионе, и тренер оглядела каждого задумчивым, долгим взором. Накапывал дождь. Небо затянуло черными тучами.

— С завтрашнего дня интенсивность возрастет. Считайте, что прошлая неделя была разминкой перед настоящим боем. Ну и дальше, как вы понимаете, всё будет только хуже. До последней недели не дойдут некоторые боевые рабы, и магам придется задержаться на год, чтобы выбрать себе нового хранителя и вновь направить его на обучение. Если же у вас нет денег на другого раба — увы. Быть боевиком — это дорогое удовольствие.

На стадионе повисло безрадостное молчание. Мы словно вкладывались в свою гибель. Заплатил за раба чуть меньше, чем стоило — и он не сможет дойти до инициации. Деньги на ветер (я уже молчу о том, что это чья-то жизнь). Заплатил чуть больше — добро пожаловать на службу. Где умереть можешь ты сам.

Впрочем, перед теми, кто переживет этот год, откроются небывалые перспективы. Не зря боевиков называют бесценными выпускниками гимназии. Ибо нас слишком мало, и наши умения безграничны.

— Ах да, — добавила мадам Потт с ухмылкой. — С этой недели вы начнете тренироваться попарно. Вместе со своим рабом. Готовьтесь.

Это вызвало бурю эмоций. Все переговаривались, обсуждали предел сил своих будущих хранителей. Хотели поскорее опробовать себя в паре.

Я мельком посмотрела на сосредоточенного Ветра, что сидел у моих ног. Кажется, его не смутили слова о том, что весь ужас тренировок, который он испытал до этого, считался «отдыхом». А вот Север чуть слышно хмыкнул. Мол, ничего особенного, знавали мы и покруче битвы.

— Вновь повторяю, что советовала бы заменить рабов у следующих учеников. Помните, неудачную партию всегда можно продать по цене, за которую вы её купили, — а затем мадам Потт назвала имена, среди которых, разумеется, было и моё.

Джоанна ехидно улыбнулась мне и погладила своего раба за ухом (он тебе собачонка, что ли?!), а я гордо вздернула подбородок.

— Алис, тебе так часто напоминают о бесполезности твоего Ветра. Не думала продать его? — поинтересовалась Джо, когда мы толпой покидали стадион, и рабы двигались за нашими спинами. — Я бы купила такого красавчика. Обещаю не трогать его... чаще необходимого.

— Заткнись.

— Девочки, перестаньте, — попросила Елена, раб которой приобнял её за спину. — Вы опять за свое?

— Ты его хоть проверила в работе? — не унималась Джо.

Я вспыхнула до кончиков волос и проскрежетала:

— Ветер, Север, пойдемте быстрее. У нас много дел.

— Уже и пошутить нельзя! — донесся обиженный голосок Джоанны. — Чего ты такая нервная?! Вот позволила бы рабу ублажить госпожу, мигом бы смягчилась.

— Джоанна, хватит! — возмутилась где-то в отдалении Елена. — Давно могли бы помириться! Чего ты к ней лезешь? Алиса, подожди!!!

Ладно, Елена. Она не такая уж плохая, просто легко поддается чужому влиянию. А вот Джо...

Мне всё сильнее хочется забыть о том, что я воспитана хорошей девочкой, и как-нибудь выместить на ней свою злость.

Выдыхай, Алиса. Ярость губительна. Разожми кулаки. Позволь энергии течь спокойно, не тревожь её ненавистью.

— Она того не стоит, — вдруг отозвался Ветер.

Очень тихо, практически одними губами, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я сосредоточенно кивнула.

Ты прав. Она того не стоит.

Понедельник закончился крахом. Я сидела с книгой по поисковой магии во дворе, когда ко мне широким шагом подошла мадам Потт. Сейчас она казалась ещё более недовольной, чем обычно.

Хм, что-то случилось? С чего тренер отыскала меня лично, а не попросила кого-то из помощников?..

— Мисс Трозз, заберите своего раба. Он не способен даже встать. Мы бы подняли его, но, может, вы наконец-то увидите всю бесполезность его существования.

Она так и сказала: *существования*. Не тренировок или обучения, но жизни в целом. Для неё он по статусу ниже бездомной собаки.

Я рванула к стадиону, опустевшему и притихшему. Ни единой живой души, не считая нас с тренером и... Ветра.

Он лежал на земле, на боку, обессиленный. Грудь тяжело вздымалась, и на теле краснели свежие следы от ожогов, оставленных магией.

— Повторю, этот раб — бесполезный кусок мяса и костей, — сказала мадам Потт резко. — Ему не стать вашим хранителем. Бросьте все усилия на своего Севера, он способен сопровождать боевика.

Мисс Трозз, поймите. Своей жалостью вы добываете раба. Ещё немного, и он будет неспособен даже служить разнорабочим.

Ветер, услышав это, сжался лишь сильнее. Кажется, он превратился в сгусток нервов. Я присела на корточки и осторожно тронула его плечо.

Совсем забыла о проклятии!

Рука отдернулась слишком поздно, но Ветер не вздрогнул от касания.

Хм, почему он не выглядел измученным в тот момент, когда гладил мою кожу? Неужели так хорошо умеет маскировать боль?..

— Вставай, — не приказала, но мягко попросила. — Ты же сильный, ты не должен никого слушать.

Позади раздалось фырканье мадам Потт.

— Я создан для другого, хозяйка... — слабо усмехнулся Ветер через сведенные зубы.

— Глупости. Мы ведь убедились, что ты можешь драться наравне с остальными. Поднимайся! Завтра будет проще.

— Не надо. Я подведу вас... Отдайте меня на кухню... или используйте по назначению... Я не оправдаю ваших ожиданий...

С трудом подавила непрошенные слезы. В мужском голосе звучало столько бессилия. Столько злости из-за собственной слабости. Столько презрения к самому себе.

Во всем моя вина. Ежедневно я причиняю Ветру боль. Не физическую — хуже. Ибо заставляю его выходить на арену и заниматься наравне с боевыми рабами. Ежедневно я напоминаю ему: ты слабее всех.

Это невыносимо.

Я даже хотела согласиться с его словами и отправить служить родителям, а потом вспомнила, как изменился Ветер во время того единственного совместного боя. Он забыл обо всем. Он не боялся и дрался выверено. Правильно. Ожесточенно.

В тот вечер он ожил, а сейчас собирался сдаться.

Нет.

Надо идти до конца.

Вечерами я буду залечивать ему раны. Я буду поить его снадобьями. Я вложу всю себя. Наполню своей энергией. Вечерами я сделаю всё, чтобы поддержать его.

Основная задача Ветра — выжить днем.

— Скажи мне, — спросила со страхом, — чего ты хочешь сам? Я не накажу тебя за искренность. Если ты истощен — завтра же вернешься в поместье. Если хочешь работать на кухне — я договорюсь с родителями.

Ветер недолго думал над ответом.

— Я хочу биться. До последнего. Но не хочу подводить вас, хозяйка.

Меня накрыла волна облегчения

— Тогда поднимайся, и мы будем заниматься вместе. Есть три недели до инициации. Это не предложение и не просьба. Это приказ.

Мадам Потт презрительно хмыкнула, но новых едкостей не отвесила.

Я вновь тронула острое плечо и направила сквозь пальцы целительскую энергию. Потихоньку дыхание выравнивалось, и плечи распрямлялись. Тело мужчины — как всегда — моментально откликнулось на мою магию и восстанавливалось с небывалой скоростью.

Решено, будем тренироваться втроем. Северу не мешает улучшить навыки, а Ветру я не позволю сдаться.

Иначе о чем он будет помнить вдалеке от гимназии, в доме моих родителей? О том, что настолько бесполезен, что его отдали за ненадобностью? Что он не оправдал моих надежд? Что его удел —

постельные ласки?..

Глупости.

— Ты сильнее многих, помни об этом, — сказала сурово. — Ты справишься.

Надеюсь, моя наивная вера не принесет тебе гибель.

Тем же вечером мы заняли зал и тренировались до полуночи. Север был великолепен, с этим нельзя поспорить. Он так мастерски отбивался от выдуманных мною зверей, что я восхищенно присвистывала. Впрочем, Ветер не отставал. Он пытался изо всех сил, отдавал себя всего.

Если Север действовал играючи, стараясь произвести на меня впечатление, то Ветер тренировался как в последний раз. Признаться, его первобытная ярость восхищала куда больше, нежели умения Севера.

Всякий раз он падает, но поднимается. Удивительная сила духа и готовность принести себя в жертву ради победы.

Не прошу ли я от него слишком многого?

Нет, я вижу: он способен на всё, только скован долгими годами рабства.

Из него нужно вытаскивать слабость. Через боль и мучение, но ведь иначе невозможно. Мне и самой во время — да и после — инициации придется несладко, но я жду того часа как самого большого подарка в жизни.

— Госпожа, вы прекрасно управляетесь с магией, — льстиво отметил Север, когда мы закончили, и я заперла тренировочный зал на магический ключ.

— Спасибо, — тепло улыбнулась. — Ты тоже хорош. Когда с тобой начали заниматься боевыми искусствами?

— Оружие дали с пяти лет, но обучали даже раньше, как только научился ходить, — похвастался он. — Мне всегда говорили, что я прирожденный хранитель. А когда вы решили стать боевиком?

Всё детство я смотрела на своего отца. Вечно в боевых походах, уставший, но неунывающий. Сильный. Он был образцом для подражания. Когда у меня обнаружили способность к магии, я уже знала: иначе быть не может. Отец пытался отговорить неразумную дочь. Он хотел, чтобы я стала лекарем или бытовым магом.

Увы.

Я рассказала, почему пошла в гимназию на боевой факультет, и Север одобрительно хмыкнул. Зато Ветер понуро плелся позади нас и разговор не поддерживал.

— Может быть, я могу сделать для вас ещё что-нибудь? — Север посмотрел на закрытую дверь в спальню.

— Ничего, спасибо. — Я легонько приобняла его напоследок.

Не знаю даже, зачем это сделала. Насмотрелась, как девочки обращаются со своими рабами, как ревнивы по отношению к ним. Ведут себя с ними будто с лучшими друзьями.

Но у нас-то всё иначе. Вечная отстраненность.

Губы Севера озарила радостная улыбка, и мне вдруг стало стыдно за то, что я всегда относилась к брютету с безразличием, даже не благодарила толком. Девочки вон одежду рабам покупают и побрякушки какие-то, а от меня слова доброго не дожدهшься. Дала денег, и всё.

— Спасибо тебе! — повторила с чувством. — Отдыхай.

Мы со вторым — и главным — моим несчастьем остались наедине. Посреди пустого коридора. В крошечной ночной темноте, когда шорохи угасли, и умолки голоса.

Я приложила ладонь к двери, и защелка открылась. Дверь отворилась, пропуская нас внутрь спальни, заваленной чертежами и тетрадными записями.

— В твоём личном деле написано, что любое касание причиняет тебе нечеловеческую боль, — пригвоздила я шепотом; Ветер поежился. — Так ли это?

— Так, хозяйка.

Уверенно, спокойно, непоколебимо. Только вот кадык нервно дернулся, будто мужчина пытался умолчать что-то.

Эта мысль не давала мне покоя весь вечер. Я прыжком пересекла расстояние, разделявшее нас. Не отрывая взгляда от хмурого лица блондина, схватила его за ладонь. Тот вздрогнул, но скорее от неожиданности.

— Тебе больно?

Отрицательно покачал головой. В молчании. Словно самому себе боясь признаться, что проклятие не приносит муки.

— Когда тебя трогает кто-то ещё, больно?

Быстрый кивок.

Получается, проклятие сломалось только об меня? Почему? Из-за идеального совпадения? Или чего-то другого, мне неизвестного?

Не понимаю.

А касание всё затягивалось. Пальцы Ветра не дрожали. Не чувствовалось напряжения. Рука была расслаблена, и впервые за это время я не опасалась того, что причиняю этому мужчине боль.

Я осмелела и провела выше, к запястью. Ветер стиснул зубы. Не от боли. Нет. Что-то другое сейчас тревожило его. Что-то, из-за чего взгляд темнел, и губы сжимались в тонкую полоску.

Иногда тишины бывает слишком много. Этой ночью, когда звезды сияли особенно ярко, она давила на барабанные перепонки. Мне хотелось говорить, кричать, смеяться. Хотелось найти объяснение тому, почему проклятие бессильно.

Но я молчала.

— Вы злитесь на меня за тот вечер? — спросил Ветер шепотом, будто кто-то мог нас услышать.

— Нет, — ответила смущенно, — но в следующий раз давай обойдемся без подобных «благодарностей». Зачем вообще тебе понадобилось что-то делать? Ведь всё было нормально.

— Вы не понимаете. Это заложено во мне. Меня обучали хозяева, вдавливали это годами. Давайте я вам всё расскажу перед тем, как вы дадите мне очередной шанс. Вы должны знать, какой я... на самом деле.

— Зачем? — Вновь взяла его за руку, и мужчина не отстранился. — Меня не интересует, что было раньше.

— Но ведь было же. И тренер права, я слабый... безвольный раб, который не умеет ничего, кроме...

Он не закончил. Я коснулась пальцами подбородка, заставляя поднять на меня взгляд.

— Ты наверняка лучший на свете... любовник, не отрицаю, — его тонкие губы тронула невеселая улыбка, — но я видела, как ты сражаешься, когда забываешь о своей слабости.

— Но...

— Ты нужен мне. У нас стопроцентная связь, понимаешь? Почему-то я могу тебя трогать, невзирая на проклятие. Это ведь что-то да значит? Пожалуйста, не сдавайся. Ради меня.

Я прижала его к себе и опустила голову ему на плечо. Какой же Ветер высокий, едва достаю ему до подбородка. Наши тела оказались совсем близко, прижатые друг к другу. Его холод сплетался с моим теплом.

Удивительно, но в эту секунду я почувствовала, как потяжелело его дыхание. Как затвердели мышцы. Как гулко забилося сердце.

И это вызвало во мне искреннее недоумение. Может ли раб возжелать госпожу? Неужели это не против рабской природы?..

Ветер резко отвернулся, увидев, как округлились мои глаза.

— Разрешите мне помыться, хозяйка, — выдавил мужчина.

— Конечно, иди.

В этот вечер он застрял в ванной надолго. Обычно хватало пяти минут, а сейчас пропал на полчаса. А когда вернулся, взъерошенный, мрачный, то без лишних слов юркнул под одеяло.

Ветер. Мой Ветер.

Бесы. Мне не нравилось это глупое имя. Сейчас оно казалось какой-то издевкой, глупым прозвищем. Ведь он человек. Его должны звать по-настоящему.

— Как тебя зовут? — прервала ночную тишину.

Мужчина напрягся и сглотнул. Острый кадык дернулся, и желваки напряглись.

— Пожалуйста...

— Эрстьен, — пробормотал он. — Плохое имя. Его дала моя мать.

— Ты помнишь свою маму?

— Маму, — он ухмыльнулся так, что мне стало не по себе. — Эта женщина мне точно не мама. У неё скопилось множество долгов, и она не придумала ничего лучше, чем продать семилетнего сына работоторговцу. Я помню, как хватался за её юбку и ревел, а она пересчитывала монеты. Ей было всё равно. У меня не осталось ничего, кроме имени. Но и оно мне было ни к чему. Вот и всё.

— Эрстье-е-ен, — протянула я.

Аристократично, звучно, но абсолютно не подходит ему. Он ведь не такой. Не изнеженный красавчик. Не постельный раб.

Он другой.

Мужчина поднял на меня глаза, будто бы ожидал вердикта или усмешки. Но я ободряюще улыбнулась.

— Спасибо, что признался, Стъен. Для меня это много значит.

— Стъен? — слабо улыбнулся. — Звучит гораздо лучше.

Кажется, сокращение не коробило ему слух и не вызывало прежних, болезненных ассоциаций.

— Хозяйка, — тихо позвал он, стоило мне погасить свет хлопком в ладоши.

— Да?

— Я знаю, вы встаете рано. Может быть, потренируемся завтра на рассвете?

— Разумеется, — одобрила я.

— Спасибо... — пробормотал тихо-тихо.

И мне вновь захотелось скулить от бессилия.

Хозяйка стала его погибелью. Разрушительным смерчем. Заболеванием, которое разъедало изнутри.

Стъен пытался ненавидеть её как прочих господ — не получалось. Пытался относиться равнодушно — не мог.

Достаточно было услышать её голос (всегда почему-то тихий, словно она боялась проявить себя в полную силу), чтобы тело опаляло жаром.

Каждое её слово, каждое действие несли не физическую — иную — боль. Куда более невыносимую, чем любая другая. Всякий раз, когда руки хозяйки касались Стъена, он задыхался. В дурной голове билась единственная мысль: «Не отпускай».

А её просьба? Столь искренняя, такая отчаянная, что не было возможности отказаться. Тело, которое совсем недавно молило о том, чтобы всё прекратилось — тренировки, мучения, бои, — наполнилось новыми силами.

Она не прогнала его в поместье, не продала, как продавали многих других слабых рабов. Хозяйка попросила его бороться.

А потом случилась та бестолковая ночь. И маленькая теплая ладошка, которая исследовала руку Стъена. Пальцы, что очерчивали застарелые шрамы. Взгляд, полный удивления и робости.

Почему проклятие умолкало рядом с ней? Один дьявол разберет. Лучше бы касания хозяйки причиняли самую сильную боль на свете — тогда её можно было бы ненавидеть как и всех других.

Но нет.

Стъен словно окаменел, когда близость их тел переросла в недопустимую. Когда её волосы коснулись его щеки, и в ноздри ударил аромат весенних цветов.

Она стала его наваждением. Ночным кошмаром, который никак не мог прерваться.

Стоя под ледяной водой так долго, что заledenели даже внутренности, Стъен мечтал об одном: пусть всё это закончится. Если хозяйка перестанет быть *такой*, он сможет представить, что ничего не произошло.

Но что-то подсказывало: не перестанет.

Следующим утром, едва солнце поднялось над горизонтом, они отперли тренировочный зал. Вновь со всех сторон ринулись магические твари, и чувства обострились до предела. В метре от Стъена словно бабочка порхала хозяйка. Невесомая. Грациозная. Умеющая жалить точно пчела. Магия струилась из-под её пальцев. Взгляд становился сосредоточенным, черты заострились.

Хозяйка не просто дралась — она сама обращалась в энергетический вихрь.

А Стъен думал как дурной мальчишка: он бы отдал всю свою никчемную жизнь, чтобы вечно наблюдать за тем, как воюет эта девушка.

Ибо не было зрелища прекраснее.

Я последняя дура, потому что после той ночи так и не научилась смотреть в глаза Стъену.

Ведь столько осталось невысказанного. Необъяснимого. Непонятного. Что делать с мыслями, которые копошатся в голове, не позволяя спать?..

Мы тренировались всё чаще. На занятиях и после них. Учились работать вместе и поодиночке. Периодически Север поглядывал на Стъена неодобрительно, но в целом даже соперники-рабы приняли своё положение и всё чаще оборонялись в паре, защищая меня от аморфных тварей. Мне нравилась их сцепка, они покрывали недостатки друг друга.

Посреди недели я даже присутствовала на тренировке рабов (разумеется, никому об этом не сообщив, а опять спрятавшись за трибуной) и с удовлетворением отметила, что Стъена гораздо сложнее застать врасплох. Он юрок, умеючи работает с оружием. Иногда ему не хватает выносливости, но это не критично. Ежедневная практика, и к концу месяца всё наладится.

Магические плети уже не обрушивались на него, а если и попадали, то на излете, не причиняя былой боли.

— Какой же ты молодец! — шептала я, довольно ухмыляясь. — У тебя всё получится.

Про Севера и говорить нечего. Если раньше он был средним бойцом, то теперь стремился занять первенство. Хитрый, умелый, сильный, знающий себе цену. Настоящий хранитель. Будущий помощник мага. Надежная опора.

Почему тогда во мне теплится надежда, что инициуемся мы вдвоем с Стъеном?..

Кстати, на практических занятиях мадам Кинетти так усилила защиту, что муха бы не проскользнула. После того, как меня чуть не испепелило заклинанием, она с особым трепетом относилась к обороне.

Поэтому заниматься стало откровенно скучно. А какой смысл, если противник покрыт трехступенчатым коконом? Да даже если он будет дрыхнуть — не почувствует заклинания.

Зато наши спарринги на троих с лихвой компенсировали скуку. Мы сражались так, словно от этого зависела чья-то жизнь. Возвращаясь измотанными, мы падали на матрасы и засыпали мертвецким сном.

Разве не в этом истинное наслаждение?

Разве не ради этого становятся боевыми магами?

К концу недели нам выдали список вещей, необходимых для инициации. Если честно, я присвистнула от изумления, развернув его. Такой перечень, будто нас отправляли в бесконечную ссылку.

Впрочем, для кого-то так и было.

Ох. Я ещё не говорила, что такое инициация?

О-о-о, это любопытно. Великие маги защитили нашу страну от диких зверей и разрушительной стихии, наложив на города охранные щиты. Мы читали о смертоносных ураганах и ядовитых дождях, но никогда не видели их вживую.

Но есть Свободные земли. Свободные от магии, от людей, от законов. Там обитают опасные твари и живут те, кого общество изгнало прочь. И нас, едва оперившихся магов, отправляют туда на год.

Чтобы оберегать покой мирных граждан. Чтобы отстаивать честь государства. Чтобы биться до последней капли крови.

Мы — верная рабочая сила. У нас нет выбора или возможности отказаться.

Трудовая повинность, так это называется.

Те края не просто опасны, они ещё являются источником энергии. Неисчерпаемым. Именно там наша сила набирает максимальную мощь, и умения — боевые, бытовые, интуитивные, поисковые — обостряются как никогда.

Этот год нужен для того, чтобы боевик расцвел, а его стихия стала нерушимой.

Никто не знает, куда его забросит жеребьевка. Никто не знает, кто сумеет вернуться, а кто навсегда останется пленником Свободных земель. Живым или мертвым.

Единственный плюс — там есть дома и минимальный набор удобств. Поэтому в шутку боевых магов многие называют «лесничими». Уехал на край мира в домик, вот и живи там наедине с рабом.

В общем, я смотрела на список вещей взглядом человека, который почти смирился с безысходностью положения. Нужно обеспечить всем необходимым не только себя, но и потенциального хранителя.

Оружие, одежда, зелья, амулеты и даже книги. Понятно, что всё это будет свернуто с помощью магии до размеров кулька, но тратить время и покупать... бр-р-р...

Раньше бы пошла с девочками, но сейчас не хочется. Что ж, возьму с собой своих мужчин, заодно и им чего-нибудь прикуплю.

Хм, а неплохо звучит. Мои мужчины. Мы сблизились за последнее время, научились слышать друг друга с полуслова.

Быть может, случится невозможное, и они оба станут моими хранителями?

Вряд ли.

А жаль.

Глава 7. Будь осторожна

День угасал, и я окончательно вымоталась от бесконечных лавок и сладкоголосых торговцев. Мы закупили всё по списку, кроме мелочей типа оздоровительных снадобий. Ничего страшного, этого добра везде полно, даже в лавочке при гимназии.

Туманная шаль опустилась на вечерний город.

Мы шли по людной улочке меж прилавков с тряпьем, когда я почувствовала чей-то зов. Это было странно, сродни шевелению между волос. Не голос, но звук, затерянный в шелесте листвы. В стуке колес повозки, что несется по мостовой. В биении сердца.

Алис-с-с-а.

— Слышите что-нибудь? — спросила у своих компаньонов, но те покачали головами.

Тем страннее. Предчувствие вело меня, гнало через узенькие проулки, мимо ярких лавок и кричащих зазывал. Голос не умолкал, отбивая по затылку дробь. Он звал, просил ускориться.

Наверное, стоило остановиться, но мне хотелось окунуться в эту тайну с головой.

— Госпожа, давайте повернем обратно, — на плечо легла ладонь Севера. — Здесь опасные места.

Только теперь я осмотрелась. И правда, из богатой части города мы свернули в трущобы. Тут и воняло соответственно — диким смрадом и гнилью, — и контингент ошивался колоритный. Вдалеке, привалившись к стене, сидело существо непонятного пола, одетое в тряпье.

Мимо меня пробежала жирная, размером с кота крыса. Я поморщилась, но подавила желание с визгом запрыгнуть кому-нибудь из рабов на ручки. Нет уж, боевые маги так не поступают.

— Меня кто-то зовет, — объяснила брюнету, который указал на дорогу, по которой мы пришли сюда.

— В такие места зовут не просто так, — хмуро ответил Стъен.

Не успела я отмахнуться, как неопознанное тело поднялось и двинулось в нашу сторону.

— Алиса? — позвало оно веселым голосом.

— Вы кто?

Я почти сплела меж пальцев боевое заклинание, но отвлеклась на мужчин. Те действовали на удивление слаженно. Север прикрыл меня собой, задвинув за спину. Я не успела даже пискнуть, что вроде как и сама полноценный маг, а потому могу сражаться наравне.

Он загородил меня, в то время как Стъен ринулся на мужчину. Безоружный, но готовый сражаться. Быстрый. Самоотверженный.

Мужчина повертел кулаком, и Стъен застыл на месте. Неведомая сила клонила его на колени, точно в худшие рабские годы. Он держался на ногах, но из последних сил, а Север с испугом произнес:

— Госпожа, атакуйте.

Бесы! Загляделась же, потратила драгоценное время. Вот идиотка. Я доплела вязь рун и обрушила магию на незнакомца. Тот захрипел и схватился за горло, которое сдавило невидимой удавкой.

Со Стъена слетели чары, и он вскочил на ноги. Рывок. Повалил неизвестного мага на землю и прижал ладонью за шею к земле.

Я нависла над ним, всмотрелась в расплывшиеся от пьянства и запрещенных зелий черты лица. Из рта несло разложением. Глаза испуганно бегали. Скотившийся наемник, готовый за звонкую монету на любую мерзость, вот он кто.

— Зачем ты меня звал? Кто подослал тебя?

В ответ только издевательский смех. Громкий, оглушительный. Маг осклабился и зашевелился под Стъеном.

— Не двигайся! — прорычал тот, вдавливая ему в грудь колено.

— А ты запрети мне, раб, — расхохотался маг и плюнул в лицо Стъену.

Промахнулся, зато получил кулаком в скулу.

— Пожалуй, запрещу я, — хмыкнула, сплетая магические сети. — Что тебе было нужно?

— Берегись, дочь из рода Трозз. Твоя самоуверенность однажды будет стоить тебе жизни, — булькнул маг и вновь задергался, ещё оживленнее прежнего.

Как только мои путы легли на тщедушное тело, в воздухе запахло серой. Горько. Едко. Так бывает перед взрывом.

Вашу ж мать!

— СЛЕЗАЙ С НЕГО! ЖИВО!!!

Десять. Девять. Восемь.

Время безжалостно утекает сквозь пальцы.

Осознание того, что сейчас произойдет, пришло слишком поздно.

На наемнике стояла ловушка, которую можно было активировать конкретно этим заклинанием. Как только оно достигло цели, сработала цепная реакция.

Семь. Шесть. Пять.

Стьен спрыгнул с мага, услышав мой истошный вопль, и откатился в сторону. Последнее, что я успела сделать — накрыла нас троих хлипким щитом.

Четыре. Три. Два. Один.

Темную улицу озарила вспышка лилового цвета. Взрыв бесшумно прокатился по подворотням, сметая всё на своем пути.

Я отлетела к зданию, которое стояло в двух метрах от нас. Удар спиной о камень вышиб воздух. Сознание помутилось, и боль вгрызлась меж лопаток.

Во второй раз за последние недели от смерти меня спасло то, что защитные чары создавались проще боевых.

Кто-то, бес его подери, знал, что я буду использовать конкретно это заклинание, и замкнул на нем ловушку. Хитроумно. Смертоносно.

Кто-то из своих?..

— Госпожа, что с вами?!

— Хозяйка?!

Мои рабы подхватили меня под обе руки и поставили на ноги. Потряхивало. Пыль забилась в глаза. Я разлепила веки и откашлялась, восстанавливая дыхание. Так, с парнями всё нормально. Легкие ссадины не в счет, но даже по первичному осмотру — целехоньки.

Хвала небесам, что Стьен успел отпрыгнуть. Потому что иначе бы...

Я глянула туда, где недавно смеялся над нами ободранный маг. Грязное тело лежало на спине, раскинув обгорелые конечностями. Недвижимо. Лицо его уставилось в небеса, и зубы обнажились в беззвучном крике. Взрыв не тронул его физически (интересно, кстати, почему?), но испепелил точно лютый пожар.

Не нужно обладать степенью по целительству, чтобы убедиться: колдун был мертв.

Мы втроем переглянулись.

Кому понадобилось атаковать неразумную гимназистку?

Почему именно меня? Зачем он сотворил это ценой собственной жизни?

— Север, сообщи стражникам про тело, пусть они ищут, откуда взялся этот наемник, — дрожащим голосом попросила брюнета, и тот сосредоточенно кивнул. — Встретимся в гимназии. Стьен, давай зайдем в знахарскую лавку. Надо удостовериться, что он не проклял тебя чем-нибудь, когда атаковал в первый раз.

Хватит одного проклятия, которое отравляет этому мужчине всю жизнь.

Вскоре целитель убедил меня, что со Стьеном всё в порядке, и я выдохнула от облегчения. Признаться, сердце припадочно забилося в груди, когда он кинулся на того человека. Без раздумий. Без сомнений. Без страха.

В следующий раз буду бить быстрее, чем кто-то причинит вред моим мужчинам.

Кроме всевозможных оберегов, в знахарской лавке продавалась одежда. Специальные кольчуги, зачарованные на уклонение от стрел. Платья, покрытые флером из любовных приворотов. Стоит приблизиться мужчине к даме, одетой в такое платье, и все не защищенные падают под её очарованием. Вечная любовь и всё такое. Правда, ровно до момента, пока платье не будет снято за ненадобностью.

Тогда и любовь кончится.

А ещё лавка была столь большой, что тут располагались примерочные кабинки, совсем как в столичных магазинчиках.

Не могу объяснить, почему я бродила по рядам вместо того, чтобы отправиться в гимназию. Руки ходили ходуном, и не хотелось высовываться на улицу.

Там опасно.

Меня охватил страх. Удушливый, зловонный. Страх не за себя, нет. За своих рабов, в особенности — за одного. Конкретного. Самоотверженного. Сильного. Моего.

Я схватила первый попавшийся плащ и нырнула в одну из кабинок. Потянув Стьена за собой, задернула велюровую шторку. Места катастрофически не хватало, и от близости кружилась голова. Стьен смотрел на меня с непониманием.

— Хозяйка...

— Помолчи, пожалуйста, — взмолилась, понимая, что ещё немного, и разревусь как маленькая девочка. — Дай мне прийти в себя.

Но вместо того, чтобы присесть на пуфик и позволить мне разобраться со своими тараканами, Стьен приобнял меня за талию. Осторожно, словно боясь причинить неудобство. Его руки едва касались поясицы. Самыми кончиками пальцев. Мы оказались так близко друг к другу, нас разделял какой-то жалкий сантиметр.

И это было слишком.

Какое же у него тяжелое дыхание. Как же затуманены его глаза точно небо перед грозой. Это что-то невозможное. Мне хочется не отрывать взгляд. Тонуть в нем.

Я коснулась пуговиц на его рубашке. Как часто мне представлялось, как я стяну их, чтобы полюбоваться его обнаженным телом. Но он всё реже давал мне повод, даже тренировался в рубашке. А я видела ночами, как наши тела сплетаются, и...

Что мы творим...

— Давайте остановимся, — попросил он сипло. — Вернемся в гимназию?..

Я долго всматривалась ему в глаза перед тем, как отрешенно кивнуть.

Отдохнуть не удалось, потому что меня ждал допрос с пристрастием.

Инспектор Верховной гильдии правопорядка обустроился в моей спальне. Он стоял надо мной и битый час выпытывал подробности нападения. Жилистый, худощавый мужчина с тусклым взглядом, казалось, он ненавидит свою работу, а ещё сильнее ненавидит тупоголовых студентов, которые наживают проблем на свою пятую точку.

Кроме нас двоих, в спальню никого не допустили, даже декана факультета. Мол, чтобы уж точно ничего не отвлекало от поиска истины.

Если честно, мне начинало казаться, что я не жертва, а обвиняемая. Таким суровым был тон инспектора.

— Напомните, зачем вы пошли в трущобы? — спросил он, и перо дрожало в его узловатых пальцах.

— Меня позвал голос, — ответила, нервно потряхивая ногой.

Кровать, на которой я сидела, казалась жесткой и неудобной.

— То есть вы безропотно подчинились этому зову?

Ой, а будто бы кто-то поступил иначе. Пожал плечами и ушел, мол, всякое бывает, нечего тратить время на всякие голоса в голове.

Меня начинало потряхивать. Севера и Стъена тоже забрали для допроса, причем моего разрешения особо не спрашивали. Мне пообещали, что рабам никто не причинит вреда, но страх клокотал внутри меня жгучей смесью.

Ведь у всех своё понимание вреда.

— Мисс Трозз, будьте честны.

Бес тебя побери, я и так предельно честна! Ни о чем не умолчала, всё рассказала в мельчайших подробностях.

— Разумеется, подчинилась. Мне было любопытно.

— Так-так. Интересно. Что вы делали после того, как колдун погиб?

— Отправила одного из рабов к вам, а сама захотела убедиться, что со вторым всё в порядке...

— Зачем? — перебил инспектор.

Его вопрос, полный искреннего непонимания, окончательно вывел меня из себя. Я стиснула кулаки и закусила губу, чтобы не сказать какую-нибудь гадость, за которую потом долго буду расплачиваться.

— Потому что мне дороги мои рабы. Им предстоит стать моими хранителями, и я...

— Одному из них, — перебил он, сделав какую-то пометку в записях. — Второй останется не у дел.

— И что?

— Ничего, — хмыкнул инспектор. — Продолжайте. Что вы делали потом?

— Вернулась в гимназию.

— И всё?

Да что ж такое! Нет, мать вашу, ещё сплясала на центральной площади, ибо мозгов в моей голове — с куриное сердечко.

Я задыхнулась от тупости всего этого разговора.

— Кажется, вы хотите что-то сказать?

— Хочу. Мне не дает покоя та ловушка. Ведь это не случайность, кто-то знал, какое заклинание я чаще всего использую.

— Мисс Трозз, оставьте свои опасения. Вы применили одни из базовых чар. Так сказать, классика магического дела. Или вам кажется, что покушение организовал кто-то из преподавателей?

— Или студентов, — добавила я недобро. — Это не совпадение, точно вам говорю. Почему на мага не подействовала взрывная волна? Он сгорел, хотя должен был взорваться. Представляете, что стало бы с его телом?

— Возможно, он неправильно наложил сберегающие чары? Сумел нейтрализовать взрыв, но не подумал об огне. Не беспокойтесь. Мы разберемся.

Судя по всему, мне придется провести собственное расследование. Но для этого необходимо понять, откуда копать. Кого подозревать? Так, на комнату нужно поставить защиту. Да и себя, пожалуй, обложу амулетами от заговоров и проклятий. На всякий случай.

А с рабами что делать? Как уберечь их от всякой гадости? Надо хорошенько подумать.

Инспектор оставил меня нескоро, ближе к девяти вечера. Смятую, как лист бумаги. Выпотрошенную до дна. Неспроста говорят, что у гильдии правопорядка есть какая-то особая магия, из-за которой им выдают все тайны.

Как там мои ребята?..

В дверь постучали. Я подскочила с кровати.

— Наконец-то! Всё хорошо?! — воскликнула и бросилась на шею... Елене.

Она стояла на пороге с коробкой шоколадных конфет. В гордом одиночестве. Без Джо и Эвелин. Помятая, заплаканная (для неё это нормально). И отпрянула, не ожидая такой бурной реакции. Которая, в общем-то, предназначалась для другого человека.

— Мы так за тебя переживали. Даже Джоанна волнуется, хотя вы в ссоре. — Елена прошмыгнула в комнату и стиснула меня в объятиях. — Что произошло?

Я коротко ей обо всем рассказала. Не вдаваясь в подробности, чтобы тонкая душевная организация моей единственной подруги не пострадала от всякой мерзости.

Иногда мне становится интересно: как занесло в боевые маги ту, которая содрогается при виде крови?..

— Какой кошмар. Знаешь что... Считай это первой боевой вылазкой, — гладила меня по спине Елена, поедая конфету за конфетой. — Кстати, как проявили себя рабы? Не трусили?

— Нет. Кинулись защищать меня. Не понимаю, кому я перешла дорогу?

— Да кто его знает, — она глубоко задумалась. — Мало ли у аристократов злопыхателей? Может быть, кому-то не угодил твой отец, а отомстить решили тебе. Главное, что всё обошлось. Крепись! Скоро инициация, там тебя никто не тронет.

Угу. «Никто». В Свободных землях происходят вещи гораздо страшнее, чем маг-недоучка. Неизвестно, где спокойнее и проще.

Я только хотела высказать свои опасения, но в спальню заглянул ещё один инспектор.

— Ваши рабы в третьей комнате для наказаний, — бросил он. — Мы убедились, что они не имели ничего общего с тем наемником.

Что за бред?! Да я и так знала, что ребята невиновны!

В комнате для наказаний...

Мамочки.

Их там, что, пытали?!

Мои глаза расширились от ужаса, и сердце остановилось, чтобы после забиться в припадочном ритме.

— Встретимся завтра! — Я мазнула поцелуем щеку Елены.

— Подожди... — начала та, но я уже неслась на цокольный этаж, спотыкаясь и не разбирая дороги.

В голове роились мысли, одна хуже другой. Надо было запретить стражникам забирать парней. Надо было защитить их.

Надо было...

Я ворвалась за нужную дверь, готовая ко всему. Если придется, буду залечивать их побои до самого утра.

Обошлось. Парни просто сидели на полу. Безразличные ко всему. Молчаливые. Они подняли на меня взгляды, и я с облегчением отметила, что на лицах нет новых ссадин и, кроме общей помятости, ничего не изменилось.

— Они вас не мучили?! — вскрикнула с испугом.

— Нет, — в один голос.

Хвала небесам!

— Госпожа, — обратился ко мне Север, когда мы вышли из комнаты. — Разрешите встретиться с вами сегодня после заката? Я хотел бы отдельно потренироваться.

— Конечно, — кивнула ему, а сама краем глаза рассматривала Стъена.

Всё ли хорошо?..

Как-то незаметно миновали развилку, и Север направился к рабским баракам. Нехотя. Оглядываясь на меня, будто бы всё ещё ожидая разрешения остаться в моей спальне.

Увы, не получится.

Только когда за нами со Стьеном закрылась дверь, и были вырисованы три магических замка разной степени защиты, я решилась задать вопрос:

— Ты в порядке?

— Меня не били, если вы об этом, хозяйка.

— Но трогали?

Он равнодушно дернул плечом.

— Скажем так, когда стражники сопровождают раба, они не следят за тем, можно ли его касаться.

— Было очень больно?..

Ничего не ответил.

— Нет, так дело не пойдет! — Меня охватила дикая ярость, и я смерчем пронеслась по спальне, сметая разложенные по полу конспекты, из которых сооружала итоговую работу по поисковой магии. — Мы должны снять с тебя проклятие! Почему я до сих пор не начала читать справочники?! Идиотка безмозглая!

— Не ругайте себя, хозяйка. Этого не могли сделать признанные лекари. Поверьте, излечить меня невозможно.

И вновь эта рабская покорность, от которой меня выворачивает наизнанку.

— Что ж, я уперта как баран, поэтому все-таки попробую. Идем в библиотечный фонд.

Стьен улыбнулся уголками губ. Кажется, ему нравилось, когда во мне бунтовала стихия.

На ночь библиотеку не закрывали. А какой смысл, если нерадивые гимназисты всё равно будут ломиться туда в три часа утра, когда, после долгой попойки, вдруг осознают, что забыли подготовить конспект по знахарскому делу?

Единственное — дабы избежать бесчинств, для входа в библиотечный зал требовался индивидуальный рунический ключ. Я приложила ладонь к двери, и та со скрипом открылась, запоминая меня. Тотчас над нашими головами зажглись десятки свечей, и тысячи книг обратили свой вековой взор на двух мелким человечешек.

— Да мы за год ничего не подберем! — закашлялся Стьен, видимо, представляя, что лазать по трехметровым стеллажам придется ему.

Я только фыркнула и подошла к гигантской глубокой тарелке из глины, что стояла посреди зала на постаменте. Внутри плескалась прозрачная жидкость. С виду — обычная вода, разве что колыхнется в безветрие.

— Физические проклятия, касания, боль, — по слогам произнесла я, склонившись над тарелкой.

Жидкость забурлила, заструилась и щупальцами поползла наружу. Струи воды тянулись словно слизь, вытягивая из недр библиотеки нужные книги и складывая их стопками на стол.

Стьен смотрел на это с немым восхищением точно мальчишка, который впервые увидел циркачей.

— Всякий раз сталкиваюсь с колдовской мощью и боюсь её как впервые, — он покачал головой.

— Почему боишься? — удивилась я, присаживаясь за стол и открывая верхнюю книгу. — Из-за проклятия?

Для меня магия настолько привычна и естественна, что я не представляю себя без неё. Да весь наш мир кружится вокруг потоков энергии! Как бы работали часы, лилась вода из крана, если бы не заклинания? Как бы мы жили без защитного кокона, отесняющего нас от Свободных земель?

Глупости какие-то.

Но, кажется, у Стьена были давние счеты с колдовством.

— Угу, — кивнул, усаживаясь напротив. — И не только. Мне доводилось встречаться с разными

чародеями. Ничем хорошим наши встречи не заканчивались.

Хотелось спросить подробнее, но я решила не лезть так глубоко в израненную душу. Ведь он не сможет отказать хозяйке, расскажет всё. Без своего на то желания.

Что сделали с ним маги? Кто обрушил на него то проклятие? Как он потерял свободу?..

Пусть он расскажет об этом сам. Когда захочет.

«Если захочет», — поправила себя.

— Слушай, — внезапно осенило меня, — а как ты научился читать?

Я не имела в виду ничего дурного. Просто прекрасно знала, что не всякий хозяин станет беспокоиться о грамотности своего имущества. Стъен же неплохо читал, хорошо писал, даже правильно расставлял знаки препинания.

Редкость!

— Некоторых рабов обучают полезным навыкам, дабы хвастаться перед друзьями.

В его глазах вновь появилась боль. Неужели даже чтению его обучали через пытки?..

— Извини.

— Всё нормально. Давайте поищем что-нибудь о проклятиях.

Я придвинулась к столу и открыла оглавление.

Мы зарылись в справочники. Было глупо надеяться, что искомая информация выпрыгнет как бес из табакерки. Даже если она и была, то пряталась за замысловатыми толкованиями и формулами, скрывалась в недосказанности.

На второй час у меня заболели глаза, а от обилия сведений начало подташнивать. Разобраться бы во всех толкованиях прежде, чем пытаться выплести нужную руну. Даже не представляю, как та должна выглядеть.

Но азарт брал верх. Мне до зуда в пальцах хотелось найти разгадку.

Хотелось помочь Стъену.

Освободить его хотя бы от этих оков.

— Хозяйка, — тихо сказал мужчина, отрываясь от чтения. — Вы обещали встретиться с Севером. Уже стемнело.

— Завтра, — рявкнула я, увлеченная чтением фолиантов.

Стъен пожал плечами, мол, не очень-то и хотелось.

Я, действительно, не была готова отрабатывать приемы. Не сегодня. Сейчас важнее другое. Но магическое послание своему невольнику-брюнету всё-таки отправила, чтобы не ждал понапрасну.

Вечер предстоял долгий, я бы даже сказала — бесконечный.

— Кажется, что-то нашел, — хрустким как снег голосом прошептал мой напарник, когда небо украсили серебристые звезды. — Не совсем понимаю, о чем тут написано, текст слишком сложный, но вроде что-то похожее.

Боги. Какой же ты все-таки умный!

Я хотела подняться, чтобы сесть ближе к Стъену, но поняла, что ноги попросту не держат. Усталость сковала конечности. Читать ещё способен, а вот двигаться — никак. Мужчина, видя моё состояние, подсел сам, сдвинув стулья вплотную.

Строчки плыли перед глазами. Пришлось сконцентрироваться, чтобы осмыслить написанное.

Подобные проклятия накладываются не специальными рунами, а так называемыми истинными чарами. Иными словами, нет никакого порядка действий. Чтобы проклясть человека, достаточно обладать необходимой силой и представить, что конкретно с ним должно произойти. Вложить всего себя во тьму.

На это способен далеко не каждый колдун, ибо чародейство без рун требует особой энергии,

которой в большинства попросту нет.

Хм, занятно. Ну-ка, что там дальше?

Я хотела перелистнуть страницу. Этим же собрался заняться Стъен. Его ладонь нечаянно коснулась моей, но тотчас отдернулась, словно от удара.

— Извините, хозяйка.

— Глупости...

Мне нравилась близость его тела, и вся дурость сегодняшнего поступка вновь заискрила по венам, отдалась истомой в солнечном сплетении. Мне вспомнились и сильные руки на талии, и голодный взгляд.

Осторожно, боясь спугнуть, я накрыла ладонь Стъена своею. Он не шелохнулся, лишь замер, будто бы окаменев.

Повернулась вполоборота. Лицом к и лицу. Его губы так близко, и они так соблазнительны. Мне хочется очерчивать острые скулы кончиками пальцев. Улавливать его дыхание. Слушать биение сердца.

Он красивый. Не массивный, но и не тощий (уже не такой истощенный, как в первые дни). Какой-то правильный. Ладный.

Мои пальцы пробежали по руке и легли на плечо. Стъен не двигался. Кажется, ему возможная близость не пришлась по вкусу.

— Хозяйка, не надо...

— Почему? — хриплым голосом спросила я.

Пусть он скажет, что ему неприятно. Что для него нет мучительнее пытки, чем вновь стать постельным рабом (хотя о постели даже речи не идет!)

Ведь сейчас я поступаю как обычная госпожа, которая собралась воспользоваться человеком во имя собственной прихоти.

Но слова, которые сорвались с его языка, были гораздо страшнее.

— Не надо, прошу вас. Вы хорошая, лучше всех хозяев, что были у меня. Особенная. Я боюсь привязаться к вам. Боюсь, что вы уйдете вместе с Севером и оставите меня здесь. Я... не смогу жить, если zapomню вас... так близко...

Между тем, он сам приблизился ко мне, вдыхая аромат моих волос, а голос его всё сильнее мутнел.

Кажется, он умолял меня остановиться, потому что сам уже не мог. Запретная черта была им пересечена, и оставалось надеяться на мою благоразумность.

Боги. Как он метнулся к тому магу! Ни секунды сомнения, ни единой капли боязни за свою шкуру. Только теперь я поняла: он защищал меня, потому что хотел этого.

Потому что дорожил мною...

— Во-первых, пока мы наедине, прекрати называть меня хозяйкой. Ладно? Мы же оба понимаем, что испытываем нечто большее, чем отношения хозяин-раб. Да?

— Да, — согласился, не задумавшись, вжавшись носом мне в шею.

По позвоночнику прокатились мурашки.

— Во-вторых, у нас есть две недели до инициации. Мы можем отдохнуть. Забыться. Ты согласен? А потом, даже если ты не станешь моим хранителем, клянусь, я найду способ взять тебя с собой или стереть тебе память. Есть специальные зелья. Я не позволю тебе мучиться.

Так будет правильно. Если он боится привязанности, я непременно дарю ему забытье. Пусть его хозяйка и эгоистичная дрянь, которую колотит от желания сблизиться, но она не сволочь.

— Спасибо... — прошептал он и хотел добавить что-то ещё, но я накрыла его губы своими.

Он с такой жадностью ответил на поцелуй, словно пленник темницы, которому впервые за несколько дней дали напиться воды. Его ладони осторожно притянули меня к себе.

Горячий. Жаждающий. Отзывчивый.

Мы целовались неистово, до озноба, до дрожи. Я никогда не испытывала ничего подобного и не знала, как правильно себя вести. Стъен направлял меня сам. Касанием, жестами, взглядами.

Я не была готова к чему-то большему, но и обычный поцелуй вывел меня из состояния равновесия.

Понимаю, что для него это — обычное дело.

Но слова, произнесенные Стъеном в момент слабости. И отчаяние, с которым он вырвал их из себя.

Бесы!

Кажется, я пропала...

Раньше Стъен не догадывался, каково это — вожадеть кого-то. По-настоящему. До судорог в костях от невозможности приблизиться. Прикоснуться. Перейти границу. До презрения к самому себе, слабому и бесполезному подобию человека.

Ведь хозяйка никогда не увидит в нем мужчину.

Так он думал.

Поэтому, когда все мыслимые и немыслимые запреты были ею нарушены, его потянула за собой лавина из наслаждения и дикого ужаса.

Зачем в его никчемной жизни появилась она? Почему пробудила в нем человека?

В нем что-то оживало. В его черством, испещренном шрамами сердце что-то екало от присутствия этой девушки, от звучания её голоса.

Стъена многому обучали — учителя были хорошими и плохими, заботливыми и озлобленными. Он умел переступить через себя и боль, чтобы дарить удовольствие.

Только вот чувствам его не учили. Как-то не приходилось беспокоиться о такой глупости. Разве может раб в здравом уме заинтересоваться хозяином? Сама мысль недопустима.

Так зачем ему чувствовать?

Но *она* нагрязнула и смела собой всё, что выстраивалось долгие годы невольничества. Всю ненависть к господам. Всю неприязнь к магам. Всё, что было вбито в Стъена с каждым новым ударом плети.

«Никогда никого не любить. Никогда никому не верить. Никогда никому не открываться», — негласный кодекс любого раба был забыт, стоило испить сладости губ Алисы.

Неужели это возможно?

Он ведь делал столько всего — запретного, недозволенного, стыдного, — но никогда не думал, что обычный поцелуй способен вывести из себя. В нем было больше, чем в любой другой ласке. Особое единение душ. Иной вид страсти.

Вся невинность этой девушки расцветала с тем, как неистово отдавалась она чувству. Без похоти или грязи, без жеманства. В глазах Алисы затаился страх: она сама боялась своих эмоций.

Но ведь Стъен помнил, как хозяйка отреагировала в прошлый раз, когда он приблизился к ней. Негодованием. Ужасом. Почему раньше она не рассматривала его в качестве мужчины, а теперь передумала?..

Как же разобраться?!

А ещё хозяйка — нет, отныне только Алиса — дала ему шанс. Пообещала эти две недели наедине друг с другом.

Теперь он знал, что не позволит себе сдаться и будет сражаться до последней капли крови. Ради неё.

Она сделала его слабым, разрушив броню и оголив истинные помыслы.

Но эта слабость даровала ему истинную силу, ведь не может быть сильным тот человек, которому не за что бороться. Отныне у Стъена появилась цель. Надежда. Вера в то, что следующий день принесет не только разочарование, но и радость.

Он должен стать хранителем, должен пройти инициацию вместе с Алисой.

Иначе она сотрет ему память, и Стъен навсегда забудет, что такое — быть рядом с девушкой, одна близость к которой дарит тебе невероятное удовольствие.

Никогда больше он не будет мягкотелым нытиком. Никогда больше не проявит свою рабскую натуру на арене. Пока его пальцам дозволено изучать её кожу, он должен оставаться сильным.

Вскоре Алиса задремала, опустив голову ему на плечо. Смешная, хрупкая точно драгоценная статуэтка. Стъен аккуратно, боясь нарушить чуткий сон, понес её в спальню. Когда он выходил из библиотеки, за его спиной прощально шелестели страницы книг, вставая на свои места.

Пусть тайна проклятия сегодня не будет разгадана, но разве это имеет какое-то значение?

Всё равно отныне и впредь любое касание, если оно не принадлежит Алисе, будет приносить Стъену только боль.

Глава 8. Научи меня

Я проснулась от солнечного луча, что настырно лез в лицо. Кошмар какой-то. Накрылась подушкой, но остатки сна уже растворились в утренней дымке.

Хм, кровать. Как я в ней оказалась, неужели сама доплелась? Помню, что вчера мы читали справочники, и в какой-то момент меня сморила дремота. Не то, чтобы книги были очень уж скучные — хотя не без этого, — скорее переживания прошлого дня обрушились на затылок со всей дури.

Я сладко потянулась и открыла глаза. Мой раб, моё наваждение лежал на своем топчане. На спине, закинув руки за голову. Он не спал, но не сразу заметил моё пробуждение, и несколько секунд я украдкой изучала его профиль. Мужественный, но тонкий.

Симпатичный мужчина, и если бы судьба сложилась иначе, ему бы не было отказа в девушках.

Я с содроганием вспомнила личное дело. Отказа и так не было, только другого характера. Бесконечная смена хозяев, побои, унижения.

Как же он выдержал? Как не сорвался?..

Кажется, я смотрела слишком уж пристально, потому что Стъен повернулся ко мне. На лице его застыла нерешительность.

— Доброе утро... хозяйка.

Покачала головой. Вот давай только без господских обращений. Не после того, как мы... как я... как ты...

Тьфу!

— Выспался?

— Вполне, — слабо улыбнулся он. — Просыпайтесь, иначе опоздаете на завтрак.

— На «ты», — напонила, но затем смягчилась: — Если тебе так будет комфортно.

Он задумчиво кивнул, но ничего не сказал. Не мог сразу перестроиться, пусть даже его и тянуло ко мне, и чувство это было взаимным.

Что ж, надеюсь, у нас есть время, чтобы всё поменять.

Такой рассеянной я никогда ещё не бывала, но сегодня всё валилось из рук. В прямом смысле этого слова. На занятиях по знахарскому делу я умудрилась пролить на себя выжимку яда кобры, и та осталась лиловым пятном на платье. На практическом занятии пропустила столько ударов, сколько не пропускала в жизни. Постоянно отвлекалась.

Думала.

Вспоминала.

Мне хотелось касаться своих губ пальцами, чтобы удостовериться — всё случилось по-настоящему.

Разумеется, меня целовали и раньше, но это не могло сравниться по силе с тем, что я испытала вчера, когда мир вокруг закрутился в петлю, а потом и вовсе перестал существовать.

Но я понимала, что Стъена обучали другому, такому, чего мне даже не представить. И обычный поцелуй не может вызвать у него ничего, кроме усмешки.

Сейчас мне вдвойне было обидно, что у Стъена были другие женщины. Значит, мы никогда не сможем всему обучиться вместе. Впервые. Он всегда будет опытнее. Всегда будет помнить, каково это: подчиняться кому-то.

— Что с тобой? — удивилась Эвелин, щелкая передо мной пальцами.

Мы сидели в столовой, но кусок не лез в горло. Мясная запеканка, которую я всегда уплетала за обе щеки, сегодня казалось неаппетитным месивом.

— Всё нормально, — криво улыбнулась.

— Алиска, прекращай строить из себя недотрогу. Ты в кого-то влюбилась, а? В кого-то с младших курсов?

Так, в лоб, могла спросить только Елена. Эвелин предпочитала намекать, а не выпытывать.

— Нет, — ответила чуть резче, чем требовалось.

— Да чего с тобой?

— Ничего особенного. Думаю об... инициации, — выпалила первое, что пришло на ум. — Как считаешь, это так сложно, как рассказывают?

Девочки переглянулись.

Конечно же, каждая из нас провела десяток бессонных ночей, обсасывая до мелочей мысли о том, как мы превратимся в боевиков. Когда это произойдет, что случится.

Учителя стращали нас, взрослые путались в показаниях. Кому-то инициация казалась незначительной, а другие вспоминали о ней с содроганием. Отец любил повторять: «Не больше, чем первая битва». Впрочем, слова эти не вселяли особой надежды.

Ясно было одно: этот процесс всегда разный, неконтролируемый, непонятный.

К нему нельзя подготовиться на все сто.

— Потерпи две недели, и узнаешь, — нехотя откликнулась Елена, заметно ссутулившись.

— Вам не страшно, вдруг что-то пойдет не так?

— В этом случае удар на себя примет раб, — пожала плечами Эвелин.

Тоже верно. В момент инициации рождалась сцепка мага и хранителя, а разрушительное воздействие энергии било по последнему. Именно поэтому столетия назад отказались сцеплять двух свободных магов.

«Зачем нужны лишние жертвы среди людей, когда есть рабы?» — такова была логика древних магов.

Сейчас я особо сильно задумалась: что будет, если Стьен выдержит испытание, но...

Не пройдет инициацию.

Меня взяла крупная дрожь.

— Ты не заболела? — Елена положила ладонь мне на лоб. — Вся горишь.

— Всё нормально.

— Может быть, выпьешь снадобье? А то сляжешь перед инициацией.

Я помотала головой и вскочила с места, так и оставив обед нетронутым. От моей болезни нет лекарства. Точнее — есть, но это не зелье, а человек.

Следующей парой стояла практика совместно с рабами, и те уже дожидались хозяев перед залом, пользуясь редкой возможностью передохнуть.

— Госпожа, — склонился передо мной в поклоне Север.

— Извини, вчера я была занята и не смогла потренироваться с тобой, — нелепо пробормотала, забегая в женскую раздевалку. — Сегодня обязательно наверстаем!

Север ничего не ответил. Надеюсь, он не придумал себе всякого. Всё-таки я не хотела чего-то плохого, просто была занята более важными делами.

Я переоделась в тренировочную форму одна из первых. Мне нравился нарастающий гул, когда зал наполнялся людьми. Нравилось вставать в боевую стойку и оттачивать заклинания.

Рабы застыли напротив меня. Холодный Север, выходец морозных краев, и жаркий точно лепестки пламени Стьен. Мои.

Надо бы подробнее расспросить брюнета о его жизни, чтобы ему не казалось, будто хозяйке абсолютно плевать на то, что с ним происходит. Все-таки он тоже человек.

Ладно, нельзя тратить время на лишние мысли. Тренировка превыше всего.

Глубокий вдох и медленный выдох.

Я раскинула руки в стороны, и на обеих ладонях вспыхнули шары из зеленого пламени. Физического воздействия они бы не причинили, зато разминаться на них — самое то.

Всё шло прекрасно. Я с удовлетворением отмечала, что ребята чувствуют меня гораздо лучше, чем другие рабы — своих хозяев. Между нами возникла особая связь, и когда тренер выпустила животных-аморфов, мы расправлялись с ними на раз-два.

Кстати, про тренера. Мадам Потт как-то внезапно оказалась рядом со мной. Некоторое время просто наблюдала, скрестив руки на груди.

— Что-то не так? — Я откинула со лба намокшую от пота прядь волос.

— Мисс Трозз, давайте поговорим наедине, — она поманила меня за собой. — Рабы мисс Трозз, чего застыли! Занимайтесь!

Мы поднялись на тренерский балкон, откуда хорошо просматривались все парочки (и троицы). Маги не щадили своих невольников. Со стороны мне показалось, что я даже слишком мягка к ним, потому что ни Стъен, ни Север не рушились на землю и не вставали после грозных окриков.

— Я по поводу вашего раба, — мадам Потт ткнула пальцем туда, где Стъен отбивал мечом удары Севера.

— Опять?..

— Почти. Он демонстрирует удивительные успехи, — отметила она нехотя. — Уж не знаю, чего вы ему пообещали, но результат превосходный. — Она заметила, как гордо я ухмыляюсь, и добавила: — Постойте радоваться. Он всё равно слаб и истощен. Даже если ему суждено пережить инициацию, то силы иссякнут приблизительно через полгода. Вы же сами знаете: маг тянет из хранителя жизненную энергию. Если раб достаточно силен, то успеет восполнить её. Если же слаб...

Я вновь посмотрела на Стъена. Он, забывшись, расправил плечи и выглядел совсем другим. Ни единого намека на рабский статус. Уверенный в себе мужчина, умеющий обращаться с оружием.

Почему во мне пылает уверенность: у него всё получится? Ведь он гораздо выносливее многих. Он существовал с проклятием и не сломался. В этом мужчине есть стержень, незаметный никому, кроме меня.

Он справится.

Справится же?..

Стъен откинул волосы со лба и, словно услышав мои мысли, отклонился от особо резкого взмаха Севера. Меч перекрутился в пальцах, и острое уперлось в шею брюнета. Тот недовольным движением скинул деревянное лезвие и вновь атаковал.

— Вы можете думать, будто я отношусь предвзято к вам или вашему рабу, — сказала мадам Потт, облокачиваясь о перила балкончика. — Поверьте, мисс Трозз, за свою жизнь я повидала много самоуверенных магов. Моё чутье никогда не обманывало. Отправьте своего любимчика домой, там ему самое место.

Слово «любимчик» кольнуло меня так глубоко, что я от негодования задохнулась. Жаль, преподавателю нельзя хамить — за это легко получить отстранение. А то многое лезет на язык...

— Я всё понимаю и постараюсь поступить верно, — кивнула тренеру. — Могу идти?

— Да.

Но в глазах мадам Потт читалось разочарование. Она уже знала, что непокорная девчонка будет стоять на своем.

Остаток тренировки прошел без происшествий, разве что меня до сих пор плющило от гнева, и несчастные парни отдувались вдвое больше обычного. Магия искала выход. Лилась наружу. Била неиссякаемым потоком. Пусть лучше так, в качестве обучения, чем я потом разгромлю спальню.

Ну а вечером я отправилась на обещанную тренировку, оставив Стъена разбираться со справочником по проклятиям, который заказала в библиотечном фонде. Талмуд был неподъемный и малопонятный даже мне, но мужчина легкомысленно дернул плечом:

— Хотя бы попробую.

Он провожал меня в тяжелом молчании, но не мог запретить уйти.

Надеюсь, Стъен не ревнует меня к Северу и не считает, будто у меня пунктик, и я готова кинуться на любого раба?

Нет уж, мне если и нужен, то лишь один...

Не горели свечи. Брюнет тренировался в крошечной тьме. Я вошла внутрь зала и долго привыкала к мраку, в котором носился Север, пронзая невидимые мишени.

— Не мешаю?

— Госпожа! — обрадовался он и в один прыжок оказался подле меня. — Благодарю, что составите мне компанию!

Я зажгла магический огонь, осматриваясь. Так, зал полностью подготовлен. А Север... На его обнаженной груди блестели капельки пота. Мышцы напряглись, проступая ещё заметнее, чем раньше. Я невольно задумалась над тем, что никогда не обращала на Севера внимания с такой точки зрения. Ну, заинтересованности.

Если Стъен приглянулся мне с первого взгляда, то Север всегда был лишь «рабом, которого я купила, потому что того требовал отец».

Ведь Север тоже хорош собой, и какая-нибудь девочка могла стать счастливой от близости с ним.

Какая-нибудь, только не я.

— Ну что, приступим? — ухмыльнулась, скидывая куртку и щелкая пальцами. — Враг справа!

Полупрозрачный волк уже скалил зубы в метре от Севера, но брюнет оказался проворнее и пронзил палкой его морду. Пришлось создавать нового.

Час промчался в одно мгновение. Мне нравилось тренироваться с этим мужчиной. Он хорошо чувствовал ритм боя. Не боялся проехаться по полу на коленях, чтобы нейтрализовать зверя. Бился в полную силу.

Зато у меня перед глазами уже плясали пятна от выброса энергии.

— Давай отдохнем! — крикнула из последних сил.

Мы плюхнулись прямо на пол.

— Госпожа, знаете, о чем я думаю бессонными ночами? — переводя дыхание, спросил Север.

— О чем? — Я потянулась, разминая плечи.

— Почему на подготовку хранителю дается всего месяц? — озадачил он меня вопросом, над которым я и сама гадала. — Почему нас не учат наравне с магами? Не разумнее было бы воспитать настоящего боевого раба, а не жалкую копию? В самом деле, чему можно научиться за месяц?

— Кажется, ты знаешь ответ?..

Помолчал, думая, как бы правильнее сформулировать мысль.

— Потому что не подготовка это вовсе, а испытание на прочность. Кто его пройдет — заслужит честь сопровождать мага. Ну а если раб погибнет во время инициации или раньше — ничего страшного. За месяц сложно привыкнуть к кому-либо.

Ох, не скажи. Я умудрилась привязаться к вам гораздо меньше, чем за месяц.

Вспомнился недавний разговор с Динном, которого смущало остервенение, с которым тренируют будущих хранителей. Теперь вот Север высказывает непонимание.

Я думаю, Стъен тоже размышляет бессонными ночами над тем, почему их истязают тренировками. Просто помалкивает.

Здесь что-то нечисто, или близость инициации превращает нас в параноиков?

— Некоторые приобрели своих рабов ещё полгода назад.

— Правильно, — согласился Север, радостный, что я поддерживаю разговор. — Но они оставались рабами, а не хранителями. Ведь сложнее привязаться к тому, кто для тебя всего лишь вещь. А если хранитель... это ведь к чему-то обязывает? Вам же придется делить с нами кров и хлеб.

Не все этого понимают. Отец рассказывал, что многие боевики теряли хранителей сразу же после

инициации, ибо не считали, что те должны нормально питаться. Морили их голодом, заставляли спать на сырой земле.

Всю сложность потери они осознавали не сразу, зато когда осознавали. Это знание обрушивалось всей безысходностью. Ведь всякий раз придется ждать год, вставать в магический круг и проходить инициацию заново.

Отец учил меня ценить рабов. Особенно тех, кто будет хранить мою жизнь.

— Может быть, ты прав, — признала я.

— Я не таю надежд и знаю, что вы не испытываете никаких чувств ни к Ветру, ни ко мне, — но все-таки на имени соперника Север запнулся. — Но прошу вас: выбирайте с умом. Я убежден, что пройду инициацию. Ветер же...

— Довольно, — пришлось оборвать его на полуслове. — Продолжим тренировку.

Что же они все, включая моего собственного раба, заладили об одном и том же. Нет уж. Если кому-то и выбирать достойных и недостойных, то только мне.

И всё-таки в глубине засадило сомнением. Горькое, точно полынный настой, оно терзало меня всю дорогу до спальни. Гимназия не спала. Студенты тратили ночи на алкоголь и развлечения. Из одних спален доносился хохот, в других кто-то пел. Были и те, кто зубрил материал.

Я осторожно открыла дверь, боясь разбудить Стъена. Но тот бодрствовал. Он поднялся с лежанки при моем появлении и застыл, будто сам не знал, куда деться.

— Как книга?

— Ничего полезного, — отрапортовал, скорчившись. — В отдельных её фрагментах оказалось относительно легко разобраться, но ничем она нам не поможет. Если коротко, то суть в том, что подобные проклятия излечению не подлежат. Снять их может только тот человек, который наложил.

— Как он это сделает?

Я огорченно рухнула на кровать. Неужели всё напрасно? Где же нам найти ту тварь, что сотворила такое с Стъеном?

— Точно таким же истинным заклинанием. Как дал, так и взял.

Стъен присел у моих ног и положил голову мне на колени. Это было так просто. Он словно доверился мне, позволил себе открыться. Я вплела пальцы в тонкие волосы и задумалась.

Можно ведь отыскать этого колдуна. Не сейчас, но спустя год трудовой повинности — почему бы и нет? Припереть его к стене, приставить меч к шее. Ради свободы Стъена я пойду на всё.

Ради того, чтобы однажды он смог выдохнуть полной грудью, не боясь того, что любое касание принесет агонию...

— Ты знаешь, кто мог наложить проклятие?

Он ответил не сразу, будто перебирал варианты и остановился на единственно верном.

— У меня есть догадки, но мы не сможем найти того человека. Это была случайная встреча. Я почти ничего не помню с того дня.

— И всё-таки...

— Обещаю, что попытаюсь что-нибудь вспомнить, — и обезоруживающе улыбнулся.

Такой мягкий и — одновременно — такой твердый в своих идеалах. Нерушимый. Не готовый сдаваться.

Я коснулась его губ своими, и мы растворились в поцелуе, слаще которого не было ни одного запретного удовольствия. Дыхание к дыханию. Кожа к коже.

Стъен поднялся на ноги, склонился надо мной. Мы вместе рухнули на кровать и долго лежали, прижавшись друг к другу. Не хотелось даже двигаться. Было жутко, что всё может закончиться. Когда-нибудь оборваться. Сломаться надвое.

— Научи меня? — попросила тихо-тихо.

— Чему? — Его взгляд потемнел.

Я покраснела до кончиков волос. Слова забылись, остались только бесполезные звуки, которые никак не формировались во что-то стоящее.

Научи меня любви. Болезненной. Настоящей.

Научи меня чувствовать тебя, слышать тебя, жить тобой.

Научи меня быть желанной.

Кажется, он всё понял, потому что поморщился и долго молчал, не решаясь сказать что-то важное.

— Я плохой учитель, Лис, — наконец, произнес этот невероятный мужчина. — Иначе бы меня не продавали от хозяина к хозяину так часто. Я всего лишь бесполезный раб, увы.

С иронией, но тяжелой, почти безнадежной.

— Мне другой не нужен.

Глава 9. Тебе будет больно

Вот о чем я подумала той ночью: если проклятие можно так запросто наложить на человека, то почему его нельзя так же просто снять? Что, если нужно приложить дополнительные усилия и захотеть столь остро, что магические оковы рухнут сами по себе? Ведь бывают в магическом мире чудеса? Не всё же поддается строгим формулам.

Проснувшись на рассвете, я прокралась в библиотеку, где в одиночку изучала материал. Не хотела будить Стъена. Он так сладко спал в моей постели, свернувшись в клубочек, что вызывал у меня острый приступ умиления и заботы.

Пусть в его жизни будет хоть что-то хорошее. Хотя бы возможность выспаться.

Ничего положительного в книгах не писали. Не про проклятия, а вообще. Будь ты хоть трижды магистром магии (а я всего лишь студент), тебе не сломать чужое заклятие. Просто потому, что ты не понимаешь его строения. Ты не чувствуешь, из каких нитей оно сплетено. А раз не чувствуешь, то и найти слабое место не сможешь.

Бесы, почему же всё так сложно?..

Зато во мне поселилась чистая, выкристаллизованная злость. На практической боевой магии я так разила партнера энергией, что бедный Динн в какой-то момент начал жмуриться от страха.

— Ты не в духе? — пискнул он жалобно.

— В духе, главное — не зевай, — ответила вредно. — А то придет болотная тварь и оттяпает голову по самые ноги.

— Слушай... Алис... а ты не...

Он хотел добавить что-то еще, но энергетический вихрь пролетел мимо его левого уха, и Динн отшатнулся.

— Я не что?

— Не хочешь сходить со мной на прощальный вечер?

Признаться, вопрос выбил меня из колеи. Я ведь даже как-то забыла о том, что в последние выходные перед инициацией боевики собираются, чтобы отметить окончание обучения. Море выпивки (дорогой и дешевой), всякие расслабляющие снадобья.

Наши учителя не только не запрещают этого, но и молчаливо одобряют. Ибо через неделю наша жизнь переменится. Не будет ничего, кроме службы магическому миру. Целый год. Битвы и ранения. А для кого-то — смерть.

Так почему бы напоследок не развлечься?

Другое дело, что мне было не до отдыха, и абсолютно не хочется веселиться, пока Стъен будет заперт в комнате. Сомнительное такое удовольствие напоминать ему, что он всего лишь бесправный раб, а вот я могу отдыхать на полную катушку.

— Динн, не обижайся, но я откажусь.

— У тебя есть кто-то другой? Ну, парень? — вспыхнул мой извечный партнер по спаррингу.

Есть. Другой. Единственный. Самый необходимый, который сейчас где-то огребает от мадам Потт. Но речь не об этом.

— Просто нет настроения. Думаю, что вообще не пойду на вечер. Прости.

Динн ничего не ответил, только надулся как несчастный ребенок, которого обидела нехорошая девочка. Если честно, такие обиды его не красили. Что за неумение сохранить лицо? Ну, отказала девушка в свидании, бывает такое.

Весь день я медленно, но верно закипала от злости. Была готова кидаться на всех, кто хоть что-то скажет против меня или моих рабов. Еле сдерживалась от негатива. Согревала всего одна мысль: скоро я вернусь к себе, и там будет Стъен.

А потому гори оно всё огнем.

Но даже после занятий мне не было суждено дойти до спальни, потому что на имя декана пришел письменный отчет: в нападении не было никакого скрытого подтекста. Меня просто хотели

ограбить.

Вздор!

Маг звал меня по имени, да и откуда у простого грабителя ловушка, замешанная на конкретном заклинании?

Почему же гильдия предпочла закрыть глаза? Что же это значит? И откуда мне ждать новой опасности?

Одно очевидно: надо быть начеку. Всегда.

Декан даже взгляд опустил, когда передавал мне отчет. Он понимал всю бессмысленность отписки, но поделать ничего не мог.

Это добавило во мне ярости.

— Представляешь, что мне написали... — начала я, вбегая в спальню.

Никого. Разложенная лежанка. Ворох книг на полу. Беспорядок, нехарактерный для Стъена.

Что-то случилось?

Так, отставить глупые мысли. Всему может быть объяснение. Подумай. Поищи. Мало ли причин, из-за которых он мог сорваться, позабыв обо всем на свете?

Я не отыскала Стъена ни в тренировочном зале, ни в библиотеке, ни в рабской столовой, ни даже в бараках. Иррациональное чувство страха вплелось в мои легкие, сковало позвоночник. С ним всё нормально. Наверняка, куда-то ушел и не оставил записку.

Ничего особенного.

Почему тогда мне сдавливало ребра, и голова начинала болеть, точно её обхватило жгучим обручем?

Бесы. Я найду его.

Ноги сами понесли меня на цокольный этаж. Из третьей комнаты для наказаний доносился залиvistое хихиканье Елены. Ему вторил тяжелый смех Джоанны.

Выплетая набегу атакующие руны и готовая убивать всех, кто покусился на моё, я распахнула дверь.

Елена, Джо и... Динн. Они обступили бесправного раба и смеялись над тем, как он корчится от их заклинаний. У Джоанны в руках плясала плеть. Динн лупил шарами, которые оставляли на теле легкие ожоги.

Стъен лежал на ледяном полу. Обнаженный. Сжавшийся. Напряженный. Его губы побелели, так сильно он их сжал. Разумеется, ведь нельзя драться с господами. Как они вообще посмели войти в мою комнату и увести его с собой?

Неужели он согласился добровольно?

Не согласился, это понятно. Отсюда и беспорядок. Стъена никто не спрашивал. Увели силой. Возможно, с помощью магии.

Уроды...

— ОТСТАНЬТЕ ОТ НЕГО!

Я шибанула в некогда лучших подружек энергетической волной. Таким залпом, что если бы Динн, приученный к спаррингу со мной, не выставил щит, то этих двух идиоток попросту отнесло бы к стене. Всё равно их щелкнуло отдачей. Конечно, не плетью, но эффект схожий.

Это была не просто магия. Я сама не ожидала, что способна на такое. Но вид Стъена, лежащего у ног этих скотов, вымел из головы все здравые мысли. Ему же больно только от того, что они лапают. Касаются. Трогают.

Ещё и плетка, и магия.

Твари!

На территории гимназии запрещены боевые заклинания, но мне было откровенно плевать.

Я подбежала к мужчине и, рухнув на колени, загородила его ото всех магическим куполом. Накинула на тело свою куртку и зло сверкнула глазами. Стъен не двигался. Терпел, не стонал. Но губы его были плотно сжаты, и на длинных ресницах выступили слезы.

Бесы! Да почему же он проклят? Почему это проклятие нельзя снять?!

Почему он не может дать им отпор как свободный человек, а вынужден лежать здесь, ощущая свою бесполезность?

— Только посмейте подойти ко мне, — прошипела, и на ладонях загорелись лепестки пламени.

— Это же весело, — Джо хихикнула в кулак. — Мы хотим напомнить тебе, что это всего лишь раб. Нельзя относиться к нему по-человечески, правда?

— Вы больные? К рабам нужно относиться по-человечески! Это ваши будущие хранители, вы доверите им свою жизнь.

— Они всё равно никогда не смогут причинить вреда хозяину, — встрял Динн, а Джо добавила с умилением:

— Наш Динн огорчился, что ты предпочла остаться с невольником, только бы не идти с ним на вечер! Вот, решили поддержать парня. Тебе не нравится наша идея?

— Ты влюбилась в него? — хохотнула Елена. — Алиса, ты, кажется, не понимаешь, как им правильно пользоваться? Мы его даже раздели специально для тебя.

— Уходите отсюда. Живо.

Я поднялась с колен. Медленно выпрямила спину. Взглянула бывшей подруге в глаза и...

Динн сбил меня с ног, и моё заклинание пронеслось по воздуху, не задев никого. Оно сломалось о стену, и по той пошла глубокая трещина.

— Давайте только без смертоубийства, — испуганно сказал он. — Алиса, ты же могла кого-нибудь убить...

— Я и сейчас могу, — ответила очень спокойно.

— Мы пожалуемся на тебя, — тон Джо звучал холодно. — Любовная связь между боевиком и хранителем запрещена. С рабами можно спать, но нельзя любить их. У нас есть доказательства того, что между вами отношения.

— Жалуйся. Иди. Прямо сейчас. Только не забывай: я тоже пожалуюсь на то, что вы ранили моего раба. Тронули МОЮ собственность. Это противозаконно.

— Пожалуешься? — удивилась Елена так, будто я огорошила её этими словами. — На что? Алис, он же раб...

— Идем, — Джо дернула Елену за рукав. — Она ненормальная, ты же видишь. Динн, ты с нами?

— Ты всегда казалась мне... другой, — выплюнул тот, кого я считала нормальным парнем. — Я даже не поверил, когда девочки сказали, что ты привязалась к рабу. А ты...

Он раздосадовано покачал головой и вышел следом за девушками, увидев, как мои пальцы вновь начинают сплетать руну. Мы остались в холодной комнате одни. Стъен попытался встать, но я покачала головой. Нельзя.

— Лежи. — Прижала ладони к его груди, вкладывая остатки сил в исцеление.

— Спасибо...

— Молчи!

Слезы катились по моим щекам. Да что же такое. За те две недели, что остались у нас, может произойти столько всякой гадости. Мой Стъен силен, но здесь, в стенах гимназии, у него нет никаких прав. Захотели — схватили. Унизили. Избили.

Зачем? Чтобы показать мне, что он — не человек, а игрушка?

Только вот нелюди они. Моральные уроды.

Придется запираť спальню на десяток магических засовов и постоянно оглядываться. Бесы, ведь я запирала и до этого. Просто не задумалась над тем, что когда-то давно ставила на Елену

возможность открывать мою дверь своим отпечатком. Думала, что она не такая как Джо...

Дура безмозглая, которая верит людям.

— Я не дам тебя в обиду... — начала глухо, но внезапно Стъен вскочил на ноги и, оттолкнув меня в сторону, метнулся к двери.

Динн зачем-то вернулся в комнату и сейчас хрипел, елозя по полу.

— Я не позволю никому трогать мою госпожу, — по-звериному рычал Стъен, сжимая рукой горло противника.

Он кинулся на него так резко, что я даже не успела среагировать.

— От...пус...ти.

— Пусти его, всё под контролем, — коснулась холодного плеча.

Стъен нехотя слез с моего сокурсника и встал передо мной, готовый защищать от всех напастей.

Сейчас его нагота не казалась жалкой, напротив — она завораживала. Сильное, красивое тело. Широкая спина и узкие бедра. Мощь, о которой сам Стъен даже не догадывается. Но которая просыпается в нем с каждым днем сытой жизни и тренировок.

Динн не ушел — уполз, костеря нас и называя меня безмозглой идиоткой, которая предпочла постельного раба ему, представителю знатного рода.

— Наверное, не стоило бросаться. Но я увидел, как он плетет какое-то заклинание, и оно показалось мне опасным... на уровне интуиции, — потупил взгляд Стъен.

— Ты всё сделал верно. Никто не посмеет тебя наказать за это.

Я вжалась в шею носом. Меня шатало от слабости. Конечно, когда магия струится из-под пальцев — это истинное удовольствие. Но нужно научиться себя контролировать, иначе из меня получится худший на свете боевик.

Мы вернулись в комнату. Я ещё раз осмотрела Стъена и убедилась, что всё в порядке. Ожоги исчезли, как и покраснения от ударов.

— Лис, я должен кое-что сказать, — он помялся, уселся на лежанку, будто бы напоминая о своем месте.

— Что случилось? — внутренне сжалась.

— В том-то и дело. Ничего. Я ничего не почувствовал, когда душил этого уроды. Никакой боли.

Мне показалось, что сердце пропустило удар. Ещё один. Оно ненадолго остановилось, чтобы забиться без всякого ритма.

Не может быть.

Неужели я была так взбешена, что разрушила проклятие? Просто размолотила его ударной волной гнева?

— Но ведь это невозможно.

— Снять проклятие может только тот, кто его наложил, — прошелестел Стъен, вспоминая слова из книги. — Лис, мне всегда казалось, что я где-то тебя видел. Теперь я всё понял. Зачем ты меня спасла?..

Когда он произнес эти четыре слова, меня будто ударило пыльным мешком по затылку. Краски померкли, исчезли звуки. Мир растворился во мраке, и остались только мы со Стъеном. В пустоте. В темноте.

Напротив друг друга.

И горечь воспоминаний обрушилась на меня с неистовой силой.

СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Этот день обещал быть особенным. Отец взял меня в первый боевой поход. Ещё бы, ведь я наследница его дома, которая когда-нибудь станет боевиком, а значит, настала пора вливаться в семейные дела. Папенька ежемесячно объезжает границу. Чем я хуже? Ничем!

За двенадцать лет жизни я впервые очутилась за чертой города. Невероятно!

Я напряженно вглядывалась в окно повозки, за которым проносились леса. Пальцами по памяти отработывала вязь заклинаний. Тех, простейших, которые успела изучить за годы обучения в магической гимназии.

— Не переживай, ребенок, — папа потрепал меня по щеке, — никто тебя не обидит. Мы всего лишь осматриваемся.

— А я не боюсь, что меня обидят, — вздернула подбородок. — Просто вспоминаю нужные заклинания!

— Всё равно расслабьтесь, госпожа. Это штатная ситуация, — добавил папин хранитель мягко.

— Слушайся Клинта. — Папа согласно кивнул. — Бояться нечего, зато в гимназии всем расскажешь, как помогала отцу.

Легко ему говорить! У него есть магия и хранитель: не человек, а гора мышц, ещё и обучен всему, а лапищи вон какие гигантские. Жду не дожусь, когда у меня появится такой же!

Нет. Мой будет лучше! Сильнее в два раза и размером с медведя!

Мы свернули к мерцающей полосе границы, за которой виднелись точно такие же леса и поля, только принадлежащие другим землям. За границей — злые ветра и ядовитые бури. Нельзя впустить их в город. Мы должны объехать периметр, обновить метки — и можно выдвигаться обратно.

Всё казалось спокойным. Я разглядывала деревья на той — запретной — стороне, отмечая, что они точно такие же, как в наших лесах. Вроде и ветер не казался каким-то особенным. Трепал листву осин, гнул тонкие березы.

Я начала клевать носом, когда защитное поле в десятках метров от нас зажглось желтыми всполохами. Его контуры залил слабый свет, который разросся и, наконец, озарил всё кругом вспышкой.

Ай! На мгновение я ослепла. Долго терла глаза, в которых плясали черно-белые мушки.

— Опасность! — взревел Клинт и первым выскочил из повозки.

Я тоже попыталась подскочить, но отец силой усадил меня обратно на сидение.

— Жди здесь, — приказал перед тем, как вылезти наружу.

Стража, следующая в повозках за нами, бросилась с оружием наголо. Куда? На кого? Зачем? Я почувствовала магические толчки, что взрезали воздух. Неужели кто-то использовал настоящие боевые чары?

Мне не было страшно, скорее — волнительно. Рядом проносилось настоящее сражение, а это так... захватывающе. Я видела незнакомых людей — двадцать или тридцать, — которые бежали врасыпную. Видела, как в руках папиного хранителя плясал меч. Видела, как отец выпустил из пальцев серебристые ленты, которые жгли по бегущим незнакомцам.

В метре от нашей повозки пронесся сноп искр, и я испуганно нырнула вниз, под сидение. Мамочки! Чуть брови не подпалили.

— Только попробуйте попасть в Алису, олухи! — прикрикнул отец. — Кожу заживо сдеру!

Мне хотелось подняться на ноги и продолжить подсматривать за битвой, но я трусливо лежала, вслушиваясь в голоса и ругань. Ух, как же бранно! Аж щеки краской залило от грубых слов!

Вдруг, когда вдалеке всё затихло, я услышала совсем рядом с собой чей-то стон. Такой глухой, жалкий какой-то, будто бы подбитая собака всхлипнула. Я осторожно высунулась из окна повозки и удивленно посмотрела на мальчишку, который привалился к колесу. Откуда он тут? С его губ текла кровь, алая-алая, словно гранатовый сок. Взгляд остекленел. Ему лет восемнадцать, может быть, чуть больше. Тощий такой, вообще не кормят, что ли?

— Ты чего? — шепнула непонимающе.

Его волосы светлые, пшенично-желтые. На их фоне бледность лица была особенно заметна. Губы тонкие, словно выписаны росчерком пера. Он распахнул голубые — яркие-яркие, почти льдистые — глаза, но тотчас обессиленно закрыл их.

Мамочки... да он же... умирает?..

Что делать?! Позвать на помощь? Так он же совсем умрет! Откуда взялся вообще, неужели нечаянно подбили враги, с которым боролся папенька?

Решение пришло в голову быстрее, чем я успела обдумать ситуацию. Прыжок из окна, и вот я застыла напротив бедолаги. Он хрипел, дышал с присвистом. Следов ранения не было видно. Наверное, его подбили каким-то смертоносным заклинанием.

Вот идиоты! Не смотрят, куда лупят.

Я приложила ладони к груди мальчишки, как делал наш домашний целитель, да только слов правильных не знала, и руны вычертить не могла. Тупо смотрела на парня, пока тот захлебывался кровью, бормотала что-то невнятное.

Вроде бы начала сплетаться тонкая нить заклęcia.

— Не надо... — вдруг произнес на излете дыхания.

— Почему? — я остановилась.

— Лучше... смерть...

Непонимающе поморщилась. Да ну, ерунду какую-то городит! Когда это смерть бывает лучше, чем жизнь? Это он, наверное, из-за боли так сказал. Бредит попросту.

Ой, да он ещё вспоминать меня будет добрым словом, когда спасется. Может быть, даже вернется ко мне через несколько лет и признается в любви. Почему-то мне представился боевой маг в плаще, подбитым изумрудной тканью, который подъезжает к стенам гимназии, чтобы выказать мне свою признательность...

Как же волнительно! Я стану героиней!

Руны так и не складывались, но магия внутри меня закручивалась узлами, обращаясь в образы и желания. Я просто хотела, чтобы у этого парня перестала идти кровь, чтобы он дышал нормально. Ну, вот как я, например. Чтобы мои касания ему не боль приносили, а радость. Чтобы он вернулся потом ко мне. Чтобы моим стал, только пусть выживет!

Нельзя же так... погибать... просто так...

Внезапно тепло, исходящее от рук, окутало мальчишку почти осязаемым коконом. Прошло всего несколько секунд, когда из груди спасенного вырвался хрип облегчения.

Ура! Сумела!

— Зачем? — А в глазах его застыл неописуемый страх. — Идиотка ты! Зачем ты меня спасла?! Почти же всё получилось... ненавижу тебя... ненавижу...

Мне почудилось, или на его глазах выступили слезы? Ничего не понимая, вытаращилась на него. Мальчишка попытался встать и побежать, но перед ним уже возникла фигура стражника, что ехал вслед за нами.

— Неужто живой? Единственный остался. Оно и к лучшему. Будет, кого наказать за коллективное слушание. Госпожа, он вас не тронул?

— Нет, — помотала волосами.

Стражник схватил мальчишку за плечи, и тот со стоном поднялся. Напоследок незнакомый парень окинул меня таким взглядом, от которого холодеют лопатки.

Стало очень-очень страшно, будто этот парень может вырваться, чтобы причинить мне боль. Я спряталась обратно в повозку и дождалась отца с Клинтом внутри.

— Всё хорошо? — папа погладил меня по макушке. — Никто тебя не обижал?

— Не-а.

— Вот и замечательно.

Я сжала и разжала кулаки, чувствуя, как по венам пульсирует магия, как по артериям течет незамутненное волшебство. Я сотворила что-то очень сильное — сама понимаю. Даже запретное, потому что магические переливы слишком сильны. Будто волны в шторм. Наверное, не стоит

рассказывать папе, иначе он разозлится, что ослушалась его, вылезла, истратила весь резерв на какого-то мальчишку.

Ещё и парень этот... обидно как-то. Почему не поблагодарил меня за спасение, а разозлился? Я ведь от всего сердца хотела помочь!

— Штатная ситуация, госпожа, — повторил Клинт любимую фразу, усаживаясь напротив нас с отцом. — Беглые рабы, и только. Почти полсотни человек, надо же...

— А куда они бегут?

Меня потряхивало от непонятного испуга. Словно поднялись со дна какие-то воспоминания. Чужие, незнакомые. Но такие яркие, что лопатки сковало хлесткой болью. Отцовский хранитель неоднозначно пожал плечами, а папа лишь хмыкнул себе в усы.

— Да бесы их разберут. От сытой жизни бегут к неизвестности. Считают, что где-то им будет лучше, чем здесь.

Ничего не поняла. Посмотрела на проносящиеся поля. Неужели мы возвращались от контура к городу? Уже?! А как же обход границы?! На секунду мне показалось, что вдалеке ничком лежат человеческие тела. Да ну, глупость какая-то.

Даже если это злые враги, не оставят же их просто так?..

Папа запахнул шторку на окне, и в повозке стало темно. А на душе — скреблись степные кошки.

Глава 10. Сможешь ли ты меня простить?

Мы оба молчали, потому что ни одно слово в мире не могло выразить всего моего раскаяния и всей той боли, что Стъен испытывал, понимая, кто искалечил его судьбу.

Мальчишка-раб, которого едва не убили стражники. Беглец, про которого я давным-давно забыла. Случайный человек из моего прошлого.

Я связала нас задолго до инициации. Даровала ему жизнь ценою свободы, и долгие годы он платил непомерно высокую плату за мою «щедрость». Одно неумело построенное заклинание, в котором я неправильно расставила акценты, и на мужчину легко жуткое проклятие. Интересно, только ли проклятие или ещё и приворот, ибо я мечтала, чтобы он однажды приехал ко мне и влюбился?..

А теперь чары сняты так же резко, как и наложены — благодаря моему желанию. Значит, если чувства Стъена поддельные, они тоже должны исчезнуть.

Что же останется? Злость? Ненависть? Жажда мести?

— Ты хотел погибнуть?

Голос сиплый, будто исчезающий. Не мой. Чужой. Это голос злодейки, которая по собственной глупости привязала к себе человека, лишив его будущего.

Он мрачно кивнул.

— Либо погибнуть, либо сбежать за защитные стены и стать свободным. Мы смогли вырваться из рабовладельческого дома и дойти до границы. Нас искали стражники. Несколько дней мы прятались по лесам, боясь быть обнаруженными. И когда вышли к стенам, появилась ты.

— Я... — сглотнула, не представляя, что говорить и как оправдываться.

С этой точки зрения я никогда ситуацию не рассматривала. В моих детских фантазиях всё было просто: мальчик умирал, но его героически спасли. Вот такая вот умница Алиса.

Я тогда и про рабов особо ничего не знала, особенно — про беглых. Ну, живут какие-то люди и живут. Работают, не возмущаются. Это потом мне про касты рассказали и прочее.

Тогда мне казалось, что о моем поступке должны слагать легенды. Умолчала обо всем лишь потому, что боялась отцовского гнева. Но втайне гордилась собой. Подружкам по секрету рассказала, да только они не особо поверили. И всё. В какой-то момент я забыла эту историю как незначительный эпизод.

— Я единственный, кто выжил в той бойне. — Стъен подошел ко мне. — Поэтому, в наказание за ослушание, меня отдали из бытовых рабов в постельные.

— Мне всегда казалось, что постельные — это особая каста. В смысле, элитная...

Краснота поползла по моим щекам.

— Всякие бывают, дорогие и дешевые. Я относился ко вторым. Меня всему научили, но какой толк из мужчины, который воеет от любого касания? — Он опустил взгляд, и в том полыхала невыносимая боль. — Который бесполезен во всем. Которого избивали хозяева до полусмерти и перепродавали сразу же, как я им надоедал.

— Прости меня, умоляю. За всё. Если бы я знала, что моё заклятие так обернется...

Хм, если бы я знала... Неужели оставила бы несчастного парня истекать кровью? Неужели смогла бы просто махнуть рукой на него, понимая, что моё спасение превратится в наказание?

Если бы не тот импульсивный поступок, Стъен бы остался лежать на земле вместе с десятками мертвых рабов.

Так что бы я сделала, зная обо *всех* последствиях своего поступка?..

— Лис, ты другая. Я всё сильнее привыкаю к тебе. Мне начало казаться, ты взаправду могла бы... — голос сорвался, — остаться со мной. Глупости, конечно. Я думал, между нами особая связь. Но теперь понимаю всю глубину её особенности.

Я накрыла его рот ладонью. Молчи. Пожалуйста, не жаль меня словами. Я не знаю, что происходит внутри, но оно ворочается внизу живота, взрезает острыми шипами внутренности и оно же зализывает раны, расцветая словно диковинное растение.

Любовь? Влюбленность? Привязанность?

Кто разберет.

Стъен аккуратно отвел мою руку в сторону, поцеловав тыльную сторону ладони. Вдумчиво, неторопливо. Словно пытался распробовать поцелуй как заморское кушанье. Словно пытаюсь понять, чувствует ли он ко мне что-либо настоящее.

— В моей жизни было всякое. Я солгу, если скажу, что никогда не желал той девчонке-колдунье смерти. Ночами лежал на стылом полу и, рыдая, мечтал, как найду её и перережу горло. Спустя долгие годы черты её лица стерлись из памяти, да и образ был размытым. Всё-таки я находился в предсмертном бреду, когда она... когда ты появилась. Но я надеялся однажды встретить её и отомстить.

Мне становилось всё холоднее от этих его слов. Даже тон изменился. Из него исчезли любые теплые интонации, осталось лишь отчуждение. Глубокая безысходность. Глаза остекленели, и пальцы сжались на моем запястье так сильно, что я ойкнула.

Стъен качнул головой, отгоняя демонов прошлого.

— И вот ты рядом со мной. Так близко. — Его пальцы огладили мою шею; я не шевелилась. — Мой ночной кошмар. Девочка-колдунья. Я должен подчиняться тебе. Должен оберегать тебя. За эти недели я доверился тебе так, как не доверял никому.

— Прости...

— Молчи, Лис. Я не требую извинений. Ты ведь не подозревала, чем обернется твоя помощь, — он выделил последнее слово особой, язвительной интонацией. — Разреши мне лечь спать?

— К-конечно.

Стъен завалился на топчан, совсем как раньше, и отвернулся к стене. Уверена, что не уснул. Так и лежал, открыв глаза. Вспоминая. Пытаясь найти мне оправдание.

Я осталась совсем одна. В глухой, бездонной тоске. Без возможности замолить свои грехи перед этим человеком, у которого я украла смерть. Слезы катились ручьями, но я не позволяла себе разрыдаться в голос. Нельзя. Будь сильной, эгоистичная дура.

Страшнее всего осознавать: я бы поступила так вновь, потому что не могла допустить даже мысли о том, что Стъен погибнет.

Как же мне возместить многолетнюю боль? Чем же искупить свою ошибку?

А ночью, когда меня все-таки сморила дремота, я почувствовала, как кто-то сильный и горячий скользнул под одеяло и крепко притянул меня к себе. Вжался носом мне в волосы.

Стъен умел прощать. Даже тех, кто не заслужил прощения.

В нем боролось две противоположности. Человек, который люто ненавидел свою «спасительницу», и человек, который был готов расстаться с жизнью ради неё.

Он не лгал, когда говорил, что грезил о смерти. Когда ты юный мальчишка-раб, и у тебя появляется возможность сбежать — ты бежишь. В запретные земли. За стену. Туда, где можно дышать полной грудью. Без рабского ошейника, который нацепляют каждому бытовому рабу хозяева.

Ты бежишь, понимая: возможно, это бег в один конец. Если поймают — поблажек не будет. Наказания столь жестоки, что лучше погибнуть.

Так думали и другие рабы.

И когда стало понятно, что спасения нет, они сознательно кинулись на оружие проезжающих стражей границы.

Смерть была так близка и желанна, а потом появилась она. Девчонка-несчастье. Она что-то бормотала и вращала глазами. Твердила, что он должен выжить. А затем пустила в него энергию. Столь сильную, что раны срастались сами по себе.

Вместе с исцелением пришло проклятие. Будто Стъену было мало всех тех плетей, которыми его избили до полусмерти за побег. Будто мало было ударов сапогов с железными носами. Будто мало того, что его продали в такое рабство, о котором даже думать было омерзительно.

С тех пор Стъен возненавидел всех магов. Каждого. Когда он видел их, то представлял всё самое

страшное, что только мог.

Единственная колдунья, которой Стъен доверился, была Алиса.

Вот такая ирония.

Женщина, за которую он был готов погибнуть, сама стала погибелью. Мором. Черной вдовой.

Ненавидеть её? Оставить на её совести все грехи? Проклинать еженощно?

Жить с тьмой, что расползается путами по душе?

В одиночестве. В сумраке. В темнице, которую выстроил сам для себя.

Алиса не была виновата в том, что ей досталась добрая душа. Не была виновата в том, что всегда жалела рабов, как не была виновата и в том, на что обрекла Стъена.

Зато благодаря её поддержке он вновь захотел жить. Впервые за долгие годы — еще до постельного рабства — в нем проснулось острое желание. Выжить. Стать сильнее. Достичь большего.

Стъен глубоко ненавидел всех колдунов, но полюбил всеми ошметками своего сердца одну-единственную колдунью.

И если ему было суждено ещё раз пережить годы насилия, унижения и боли ради того, чтобы однажды вновь повстречаться с ней и распробовать вишневый вкус её губ — он готов.

Ведь нет проклятия страшнее, чем любовь.

Эти чувства не были подделкой, не были побочным действием заклинания. Нет, они рвали его изнутри даже сейчас, выжигая легкие, ломая кости.

Стъен знал: он увяз в Алисе так глубоко, что никогда уже не выберется. И понимал со всей отчетливостью: если вдруг он выживет, но не сможет пройти последнее испытание, то постарается умереть в тот самый день, когда Алиса променяет его на Севера.

И на этот раз его никто не остановит.

Этот день начался с того, что я отправилась в деканат и написала официальную жалобу на Джо, Елену и Динна.

— Они обманным путем выманили моего раба и избили его до полусмерти, — сквозь зубы описывала я. — Я считаю это не просто хулиганством, но серьезным преступлением. Что, если мой раб пострадал сильнее, чем я обнаружила при осмотре? Вдруг он не сумеет пройти последнее испытание? Отец тратил большие деньги не ради того, чтобы кто-то изломал... мою вещь.

Последние слова дались мне с болью, что взрезала горло тысячей лезвий. Но иначе было нельзя. Никого не волнуют мои чувства, главное — надавить на полную принадлежность Стъена хозяйке.

Декан боевого факультета, седовласый, короткостриженный маг, изморенный своей мудростью и тупостью гимназистов, кивнул.

— Вы правы, подобное недопустимо. Поверьте, эта троица понесет суровое наказание. Вы собираетесь сообщить о побоях в гильдию правосудия?

Вообще могла бы. По законам раб хоть и вещь, но всецело принадлежащая хозяину. И если его тронули без разрешения — это преступление.

Но какое наказание понесут эти самодовольные твари? Заплатят мне небольшую сумму — компенсацию за повреждения раба — и будут свободны. Зато мне придется писать заявление, ходить на допросы, вновь отдать Стъена инспекторам, потому что его тоже обязаны будут допросить. С пристрастием, ибо вдруг раб солгал или сам нарвался на побои.

А если учесть, что отец Динна — высокопоставленный чиновник гильдии, о котором ходят всякие нехорошие слухи. Пф, да он отмажет сына, а мы со Стъеном не вылезем из допросных камер, ещё и сами окажемся виноватыми.

Ну, уж нет.

Мне кажется, они потому и не опасались последствий, что понимали: за их спинами стоит мистер Оуэ, который отмажет сына с друзьями.

Надеюсь, гимназия не оставит этого просто так и не ограничится порицанием.

— Я обдумываю такую возможность, — ответила, глядя декану в глаза, чтобы он не решил, будто проблема исчерпана. — Кроме того, хочу отметить, что Динн Оуэ вернулся в комнату для наказаний и пытался атаковать меня каким-то заклинанием. Мой раб был вынужден кинуться на него. Надеюсь, Динн не вывернет ситуацию себе на пользу и не обвинит моего раба в причинении ему вреда.

— Не вывернет, — декан сделал отметку в своих записях. — Гарантирую, вам и вашему рабу ничего не угрожает.

Ну и хорошо.

У нас осталось совсем мало времени. Близятся выходные, затем наступит выпускная неделя. Экзамены у меня, последнее испытание у Стъена и Севера. И всё.

Веха под названием «учеба» будет завершена.

Пусть эти скоты подавятся своим поступком. Повеселились? Замечательно. Думаю, выволочка от декана поставит их на место. Я же буду на чеку и в следующий раз чисто случайно стрельну быстрее, чем открою рот.

Ещё бы разобраться с чувством вины, которое гложет меня ежесекундно. Стъен утром сказал, поцеловав мои мокрые от слез щеки, что прошлое не имеет значения.

Но я не верила его словам, потому что на дне его синих глаз плескалось нечто сродни разочарованию. Он не отказался от меня, но уже не мог смотреть так, как раньше. Потому что всякий раз появлялась та девчонка из воспоминаний, которая возомнила себя героиней и полезла туда, куда её никто не просил.

Зато он выжил и теперь рядом со мной. Мой. Бесконечно мой. Я не дам его в обиду. Никогда и никому.

А потом мне вспомнился хранитель отца и байки, которые он рассказывал о военном времени. И я понимала, что участь боевого раба — не сахар. Я не смогу его защитить, если не защищусь сама.

Что же делать?..

Я очень хотела тайком побывать на рабской тренировке, но мадам Потт поставила на тренировочную арену заклятье такой мощи, что меня даже не подпустило к дверям. Что ж, за неделю до выпуска рабов гоняют так круто, что некоторые из них валятся с ног, не успев доползти до барачков.

Ладно, мне и самой надо заниматься.

Кстати, троица уже не выглядела такой счастливой, а Елена и вовсе прорыдала навзрыд всю последнюю пару. Поговаривают, что не видать ей диплома с отличием после такого серьезного нарушения, а значит, в дальнейшем и работы престижной тоже не видать.

Что до Динна и Джо — не знаю, чего их лишили, но судя по лицам — чего-то важного.

К сожалению, меня это не грело и не радовало.

Душа требовала мести, и только здравый смысл останавливал от того, чтобы воплотить мечты в реальность.

Вечером, когда я вернулась в спальню после двух часов в библиотеке, где изучила всё для квалификационного экзамена, Стъен уже спал на своей лежанке. Он не занимал кровать без моего разрешения. Ещё не привык.

Обычно он просыпался, стоило мне переступить порог, но теперь даже не шелохнулся. Его измотали бесконечные тренировки, и каждый новый день был тяжелее предыдущего.

Пусть отдыхает. Не стану его будить.

А вот Север постучался в двери, стоило мне переодеться (хм, как он подгадал, неужели ждал в коридоре моего возвращения?), и, стрельнув глазами в сторону спящего конкурента, прошептал:

— Госпожа, уделите мне минутку?

— Конечно.

Мы вышли на улицу, дышащую летней прохладой. Ночь стелилась по низеньким зданиям гимназии, и крыши кутались в шаль из молочного тумана. Такими ночами хотелось дышать полной грудью и

не думать о чем-либо дурном.

Тем тяжелее мне дался вопрос брюнета:

— Госпожа, я молю вас о честности. Если мы оба, я и Ветер, пройдем испытания. Кого вы выберете? Простите за моё нахальство. Вы вольны не отвечать, но это столь много для меня значит.

Он рухнул к моим ногам, уткнувшись лбом в нос туфли.

— Я... не знаю. Пожалуйста, встань.

Но брюнет не шелохнулся.

Я по-настоящему не знала, без шуток или лукавства. С каждым днем сделать выбор становилось всё тяжелее. Потому что со Стъеном нас связывало нечто большее, чем связь хранителя и боевика. По ночам мне становилось страшно от одной мысли: он будет воевать и может умереть. Истощиться. Погибнуть во время инициации.

Смогу ли я себе это простить?

Ответ очевиден.

К Северу подобных чувств я не испытывала. Беспокоилась, разумеется, ценила и уважала. Но не тряслась от мысли, что ему придется биться в настоящем сражении.

Так, может, это и есть решение? Взять с собой того, кого воспринимаешь как хранителя, а не мужчину?

С другой стороны, я не видела рядом с собой никого другого, кроме Стъена. На уровне чутья. На уровне энергетическом и физическом. Он подходил мне во всем. Даже на совместных тренировках именно он улавливал мои задумки, просчитывая каждый ход наперед.

Север же... просто тренировался.

— Как доказать вам свою признательность? — спросил он хрипло. — Однажды я пришел к вам ночью, когда вы спали, и просто стоял около вашей кровати, оберегая сон. Я уже тогда понял, что испытываю к вам нечто большее, чем просто верность раба. Если бы вы не допустили в свои покои Ветра, я бы приходил и потом.

Его натруженные руки внезапно оказались на моих коленях и попытались скользнуть выше, чтобы забраться под тонкую юбку. Я сделала шаг назад и посмотрела на брюнета с немим изумлением.

Что происходит?..

Север облизал пересохшие губы.

— Если вы собираетесь избрать Ветра из-за его... достоинств иного рода, — брюнет выдохнул воздух, — то я тоже готов всему научиться. Вы крайне симпатичны мне, госпожа. Разрешите быть с вами рядом. Подарите мне толику нежности, и я докажу вам, что ничем не хуже Ветра.

— Живо встань! — рявкнула я. — С чего ты взял, будто я отбираю хранителя по каким-то достоинствам *иного рода*?

— Все рабы так говорят, — смутился Север, вскакивая. — А им рассказывают хозяева, что вы делите с Ветром не только комнату, но и постель, и поэтому благосклонны к нему, а не ко мне. Меня готовили служить боевику. Я способнее и сильнее. Если вопрос только в...

— Ты считаешь, что я развлекаюсь вместо того, чтобы готовиться к экзаменам? — уточнила вкрадчиво. — Считаешь, что у меня хватает свободного времени на то, чтобы использовать постельного раба по назначению? Считаешь, что в дальнейшем я отдам предпочтение любовнику, а не воину?

Север крепко задумался.

— Простите меня, госпожа, за недопустимые мысли, — он склонил голову.

— Проваливай, — указала на рабский барак. — Готовься к испытанию! Я буду отбирать не того, с кем делю комнату, а того, кто проявит себя как настоящий боец! — крикнула ему вдогонку.

А сама в очередной раз скривилась от мысли о том, какие грязные сплетни ходят по гимназии. То есть все кругом считают, будто я выбрала себе игрушку для утех? Такая вот хитрая хозяйка: и хранителя себе отыскала, и мужика.

Как бы они отреагировали, узнав, что между нами ничего нет, кроме робких поцелуев и целомудренных касаний, что высекают искры по коже?

Мы не переходим границу дозволенного. Никогда не позволяем себе забыться. Я не хочу настаивать. Боюсь надавить и стать похотливой хозяйкой, коих он насмотрелся предостаточно.

Да и теперь, после вчерашнего откровения, я буду ассоциироваться у него с каждым шрамом, с каждой не зажитой раной, с каждым разом, когда его принуждали.

Это страшнее всего на свете.

Так что рабы вместе со своими хозяевами могут засунуть свои фантазии так глубоко, как только смогут. Мне плевать на то, что они думают.

Я прогулялась по внутреннему двору, такому тихому, словно вымершему. Во многих окнах горел свет. Выпускники всех факультетов готовились к экзаменам. Кто-то веселился как в последний раз, другие предпочитали запереться на замок и зубрить материал до потери пульса.

Я долго стояла напротив своего окна и, запрокинув голову, пыталась рассмотреть, что происходит там, на втором этаже. Вдруг Стъен почувствовал моё присутствие и проснулся, чтобы выглянуть.

Чтобы... что?..

Возвращайся к нему, дурочка. Он не сможет простить тебя, если ты будешь оттягивать вашу встречу.

Нет, ещё немного постою. Буквально пять минуточек подышу свежим воздухом и...

Били сзади.

Ударным заклинанием обожгло спину будто языками пламени, и я упала на живот, скуля от боли. Она расплывалась лижущими пятнами, стискивала кожу свежими ожогами.

Я попыталась сгруппироваться, чтобы поставить щит, но мышцы свело единой судорогой. Не продохнуть. В легких полыхало пламя, и на языке вкус крови. Сознание начало угасать, перед глазами потемнело.

Алиса, соберись! От этого зависит твоя жизнь! Давай же, перевернись. Медленно, осторожно. Иначе тебя добьют.

Задыхаясь от пекла, что сжирало дотла, я сделала кувырок.

Маг стоял прямо передо мной. Вот бы разглядеть его лицо, скрытое широким капюшоном плаща. Кто он? Что ему нужно?

Я же говорила инспектору гильдии правопорядка, что то нападение было не случайным ограблением! Я навесила на себя защитных амулетов и внимательно смотрела по сторонам, выбираясь в город, только какой в этом смысл, если меня отловили ночью... на улице... во внутреннем дворе охраняемой гимназии.

Человек нагнулся, чтобы схватить меня, но в эту секунду я шибанула его... не магией, нет. Коленом. Пониже живота. Сбрав всю себя в кулак и постаравшись не отключиться. Он согнулся пополам, нечленораздельно выругался.

Ага, значит, мужчина.

Знание это ничего мне не дало, но жить захотелось ещё острее. Следующий удар, вышедший из-под пальцев, был вполне энергетическим. Маг с легкостью заблокировал его и отошел назад, разглядывая меня из-под капюшона.

— Не сопротивляйся. — Голос на грани слышимости.

— Помогите... — давила я из себя, но голосовые связки заиндевели.

Человек атаковал вновь. Вполсилы, даже не пытаясь причинить мне истинных страданий. Всё. Финал. Конечности не слушались, пальцы обмякли. Он вновь подошел и наклонился. Всё, теперь точно конец. Меня попросту похитят из гимназии или прирежут на месте как животное.

— Вот и... — начал он, но метнувшаяся слева тень откинула его к деревьям.

Маг сипло рассмеялся, а я с ужасом рассмотрела светлые волосы и знакомые черты лица.

Он ударил в Стъена клубом энергии, и тот отлетел на добрых два метра. Я хотела дернуться с места, чтобы помочь ему, защитить. Убедиться, что он жив. Но тело обмякло. Не человек, а кукла. Можно делать что угодно.

Но маг просто ушел, мазнув полom плаща мне по лицу, когда разворачивался. Доля секунды, и Стъен оказался рядом. Носом текла кровь, но в остальном — целый. Хвала небесам.

— Алиса?! Лис?! Как ты?

Я смотрела в его глаза, переполненные искренней тревогой, и думала о том, что даже не могу успокоить его. Горло дерет, но слова не лезут наружу. Только какие-то жалобные хрипы.

— Раб, отойди от гимназистки! — вдруг донесся голос надзирателя. — Что ты с ней сделал?

Надо же, как он оперативно. Пока меня убивали, никто даже не шелохнулся. Видимо, маг почувствовал, что спешит подмога, потому и ретировался. Только куда? И кем он был?..

— Не трогайте его, — прохрипела я из последних сил, когда сознание все-таки начало угасать.

Последнее, что я запомнила: руки, обхватывающие меня за талию, и взволнованный мужской голос: «Всё будет хорошо».

Глава 11. План отступления

В целебном корпусе удушливо пахло ладаном. Настолько удушливо, что мне даже захотелось прийти в себя, только бы поскорее убраться отсюда. Глаза слиплись, точно склеенные клеевой массой. Руки-ноги двигались плохо, но чувствительность в пальцах была.

Добрый знак.

Следом за запахами я начала различать голоса. Вначале слабо, сквозь толстый слой ваты, а затем они ворвались в голову с неистовой силой.

— Моя дочь в опасности в стенах гимназии. Вы с ума сошли? Я этого так не оставлю!

Отец?..

— Случай вопиющий, мы уже разбираемся с ним. Вы же сами знаете: любая магия имеет свой след, и мы непременно выйдем на преступника. Не нервничайте, мистер Трозз.

— Вы себя слышите?! — рявкнул отец. — За последний месяц Алису атаковали в городе, затем чуть не убили в гимназии. Возможно, было что-то ещё, о чем я не знаю?

Хм, вообще-то да. Ещё на одном из практических занятий был снят магический щит, и Динн чуть не прикончил меня заклинанием.

А если он всё спланировал с какой-то жуткой целью?

Нет, вряд ли. Динн хоть и оказался полной тварью, но он не хитроумный маньяк, который несколько раз пытался подстроить то мое похищение, то убийство. Хотел бы закончить начатое: мог бы подловить вечером после тренировки или заманить в ловушку, ведь до недавнего времени я считала его своим приятелем.

— Вашу дочь не планировали убивать, только обездвигили. Мы допросили её раба, он рассказал о маге, которого никогда не видел в стенах гимназии, — испуганно отвечал декан факультета. — Но вы сами понимаете: сюда не так-то легко проникнуть. Быть может, раб солгал?

— Знаю я, как вы его допросили, — проворчал отец. — Наверняка избивали неповинного мальчишку до тех пор, пока тот не «вспомнил» то, что вы хотели услышать.

Я внутренне содрогнулась от этих слов. Нет, только не это.

— Стъен... — прохрипела пересохшим ртом.

— Алиса!

Отец оказался возле меня и обхватил моё лицо руками. Теплые, шершавые. Родные. Я медленно приоткрыла левый глаз, затем — правый. Убедилась, что свет не ослепляет, только колет яркостью.

— Что с моим рабом?..

— Важнее, что с тобой. Ребенок, как же ты умудрилась так подставиться? Ты знаешь, кем был тот маг?

— Папа, — я наморщила лоб, — скажи, что с моим рабом всё в порядке.

— Что с рабом моей дочери? — вздохнул отец, понимая, что со мной бесполезно спорить.

— Мы его не били. Не трогали сильнее, чем нужно для магического допроса, — декан скривился и потеревил длинную седую бороду. — Он в порядке. Мы же понимаем, что причинить дополнительный вред собственности мисс Трозз после недавней истории... хм... было бы неразумно.

— Какой истории?! — Отец строго посмотрел на меня.

— Я всё объясню, — кивнула ему, отчасти успокаиваясь.

— Кстати говоря, — влез декан, чтобы максимально оттянуть время, — раб смог защитить мисс Трозз и принял удар на себя.

— Я люблю повторять, что если уважать своего будущего хранителя, то он оплатит тебе верой, — отец усмехнулся в густые усы. — Цени этого мальчишка.

Ох, отец. Догадывался бы ты обо всей глубине того уважения, то не радовался бы. Ни капельки. Вряд ли хоть один родитель одобрит связь дочери и раба, особенно, если отец этот

аристократических кровей, чей род процветает уже долгие столетия.

Когда-нибудь я поведаю о том, что связывает нас со Стъеном... если переживу инициацию.

Я всё рассказала о событиях прошлой ночи. Отец выслушал, не задав ни единого вопроса, лишь одобрительно хмыкнул, когда узнал, что я ударила колдуна между ног коленом.

— Итак, перед нами огневик. Предположения, кто он и зачем ты ему понадобилась?

Я плотнее укуталась в одеяло. Озноб прокатывался по пяткам и поднимался по ногам выше, к бедрам, оплетал шипастыми лозами всё тело. Страшное чувство неизбежности, чего-то неотвратимого, что никуда не денется, поселилось в груди.

— Пап, было кое-что ещё. Во-первых, на меня положили зуб другие выпускники. Совсем недавно они избili моего раба, а потом хотели применить на мне какое-то заклинание. А во-вторых, на первой неделе занятий меня чуть не спалило магией, когда каким-то образом мой щит был снят.

— Начиная с «во-первых», — окончательно разозлился отец, сверкнув глазами в сторону побледневшего декана. — Это не гимназия, а какое-то недоразумение!

Через полчаса я окончательно сдала все сокровенные тайны, и декан стал выглядеть абсолютно жалко. Отец уже не проклинал его и не грозился придушить собственноручно. Просто сжимал и разжимал ладони, словно обдумывая: испепелить старика магией или ударить по лицу кулаком?

— Это произвол. Дочь, почему ты молчала?

— Да как-то... — Я стушевалась. — Не знаю. Я же боевик, а значит, не должна жаловаться на всякую ерунду.

— Ты не боевик, а гимназист! — разъярился папа. — Ребенок, которого может обидеть любая тварь! Решено. Я попрошу знакомых из гильдии истины осмотреть гимназию, а заодно поднять дело о погибшем маге, который напал на тебя в городе. Студенты, которые атаковали твоего раба, тоже будут допрошены. Декан, вы разрешите мне это самоуправство?

— Полагаю, у меня нет выбора. — Старик развел руками. — Поговорите с ректором лично, дабы это не происходило без его одобрения.

— Тогда договоритесь о встрече. Надеюсь, он выделит минуту своего драгоценного времени ради Инварра Трозза.

— Всенепременно, — заверил декан и слинял так быстро, что даже удивительно: откуда в дряхлом маге подобная прыть.

Ничего себе! Гильдия истины — это настоящие ищейки, наемники, которые способны отыскать иголку в стоге сена. Их услуги стоят безумных денег, даже у нашей семьи таких не водится. А папа так запросто собрался с ними договариваться.

Видимо, у него там какие-то особые связи.

— Пап, — я приподнялась на локтях, — а как ты так быстро примчался сюда? Сколько я лежала без сознания?

— Недолго, не переживай. У меня было дело в городе, который расположен в семи часах пути от вашей гимназии. Магическое оповещение о том, что с тобой приключилось неладное, пришло очень вовремя. А что, не рада мне?

— Рада... Я писала тебе письма. Почему ты не ответил?

— Дальний поход, ребенок, — он вздохнул и вытащил из-за пазухи стопку листов. — Всё прочитал, но не успел оформить ответ. Думал заскочить к тебе на днях, дать последние напутствия перед долгой разлукой, заодно и пообщаться. А боги вон как распорядились. Что тебе интересно? С какой целью тренируют ваших рабов?

— Не тренируют, а доводят до истощения. — Мне вспомнился Стъен, бездвижно лежащий после тренировок.

— Ребенок, так и должно быть. Раб должен быть готов не только физически, но и морально. Он должен понимать: его ждет бойня. Ежедневное сражение. Вечная защита боевика. Многие погибают ещё во время испытаний. Это, к сожалению, нормально. Другие не выдерживают и ломаются. Такое тоже бывает. Даже маги сдаются под гнетом событий. Что говорить о рабах?

Я закусила губу, думая, что сказки кончились. Реальность даже суровее, чем казалось раньше. Ибо

на кону стоят человеческие жизни.

Отец потрепал меня по макушке как делал в детстве, когда я проказничала и прибежала к нему, чтобы не получить нагоняй от суровой мамы.

— Что ещё?

— Почему во время тренировок я ощущала энергию? Она лилась от рабов и обратно.

— Как я рад, что воспитал умную дочь, — папа расплылся в довольной улыбке. — Потому что точно такая же энергия пронизывает хранителя и боевика в момент инициации. Ваш тренер, так сказать, растягивает ресурсы рабов, чтобы потом они не свихнулись от магии, которая хлынет в их тело. Их гоняют перед испытаниями, чтобы высвободить внутреннюю силу. Это необходимая мера.

— Хранители научатся колдовать? — заинтересовалась я, прикусив щеку от волнения.

— Ни в коем случае. Они не станут полноценными магами, но обратятся в ваш источник силы. Если твоя энергия на исходе, ты будешь тянуть её из хранителя. Именно поэтому некоторые рабы погибают от связки с боевиком. Ох, дочь. Много тебе ещё предстоит узнать о взрослом мире.

Дьявол многоликий! Почему нам не объясняли этого на занятиях? Почему ограничивались общими вещами? Даже в учебниках не показан весь ужас происходящего.

— Скажи, как ты себя чувствуешь? — Вопрос, заданный с нешуточным волнением. — Тебе дадут отсрочку на год, если ты слаба или испугана.

— Всё хорошо. Я пойду на инициацию, отец. Как иначе?

— Не сомневался, что ты ответишь именно так. Мы с матерью беспокоимся за тебя, ребенок, — папа поцеловал меня в макушку. — Ольга тоже переживает.

— Скажи им, что всё хорошо. Пап, прошу, разберись с тем, кто хотел меня похитить.

— Разумеется.

— Пап... — подумав, прошептала я. — Могу я попросить тебя еще кое о чем? Очень личном. Обещай не задавать вопросов.

Отец удивленно изогнул бровь, но кивнул.

До следующего вечера меня продержали пленницей целебного крыла. Так себе развлечение, скажем прямо, зато не пришлось идти на прощальный вечер. Я слышала, как грохочут салюты, как смеются пьяные студенты, и думала, что окончательно переросла учебу.

Не было во мне желания вернуться в эти стены, как иногда возвращаются выпускники, чтобы преподавать. Не хотелось повторить «чудесные годы».

Кажется, я перегорела.

Ну а когда всё-таки воротилась в свою спальню, то обнаружила там Стъена. Абсолютно здорового и невредимого. Он сидел за рабочим столом в одних только штанах и вчитывался в какой-то справочник. Брови нахмурены, губы повторяют прочитанный текст, указательный палец водит по строчкам.

Хвала небесам, всё нормально!

Я кинулась ему на шею, не отдавая себе отчета в том, что творю. Это было на уровне наивных девичьих инстинктов. Стъен даже опешил от моей напористости, но притянул меня к себе, заключив в кольцо рук, и прошептал на ухо:

— Лис, я безумно волновался.

Я тоже, бесы бы побрали весь этот белый свет! Места себе не находила, готова была разрыдаться от безысходности. Если бы с ним что-то сделали. Если бы сломали его вновь, и все те недели, что Стъен учился дышать полной грудью, оказались бы напрасными — я бы разнесла эту чертову гимназию по кусочкам.

— Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня за то, что было раньше? Я не могу уснуть ночами, меня гложет это. Из-за меня ты...

— Я простил в тот самый день, когда ты выкупила меня на невольничьем рынке, — ответил коротко и без единого сомнения.

Он такой горячий, почти обжигающий, и дыхание его шумное будоражит во мне демонов. В жесткие волосы так приятно вплетать пальцы, и сердце его бьется громко-громко, словно спешит сообщить всему миру: я живой.

У него нежные руки, а касания всё ещё нерешительны. Он проводит по моему позвоночнику кончиками пальцев, оглаживает талию. Взгляд синих глаз пьянит круче любого алкоголя.

Я задыхаюсь от нашей близости, от того, как легко забыться с ним, потерять счет времени. Раствориться без остатка, потому что нет ничего желаннее, чем этот мужчина.

— Ты нужен мне, — пролепетала чужим голосом. — Весь. Целиком. Всегда. Пожалуйста...

Он и сам всё понял. Эта жажда, с ней невозможно бороться. Ей нужно утолить. Утихомирить голод.

— Лис, ты хочешь этого?..

Всей своей сущностью. Каждой клеточкой тела. Каждым вдохом и выдохом. Я всегда мечтала о постели, устланной лепестками роз, и втайне презирала тех, чья невинность была утеряна в стенах гимназии.

Ведь первый раз должен быть особенным.

Но сейчас я не представляла рядом с собой другого мужчину, которому захотела бы довериться столь сильно. Кого могла бы обнимать так ненасытно, чьи поцелуи выжигали бы на мне собственнические метки.

У нас почти не осталось времени, а будущее не сулит ничего, кроме разочарования и боли. Кроме кровавых сражений и бессонных ночей.

Так пусть сегодняшний день будет особенным. Пусть он принадлежит только нам.

— Да, — на всхлипе. — Только если ты не...

Его губы, что пленили мой рот, не позволили договорить. Умелые пальцы уже нащупывали шнуровку на моей рубашке, и мир вокруг потерял какую-либо значимость.

Стьен никогда не думал, что бывает так. По-настоящему. Когда появляется отупляющее чувство собственности, и поцелуи дарят не боль, но наслаждение. Когда близость с кем-то дарует немыслимое удовольствие. Когда телами выплетаются узоры, и два дыхания звучат в унисон. Когда не хочется отрывать взгляда от той, которая видит тебя насквозь.

А в груди отчаянно колотится сердце.

Оказывается, та плотская любовь, которой его обучали хозяева, бывает красивой и нежной, без толики пошлости.

На простынях, влажных и сбитых, было горячо лежать. Алиса свернулась клубочком и прижалась к его груди, словно дикий зверек, наконец-то доверившийся человеку.

Стьен боялся спугнуть это хрупкое счастье. Перебирая её позвонки, оглаживая мягкую кожу, он впивал в себя воспоминание о девушке, что навсегда останется для него единственной. Той самой, что сломала оковы и впустила в обезображенное сердце весну.

Девушка, пахнувшая ранней сиренью. Девушка, умеющая быть нежной и страстной.

Та ночь пролетела незаметно. Не спалось, да и как сомкнуть глаза, когда рядом Алиса? Родная, такая понятная и в то же время — загадочная до бесконечности. Каждый её поступок, каждое слово казались ему ненастоящими. Потому что не может госпожа аристократических кровей быть *такой*.

Хрупкая. Ранимая. Искренняя. Но, вместе с тем, готовая сражаться до последней капли крови, вырывая у смерти победу. Истинный воин.

Светало, и солнечный луч коснулся щеки Алисы. Прокрался по лицу, настырно залезая в глаза. Она поморщилась и откатилась к стене, вжавшись носом в подушку.

Стьен бесшумно вскочил с кровати, посмотрел на девушку с улыбкой и хотел укрыть её одеялом, но вдруг замер от неожиданности.

На простынях осталось алое. Кровь.

Алиса была невинна?!

Нет. Не может быть. Она ни единым жестом не намекнула, что ей больно, не просила остановиться. Не плакала.

Вдруг показалось, что он совершил ужасное преступление. Пусть их связь и была божественным даром, но раб не имел права покуситься на невинность своей хозяйки. Ведь это сокровенное, она должна была расстаться с целомудрием в постели с женихом или супругом. Но не с ним. Не с разовой игрушкой.

Стьен не питал надежд и знал, что однажды Алиса уйдет. Может быть, она и оставит его в качестве своего хранителя, но никогда не останется с ним. Бросит ради кого-то более достойного.

Ведь так будет правильно.

А теперь...

Их навсегда свяжет эта ночь, и через десятки лет Алиса будет корить себя за то, что позволила порыву страсти затмить разум.

— Ты чего застыл? — проворчала она, разлепляя левый глаз. — Только не говори, что на нас опять кто-то покушается.

— Лис, — он долго не мог найти слов. — Ты... ты...

— Ну да, — дернула она острым плечиком, заметив направление его взгляда. — А что такого? Когда-то это должно было случиться. Я рада, что это произошло вчера. Правильнее и быть не могло.

— Я не причинил тебе боли? — спросил, наклоняясь к её румянному спосонья лицу, вырисовывая дорожку из поцелуев вокруг её глаз и губ.

— Ни капли, — мягкая улыбка лишь на секунду поблекла. — Спасибо тебе за всё. — Алиса изловчилась перекатиться так, чтобы повалить Стьена обратно на постель.

Её поцелуи опьяняли, словно крепкий настой. Руки исследовали тело, со смущением касаясь низа живота, с хмельной радостью проводя по груди и спине, исполосованным шрамами.

— Может быть, повторим? — спросила и густо покраснела от своей искренности.

Он бы очень хотел отказаться и напомнить ей о связи между госпожой и невольником, которая не закончится ничем хорошим. Потому что их ждет разное будущее. Потому что Алисе нужен кто-то другой. Кто-то лучше. Кто-то свободный.

Хотел бы.

Но не смог.

Ибо не было чувства сильнее, чем то, которое один ненормальный раб испытывал к своей хозяйке.

Глава 12. Не оступись

Первые новости от ищеек гильдии истины нагрянули следующим утром, и они переполошили всю гимназию.

Как маг сумел пробраться на охраняемую территорию?

Очень просто. Его провела... Джоанна. К ней обратились в одном из ресторанчиков, где моя некогда лучшая подружка любила ужинать, считая еду из столовой невыносимой. Человек «обычной наружности», как описала его сама Джо, предложил надолго заткнуть меня, да ещё и посулил денег за помощь. Темноволосый, темноглазый, без единой приметной черты. Непримечательный, коих много.

— Никакой крови, — пообещал он ей. — Мисс Трозз нужна моему хозяину с иной целью.

Джоанна объясняла со слезами:

— Он как знал, когда подойти. После разборок с деканом я так злилась на Алису, что готова была на всё.

В общем, она протащила незнакомца в гимназию через свой магический ключ защиты, как иногда гимназисты водят девиц или парней из города. Эта лазейка была известна, но особого внимания на неё никто не обращал.

Что было в голове Джоанны — загадка. Но девушка ревела навзрыд, когда стражники уводили её прочь. Просила у меня прощения. Цеплялась за рукава и уверяла, что не желала мне зла.

Дурость обернулась крахом, и одним штрафом Джо не ограничится. Для неё обучение будет навсегда закончено. Её затаскают по допросам и никогда больше не разрешат использовать боевую магию.

Что до первого мага?

Так ничего и не выяснилось.

А потом потянулась череда из экзаменов и практик по боевой магии, по целительскому делу, по защитным чарам. Бессонные ночи за конспектами, вечера на стадионе, где все выпускники дружно отрабатывали то огневой удар, то воздушный, то водный.

Рабам не давали спуска, мадам Потт высасывала из них все силы. Стъен вечерами мог только сказать мне, что всё в порядке, рухнуть на кровать и уснуть. Я насильно будила его ближе к полуночи и заставляла поесть.

Тебе нужны силы, мой дорогой. Ты должен справиться. Ради меня. Ради нас.

Да о чем говорить. Двое рабов, кто был гораздо сильнее Стъена, не пережили подготовку. Вот так просто. Истощение, физическое и энергетическое, отсутствие нормального питания. Их хозяева не уследили за будущими хранителями и теперь в ужасе осознавали: им не стать боевиками.

Не в этот раз.

Чья-то жизнь оборвалась из-за хозяйского безразличия.

Почему преподаватели не учат нас заботе о своих рабах? Почему не объясняют, как важно беречь того, кто должен охранять тебя во время странствий и битв? Почему разрешают телесные наказания?

Ведь всё это ослабляет рабов.

Наверное, они пытаются объяснить на живом опыте — нужно думать своей головой. Никто не скажет вам, как быть, в Свободных землях. Если вы не привыкли доверять хранителю, если относитесь к нему как к ничтожеству — недолго вам ходить в звании боевика.

Всё б ничего. Только опыт этот слишком дорог, ибо цена ему — человеческая жизнь.

Я сдала последнюю практику в среду, в четверг получила диплом об окончании обучения, а в пятницу весь день был посвящен тем самым испытаниям, о которых неустанно повторяла мадам Потт. Мы вновь собрались на стадионе. Рабы сидели у ног (как бы я хотела усадить Стъена и Севера рядом со мной). Полная тишина. Напряжение. Пустые внутренности стадиона, который вскоре наполнится ловушками.

— Этого дня вы ждали, а ваши рабы боялись его как самого страшного проклятия. Юнцы, желторотые гимназисты! — мадам Потт обвела всех рукояткой плетки. — Надеюсь, вы начали осознавать, что без хранителя вы не представляете собой ничего? Бессмысленные сгустки энергии. Ремесленники. Многие недоумевают: зачем вам, боевым магам, видеть последний экзамен своих рабов? Другие считают это развлечением. Надеюсь, сегодня каждый из вас поймет, чем на самом деле являются испытания. Начнем!

Она хлестнула по земле, и стадион начал наполняться преградами. Одни были неосязаемы, но я чувствовала их мощь даже издалека. Другие, например, фантомные противники, то появлялись, то, мерцая, исчезали.

Все замолкли, пытаясь осмыслить увиденное.

Сколько же чистой магии вложено сюда?

По кончикам пальцев ползли энергетические разряды, настолько сильно искрило на стадионе.

— Напоминаю правила! — Зычный голос тренера отдался в затылке болью. — На прохождение испытаний дается полчаса. Если раб погибает — всё кончено. Если раб падает и не поднимается — всё кончено. Если раб не доходит до конца испытаний по какой-то иной причине — всё кончено. Это может показаться неоправданной жестокостью, но лишь сильный духом и телом сумеет в дальнейшем пройти инициацию. Мисс Роттер, приступим?

Елена так испуганно мотнула головой, будто бы испытывать собирались её саму. Но затем шепнула что-то рабу, и тот встал под десятками взглядов. Жалостливых и любопытствующих, даже радостных — никто не хотел стать первым.

— Время пошло! — ухмыльнулась мадам Потт.

Теперь я осознала со всей отчетливостью: это были не соревнования, а бойня. Пусть раб Елены и справился, но он победил последнего врага — мага-огневика — на трясущихся ногах за пару минут до сигнала.

Ему повезло, чего нельзя сказать о других.

Один из рабов не выдержал и обрушился в яму. Другой сломал ногу и скулил, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Идиот! — орал его хозяин. — Вставай! Поднимайся, кому сказал! Я шкуру с тебя спущу!

Раб из последних сил встал и на одной ноге поковылял вперед, волоча вторую за собой. Гибель настигла его чуть дальше, в зыбучих песках, в которых он попросту захлебнулся.

Мой однокурсник заверещал от ужаса, когда понял, на что обрек своего будущего хранителя.

Мадам Потт лишь щелкнула пальцами, возвращая арену в изначальное состояние.

Невозможно было подготовиться к испытаниям заранее. Энергия перестраивала их, меняла расположение ловушек. Выжить мог не только сильнейший, но и достаточно ловкий, хитрый, догадливый.

Здесь не было начала и финишной прямой, лишь замкнутый круг, каждый сантиметр которого представляет опасность.

Я стиснула плечи Севера и Стъена ногтями, сама не замечая того. Сейчас мне не хотелось отпускать их на арену так сильно, как никогда ранее.

— Мисс Трозз! — как специально окликнула меня мадам Потт. — Кто из ваших рабов пойдет первым?

Секундная заминка.

Кто же...

— Госпожа, разрешите? — обнажил зубы в самодовольной ухмылке Север.

Я нерешительно кивнула, и он играючи вскочил на ноги. На арену мужчина не ступил, а запрыгнул с нахрапа. Осмотрелся, а затем на секунду замер, впитывая энергетические потоки в себя.

И только после этого сделал первый шаг.

Он был хорош, мой боевой раб. Двигался правильно, не размышлял и не тратил время на сомнения.

Его атаковали, но он оборонялся. Сносили ледяные ветра, но он мужественно шагал вперед. Я сама не заметила, как до крови закусил губу и всякий раз внутренне содрогалась, когда Север опасно наклонялся или сгибался от боли.

Теперь я отчетливо осознала, что имела в виду мадам Потт, когда говорила: каждый поймет истинный смысл испытаний. Мы должны были не просто увидеть муки своих рабов, но и запомнить их сильные и слабые стороны.

Например, Север прекрасно дрался, но внимательности ему не хватало. Магические преграды заставляли его врасплох, а вот враги рушились «замертво» от быстрых выпадов.

Хвала небесам, арена успокоилась, вбирая в себя энергию, и это означало лишь одно: Север прошел!

— Следующий! — приказала мне мадам Потт.

— Удачи, — пролепетала я Стъену.

— Ты — моя удача, — ответил тот, незаметно коснувшись моего колена, когда поднимался.

Шаг за шагом. Ближе к ограждению.

Я бы предпочла убежать куда подальше, только не видеть того, как он ступает на песок. Крикнуть: «Постой!!!» и все-таки отстранить его от участия. Отправить к родителям. Запретить приближаться к арене.

Да, он разозлится и никогда не сможет простить меня, но так будет... правильнее.

Боги...

Я бы с радостью его освободила. Никогда об этом не задумывалась почему-то. Наверное, думала, что со мной будет проще. Эгоистка. Верила в связку между хозяином и рабом. Представляла Стъена своим хранителем. А теперь поняла со всей ясностью: я бы даровала ему свободу, если бы только могла.

Это практически невозможно, но я бы сделала всё, что в моих силах. Отец бы подключил свои связи. Вместе мы бы постарались вернуть Стъену возможность стать нормальным человеком.

Только бы не видеть, как он переступает черту, абсолютно прямой, прикрывает глаза, а затем кивает каким-то своим мыслям и срывается на бег.

И мой мир потускнел в эту секунду, превращаясь в горький пепел.

Беззвучный крик сорвался губ. Сдержаться было невероятно сложно. Мне приходилось давить в себе панику, чтобы не сорваться, видя, как Стъена обхватывает энергетическими путями, но он вырывается и минует первое испытание, а ненасытная арена перестраивается, обрушивая к его ногам следующий удар.

— Давай! — шептала я. — Ты справишься!

Его волосы налипли на лоб, спина была неестественно пряма, а лопатки сведены. Арена кажется маленькой, но только если тебе не нужно сражаться с её порождениями. В ином случае она бесконечна.

Он отбивался от фантомных врагов — не зверей, как на тренировках, а магов и стражников, которые ранили не хуже настоящих, — сражался с энергией, отпрыгивал от ловушек.

Его взгляд в эту секунду казался не просто синим, он был соткан из ледяных нитей. Черты лица заострились сильнее прежнего.

Стъен был измотан; я видела это, чувствовала каждой клеточкой тела. Но держался.

До тех пор, пока поток воздуха не хлестнул его под колени точно хозяйский кнут.

Стъен упал. Обрушился на песок лицом вниз, уперся в выставленные ладони.

И всё.

Мой мир погрузился в кромешную тьму, и звуки сожрала безысходность.

Сердце гулко отсчитывало удары до поражения.

Один. Два. Три.

Совсем как тогда, в подворотне, когда счет в борьбе за жизнь шел на секунды.

Поднимись...

Стъен лежал, не пытаясь встать. Только грудь его вздымалась так тяжело, словно он тратил все силы на то, чтобы дышать.

Четыре. Пять. Шесть.

— Поднимись! — пробормотала с нарастающим страхом.

Твою мать, поднимайся! Не сдавайся! У тебя есть несколько секунд! Пожалуйста. Ты же сильный. Сильнее всех, кого я когда-либо видела. В тебе столько мощи. Ты можешь пройти любые испытания, потому что жизнь испытывала тебя гораздо дольше.

Я вскочила с трибуны и сжала кулаки.

— Пожалуйста, поднимись...

Я не хочу Севера в хранители, не хочу стирать тебе память, как обещала две недели назад. Я не смогу без тебя. Не смогу сражаться с врагами. Не смогу ночевать в глухом одиночестве.

Мне нужен только ты.

НУЖЕН!!!

— Поднимись! — рыдала я, стиснув пальцами собственные предплечья.

Семь. Восемь. Девять.

Он поднял на меня взгляд и...

Встал на колени словно собираясь принять позу покорности. А затем, чуть помедлив, смог выпрямиться. Вздёрнул подбородок. Взгляд был затуманен.

Он шел. Не щадил себя. Носом струилась кровь.

Боролся на последнем издыхании, но не собирался сдаваться. Вены вздулись, проступая на бледной коже. Шрамы казались такими яркими, словно новые раны.

До конца испытания Стъена осталось всего две минуты, и ко мне подошла мадам Потт. Наклонилась так близко, что её горькая туалетная вода щекотала мне ноздри.

— Повторяю в последний раз. Ваш раб не переживет инициацию. Оставьте его. Это уже не вопрос вредности, а жизни и смерти. Он дорог вам? — Она прочитала на моем лице ответ. — Тогда не позволяйте ему погибнуть, иначе вместо того, чтобы биться, вы будете скорбеть. Всю свою жизнь.

Тренер не ждала моего ответа; она развернулась и воротилась на арену быстрее, чем я успела что-то пискнуть. Мне показалось, что в словах было нечто большее, чем обычное раздражение. Больше, чем совет.

Неужели какая-то личная боль?..

Чего мы не знаем о холодном тренере, что ежедневно истязает рабов, не щадя их и не ведая пощады к тем, кто сдается?

Я смотрела на Стъена, который весь обратился в чувства. На его обескровленные губы и глаза, в которых исчезло всё человеческое.

Испытание для него закончилось. Он прошел. И теперь я точно знала, как должна поступить.

После испытаний ослабленные рабы вернулись в бараки, где их обещали подлатать перед инициацией. Маги же дождались конца испытаний, без особого энтузиазма выслушали последние наставления мадам Потт.

Всё равно ничего нового мы не услышали ни от неё, ни от других преподавателей. Прописные истины, которыми кормили нас ежедневно: не бояться, не сдаваться, с гордостью нести бремя боевика.

Инициация свершится завтра. С первыми лучами солнца.

Кому-то не повезло оказаться за бортом из-за собственной неуспеваемости или потери раба. Или, наоборот, повезло остаться в живых?

Другие разошлись по спальням, где занялись последними приготовлениями. Сегодня никто не хотел веселиться, но и уснуть многие не могли, а потому бессмысленно слонялись по коридорам.

С чашкой самодельного снадобья я возвращалась к себе. Руки тряслись от переизбытка переживаний, и приходилось стискивать чашу пальцами, чтобы не расплескать содержимое под ноги.

Гнетущее чувство накрыло меня с головой, и оно усиливалось с каждым моим шагом. Оба моих кандидата смогли выдержать испытания. Только гордости не было, как не было и понимания — что делать дальше?

Зато жгучая паника растекалась по артериям.

Стъен лежал на моей кровати (хвала небесам, что не на лежанке, с него стало бы). Неестественно бледный и измотанный. Такой родной, такой необходимый. Ставший для меня всем за несколько дней.

Я протянула ему чашу с отваром. Стъен принялся и задумчиво посмотрел на меня, будто ожидал, что внутри окажется яд.

— Общеукрепляющее средство, — вздохнула, опустив взгляд. — Нам запретили применять целительские чары, потому что после испытаний вы переполнены энергией. Непонятно, что может произойти.

— Ничего страшного, я в порядке. А вот ты какая-то взвинченная. — Стъен коснулся моей ладони. — Что-то случилось, Лис?

— Нет. Просто ты мне нужен живым и здоровым, — ответила и подтолкнула чашу к его губам.

Он помедлил, всматриваясь куда-то мимо меня. А затем всё-таки отпил. Дернулся острый кадык.

— Завтра инициация, — хмыкнул он безрадостно. — Что чувствуешь?

Я отошла к окну и вгляделась в ночной внутренний двор, полный пугающих черных теней. Отупляющее чувство неминуемой катастрофы накрывало с головой.

— Чувствую, что меня перекрутили заживо и собрали из ошметков. — Обернулась к нему, прищурилась, силясь впитать эти черты в память. — Ты не передумал? Пойдешь до конца?

— А ты не предпочтешь вместо меня Севера? — ответил дерзко, стирая с губ остатки снадобья.

Я пересекла разделяющее нас расстояние в два широких шага и, склонившись к Стъену, отрезала:

— Я никогда не предпочту тебе Севера. Запомнил?

— Угу.

Горячие губы накрыли мои, и руки опустились на талию, легонько приобняв. Я зарылась пальцами в его жесткие волосы и думала: вот бы никогда не разрывать этого — последнего — поцелуя. Сладкого и горького до невозможности. Пропахшего надеждой и безысходностью.

Вскоре Стъен уснул.

Сонные травы практически ничем не пахнут, но действуют в течение нескольких минут. Точно так же ничем не пахнет и зелье забытья, которое продается за баснословные деньги и только нелегально. Отец купил его по моей просьбе.

Спрашивал, конечно, на кой мне понадобилось лишать памяти собственного раба. Что ж, я почти не соврала, когда сказала, что Стъен вытерпел достаточно боли. Пускай у него будет шанс на нормальную жизнь.

Отец, подумав, согласился помочь. Все-таки не так часто я просила его о чем-то столь отчаянно.

Моё наваждение спало крепко, безмятежно. Без сновидений. Он расслабился, отпустил кошмары, что преследовали его долгие годы.

Надеюсь, всё получилось.

Меньше всего мне хочется вновь унижить его. А быть брошенной той, ради которой не единожды посмотрел в глаза смерти, — это унижительно. Лучше уж лишиться памяти, чем думать о моем предательстве.

Следующий час я в слезах писала последнее письмо, адресованное отцу. Молила взять Стъена себе и относиться к нему по-человечески. Работу ему дать, никогда не напоминать о постыдном клейме постельного раба. Просила подыскать хорошую девушку из числа рабынь. Говорила, что он стал очень дорог мне, но не объясняла причин.

Если нам суждено встретиться через год — боги позволят мне выжить. Пусть он не вспомнит меня, как и всего того ужаса, что пережил по моей вине. Зато я увижу его вновь.

Если же не суждено...

Что ж, такова воля всевышних.

А когда письмо было дописано, я скрепила его магической печатью и оставила на столе. Коснувшись последним поцелуем холодного лба Стъена, забрала рюкзак с вещами и вышла из спальни, не собираясь туда возвращаться.

Пережду в общих залах. Сегодня многих мучает бессонница.

В бараках тоже никто не спал. Рабы не могли успокоиться после испытаний и слонялись из угла в угол. Их пугала неизвестность сильнее нашего.

Я увидела Севера, который сидел на топчане в дальнем углу, сгорбившись, и подошла к нему со спины.

— Ложись спать. — Тронула кончиками пальцев его мощное плечо. — Инициация на рассвете.

— Я? — удивился брюнет, недоверчиво сощурившись. — Госпожа, вы не пришли за мной после испытаний, и я подумал...

— Я тоже так думала, — ответила честно.

Он задумчиво кивнул, и в глазах засияло превосходством.

Глава 13. Опасная связь

Бывают такие дни, когда сама природа намекает на грядущую катастрофу. Вот и сегодня поутру небо было столь черным, будто густо вымазано углем. Накрапывал мелкий дождь, колотил по одежде, заливался за шиворот.

Мы стояли в полном обмундировании боевого мага. Костюмы сшили по лекалам неделю назад, но сегодня мы впервые официально надели их и увидели друг друга такими... взрослыми. Во всем черном. В зауженных брюках и куртках из тончайшей кожи. Высокий стоячий воротник стягивал шею. Мы обвесили себя амулетами (которые прежде осмотрели преподаватели, дабы никто не протащил в Свободные земли какую-нибудь пакость) и теребили их меж пальцев.

Если вчера бывшие гимназисты были полны гонора и обещали всем задать жару, то сегодня в месте инициации столпилась жалкая стайка магов-недоучек.

В этот день из гимназии были отосланы все ученики. Такой вот дополнительный выходной, которому я сама радовалась долгие годы, пока старшие боевые маги вступали в самостоятельную жизнь.

Никому из сторонних магов нельзя видеть того, что произойдет в жертвенном круге.

Внутренний двор был расчерчен алыми рунами, и чутье подсказывало мне, что это всё-таки кровь, пусть и животного происхождения.

Мы с ужасом таращились на круг, в центре которого было выписано руническое слово «Смерть».

Преподаватели по боевым дисциплинам давали последние напутствия и отходили, уступая место следующим. Мы и наши рабы — почти хранители — застыли, не слыша никого и ничего, кроме биения собственных сердец.

Кажется, нам объясняли, что при успешной инициации рунический портал перенесет мага с хранителем к одному из источников энергии в Свободных землях. Говорили, что по прибытию мы должны связаться с гильдией боевиков. Напоминали, что все боевые задания будут поступать через гильдию.

Уверяли, что мы справимся с любыми невзгодами, ибо проделали долгий путь.

Наконец, торжественные речи были закончены, и наступила гнетущая тишина.

— Мистер Оуэ, окажите нам честь стать первопроходцем, — декан подслеповато сощурился, выискивая среди разномастной толпы Динна.

Тот трясся как лист на ветру. Даже неприлично как-то, что взрослый парень, а не может уговорить собственного волнения. А вот его раб был внешне спокоен.

Они вместе ступили в круг, и Динн начал зачитывать символы по часовой стрелке, выплетая их же пальцами. Воздух стал неимоверно горяч. От перечисленных рун шел черный дымок, едкий и горький, пахнувший железом. Динна окутал ярко-золотистый свет. Нет, Динн сам излучал этот свет, будто бы превратился в его сосредоточие.

Руна за руной. Медленно. Неторопливо. По слогам.

Внезапно Динн закричал. Не вскрикнул, а заголосил так, будто его резали заживо. Громко. Истошно. Но отдышался и продолжил зачитывать руны, словно сам уже не мог остановиться.

Мы с ужасом переглянулись. Так и должно быть?!

Хлопок, и свет рассеялся. На месте, где недавно стоял мой однокурсник, никого не было.

Судя по тому, что преподаватели никак не отреагировали на исчезновение, всё пошло по плану, и инициация перенесла Динна в Свободные земли.

Пригласили Эвелин с её рабом. Я улыбнулась девушке, и та ответила мне легким кивком, а затем шагнула через черту и устроилась прямо на руне. Она читала тихо, почти беззвучно, но руны всё равно зажигались одна за другой.

Вспышка света, слабый стон раба и долгий всхлип девушки.

Всё получилось, инициация пройдена.

Мы даже расслабились, но в следующий раз что-то пошло неправильно, и обгоревший раб замертво

рухнул на землю, к ногам своего господина. Кто-то из преподавателей сказал:

— Выйдите из круга, вы не прошли инициацию.

В эту секунду я ещё отчетливее поняла, что поступила правильно, даровав Стъену забытие. Подвергнуть его такой опасности?! Добровольно?..

Да никогда в жизни!

Вот теперь всем стало по-настоящему жутко.

Погибло ещё три раба, один раз пострадал сам маг (правда, он отделался ожогами). Столь сильна была энергетическая отдача. Крики и стоны стояли в ушах. Руны тускнели и вспыхивали вновь. Вся процедура занимала не больше минуты.

Раз, и всё. Чья-то судьба предreshена.

— Мисс Трозз.

За моей спиной толпились маги и рабы. Я не оглядывалась, но чувствовала на себе их взгляды. Человек пятнадцать тех, кто вынужден дрожать от неизвестности.

— Готов? — спросила Севера.

— Разумеется. Спасибо, что выбрали меня, — ухмыльнулся он.

Слишком самодоволен, и это огромный недостаток.

— Не заставляй меня пожалеть о своем решении, — бросила ему и переступила черту.

Вдох-выдох. Успокоить колошматящее сердце. Собраться с мыслями и...

— Хозяйка! — окриком за спиной.

С моих уст не успела сорваться даже первая руна. Чуть хриловатый голос был знаком до невозможности.

Я обернулась на негнувшихся ногах.

Что?.. Как это возможно?..

Стъен застыл перед самым кругом. В жалком метре от меня. Его никто не гнал. Ни гимназисты, ждущие своей очереди в немом ужасе (и потому радостные, что момент оттягивается). Ни преподаватели, стоящие поодаль и взирающие на нас со смесью интереса и неодобрения.

Как давно он здесь? Почему никто не выгнал стороннего человека, пусть и раба? Или все думали, что я до сих пор не определилась со своим выбором и сделаю его в последнюю минуту?

— Неужели я не оправдал твоих ожиданий? — прошептал так тихо, что вряд ли кто-то мог расслышать. — Недостаточно хорошо справился с испытаниями?

— Уходи! — рявкнула, отвернувшись, чтобы не разрыдаться и не смотреть в глаза, наполненные обидой. — Оставайся в гимназии! Это приказ.

Почему он не спит?! Снадобье было столь крепким, что должно было сморить его до вечера. Я всё рассчитала. Он должен был проснуться с чистой памятью ровнехонько к приезду отца, который обещал уже сегодня забрать мои вещи в поместье.

— Почему? Потому что тебе не нужен в странствиях постельный раб?

Да что он такое несет?!

Неужели не понимает, что я хотела уберечь его?..

Но оправдываться перед целой толпой зевак — значит, навлечь на себя неприятности. Нужно сохранять строгость и показательное спокойствие, хотя внутри всё клокочет от почти физической боли.

Я оглянулась на преподавателей, надеясь, что кто-нибудь из них прикажет Стъену покинуть двор, но те изучали наше трио с живым, неподдельным любопытством. Мадам Потт даже склонила набок голову.

Видимо, подобные увеселения в процессе инициации случались редко, да и для преподавателей я

больше не гимназистка, а взрослый самостоятельный маг. Никто не обязан мне помогать. Сама вольна решать, как поступить. Закончу инициацию — Стъена выведут принудительно и память сотрут без какого-либо разрешения.

Эта мысль пугала, но выбора не было. Вреда ему причинить не должны, только подчистить воспоминания и отдать моему отцу.

— Ты собираешься послушаться приказа госпожи? Убирайся вон, — и добавила одними губами: — Прощу тебя, уйди. Я не подвергну тебя опасности.

— Чтобы я мог что?.. Оставаться подстилкой для следующих хозяев, да?

Он так и стоял за чертой, понимая, видимо, что если ворвется сейчас внутрь, то может нарушить какой-то энергетический процесс. Север сделал шаг вперед, намереваясь, если понадобится, вытолкнуть Стъена из круга. Он ничего не говорил, но я ощущала, что мой будущий хранитель готов на всё, только бы вместо него не выбрали более удачливого соперника.

— Я не уйду. Никуда. Буду смотреть. Запоминать.

Дьявол, что за упертый баран?!

В глазах окружающих я стала худшей на свете хозяйкой, раб которой позволяет себе такие вольности. А она блеет как овца вместо того, чтобы приструнить его.

Да и плевать.

— Мисс Трозз, определитесь с хранителем и начинайте, — строго произнесла мадам Кинетти.

Так дальше продолжаться не может. Не хочет уходить? Пусть стоит. Выбор сделан. Я покачала головой и дрожащими от подступающих слез губами начала зачитывать руны.

«Холод». «Жар». «Вода». «Воздух». «Верность». «Связь». «Потеря». «Битва». «Свет». «Тьма». «Жизнь».

«Смерть».

Поток энергии пронзал меня насквозь. Он обосновался во мне штырем, прокручиваясь в легких. Никогда ещё мне не было так больно, как сейчас.словно все мои кости размолото на осколки, внутренности иссушило в порошок.

Рядом застонал Север и едва удержался на ногах. Струи света молотили по его телу. Энергии было так много, что мой хранитель еле справлялся с ней. Меня трясло, в ушах звенело поминальным колокольным звоном.

Север уже не стонал, а хрипел от боли. Он рухнул на колени и сгребал пальцами землю. Я ощутила, как в груди клокочет кровь.

Необузданной, первородной энергии слишком много.

Мы не справимся.

Север рухнул на живот, завывая раненым зверем.

В этот момент Стъен перешагнул черту так медленно, будто сам не ведал, что творит. Его взгляд опустел. Холодная ладонь коснулась моей, и я машинально сжала её.

Последнюю руну я дочитала онемевшими губами. Земля под ногами растворилась, и мир перекувырнулся. Кругом почернело. Только тепло ладони Стъена держало меня в сознании.

Но потом конечности сковало такой судорогой, что не оставалось сомнений: моя инициация закончилась чем-то плачевным.

Темнота и тишина. Нет ни звуков, ни голосов, ни шорохов.

Даже меня нет.

Я умерла?..

Н-да, обидно будет скончаться на собственной инициации из-за того, что тебе достался слишком уж строптивый мужчина.

Я как-то мстительно подумала, что Стъен должен выжить как минимум ради того, чтобы мой хладный призрак мог преследовать его бессонными ночами.

Так. У меня сохранилось чувство юмора. Добрый знак.

И тут я смогла пошевелить пальцами левой руки. А затем позвоночник прострелила острая боль, и телу вернулась чувствительность. Меня пронзило миллионом колючек, развороченные внутренности будто сшило тупыми иглами. В груди полыхнуло.

Так себе пробуждение.

Я осознала, что лежу на чем-то влажном и холодном. Шершавом. Ага, это земля. Уже неплохо.

Приоткрыла один глаз и уставилась на небо, затянутое облаками. Денек выдался безветренный, но ситуация легче не становилась.

Потому что когда я села, готовая осмотреться, то поняла, что нелегкая занесла меня на заброшенное кладбище.

На покосившихся плитах давно стерлись имена. Могилы заросли травой и цветами. Кажется, этому месту много веков. Наверное, здесь хоронили ещё тогда, когда разграничения между Свободными землями и государством не существовало.

Жутковатое зрелище. Выщербленный камень, истертые надписи. Загробная тишина.

Мы понимали, что инициация подразумевает перемещение, но в моих мечтах меня перемещали в какой-то уютный дом на опушке леса, а не на погост. Нам так и говорили: вы будете направлены к жилию, откуда сможете связаться с гильдией.

Ну. Либо под жилием подразумевается свежеврытая могила, либо меня запустило куда-то не туда.

Так, это всё хорошо. Но что с моими хранителями?!

Осознание того, что они тоже находятся здесь, пришло с опозданием — мозг долго отказывался функционировать.

Мужчины лежали без чувств в нескольких метрах от меня. Я кинулась сначала к одному, затем ко второму, сканируя их на ранения или внутренние травмы. Живы и даже относительно здоровы. Сейчас сами придут в сознание.

ЖИВЫ!

Оба!

Не буду тормозить их, мало ли это тоже элемент инициации.

Так, рюкзак на месте, значит, припасы, снадобья и минимальный запас одежды у нас имеется. Уже неплохо.

Я сидела на холме, закусив травинку, и думала о том, в какой глобальной передрыге очутилась. Ни координат, ни понимания местности. Карты Свободных земель имеются (их создают сами боевые маги), но хранятся они в жилищах.

А жилище бы ещё найти не помешало.

Первым очнулся Стъен. Он потряс головой и посмотрел на меня с таким неприкрытым ужасом, будто не надеялся никогда больше увидеть.

— Лис...

— Не подходи ко мне, пока не испепелила, — вздохнула я. — Ладно, ты меня мог угробить своим геройским поступком. А если бы погиб сам?..

— Я почувствовал, что Север не справится. Это не объяснить словами. На уровне интуиции осознал, что ему не хватает сил, и энергетический взрыв уничтожит тебя.

Он сел рядом, хрустнул позвонками.

— Мы оказались где-то не там, где планировалось?

— Угу, — ответила красноречиво. — Почему на тебя не подействовало снадобье? Почему ты проснулся раньше времени?

— Лис, я помню запах сонных трав. Думаешь, меня никогда не усыпляли? — Горькая усмешка. — Я вылил твоё чудесное зелье за кровать, когда ты отвернулась, и сделал вид, будто уснул. А утром стоял поодаль и ждал твоей очереди. Все были так взвинчены из-за инициации, что на одного

лишнего раба никто не обратил внимания.

М-да, такого простого решения проблемы даже предугадать не смогла бы.

— Ты злишься? — спросила его, сжавшись в ожидании ответа.

— Да, — недрогнувшим голосом. — Я не имею права злиться на тебя, ведь у меня не должно быть своего мнения. Но я зол. Обижен. Ты собиралась попросту избавиться от меня. Кроме того... — он сощурился. — Мне кажется, в составе были не только сонные травы?

— Угу, — повторила я. — Зелье забытья. Ты должен был всё забыть, как мы и договаривались.

— Почему ты не спросила меня? Я не хотел забывать ничего из того, что случилось между нами. Уже не хотел.

Я бы с удовольствием ответила что-нибудь достаточно едкое (от страха на ум другие слова не лезли), если бы не Север, который поднялся со стоном.

— Где мы?.. — просипел он и подозрительно осмотрелся. — Мы живы?

— Нет, мертвы, хоронить будем друг друга по очереди, — безрадостно фыркнула я. — Ты как? Ходить можешь?

Он кивнул, а затем уставился на Стьена.

— Госпожа, подождите... он тоже?.. а кто?..

Я пожала плечами, догадываясь, о чем спрашивает брюнет. Кто из них стал хранителем. Север поднял свою рубаху, и мы все смогли рассмотреть изогнутую крючком руно, означавшую принадлежность к боевику. Она проступала на груди, под покрасневшей кожей. Выделялась среди других рунических символов, которые покрывали всё тело боевого раба.

Что ж, хоть я и не смогла определиться между своими мужчинами, но всезнающие боги сделали свой выбор.

Стьен срывать рубашку не стал, только заглянул за ворот и покачал головой.

— Ничего, — сказал странным тоном, будто бы не понимал, как такое возможно.

Я невесело ухмыльнулась.

Полное совпадение показателей не всегда является ключевым в вопросе связки между хранителем и магом. Это всем известно. Правда, о том, что залететь незнамо куда можно втроем, мне было неизвестно до этого дня.

Я поделилась с мужчинами всей глубиной проблем, в которые мы вляпались, и разломила кусок вяленого мяса на три части. Надо бы перекусить. Со вчерашнего дня ни крохи во рту не держали.

— Госпожа, получается, что из-за самоуверенности Ветра мы оказались в этом месте? — Север побледнел.

Стьен имел благоразумие в перепалку не вмешиваться, только скрестил на груди руки и поджал губы.

— Зачем ты вообще полез к госпоже?! — продолжил брюнет злобно. — Почему помешал инициироваться?

Легкое пожатие плечами стало ему ответом.

— Мне кажется, мы живы только благодаря этому поступку, — пришлось признать мне.

— Глупости! Накажите его! Он во всем виноват! — обратился ко мне Север как обиженный мальчишка. — Почему вы не трогаете Ветра?!

— Потому что в наказаниях нет никакого смысла, — сказала решительно. — И не вздумайте подражаться где-нибудь в сторонке, — продолжила, заметив, как переглянулись мои спутники. — Мы не в той ситуации, когда можно избивать друг друга. Я не представляю, куда нас занесло и что с этим делать, поэтому будем выживать. Втроем. Понятно?

Мы перекусили, и я пошла оглядывать могилы подробнее. Мало ли что может попасться на глаза. Например, какое-нибудь редкое растение, в которых я худо-бедно разбираюсь. Сейчас любая мелочь может стать решающей.

— Алиса... — прервал моё копошение Стъен, а затем до меня донеслось взволнованное. — Алиса, иди сюда!

— Что-то нашли?

Отряхнула ладони и подошла к мужчинам, которые очень уж сосредоточенно осматривали одну из могил.

Внезапно земля пришла в движение, будто бы что-то изнутри давило на неё. Она то оседала, то бугрилась. Север вытянул меч, который я отдала ему с утра перед инициацией, а безоружный Стъен попытался загородить меня собой.

— Что вы сделали?

— Ничего, — единогласно. — Оно просто начало шевелиться.

Звучит правдоподобно, только вот обычно земля сама по себе ходуном не ходит.

— Лучше не приближайтесь, — предупредила, бросив в эпицентр камень. — Я с подобным никогда не сталкивалась.

И тут наружу высунулась гниющая рука. Пять пальцев зелено-синюшного цвета, от одного вида которых содержимое моего желудка подобралось к горлу.

Следом за рукой полезло само мертвие.

— Что это?! — в ужасе спросил Стъен, а Север размахнулся и отсек руку по локоть.

Если бы я знала...

Ясно одно — вряд ли местные мертвецы возжелали поприветствовать гостей. Значит, нужно срочно придумать, как истребить это существо. Отсутствие руки не помешало ему вылезти целиком и уставиться на нас пустыми глазницами. Нижняя челюсть у нового знакомого отсутствовала, зато верхняя была полна черных зубов.

Секунда замешательство, и мертвое тело кинулась на Севера, за что и было пронзено насквозь.

Я выставила ладонь, чтобы сплести боевую руну, и вдруг засомневалась.

Так, а теперь самое интересное. При инициации боевик получает в распоряжение одну главенствующую стихию. Если маг-недоучка может лупить любой магией (правда, и энергии на это он затрачивает немало), то полноценный колдун такого удовольствия лишен.

Какая стихия мне досталась? Узнать можно только опытным путем.

Огненные руны не давались, как и водные, как и ледяные.

Зато энергетический хлыст получился таким недурственным, что откинул мертвеца на несколько метров назад.

Всё бы ничего, но земля начала трястись под ногами. Повсюду. Каждый могильный камень пришел в движение.

Стъен схватился за сухую ветку — невесть какое оружие, но лучше, чем ничего — и воткнул её в появившийся бугор. Спустя секунду Север пронзил острием показавшуюся голову.

Мертвецы лезли десятком. Совсем истлевшие и только поддавшиеся гниению, они бежали с удивительной скоростью, кидались на нас. Те, у кого остались зубы, клацали ими, стремясь угодить в лицо.

— Нужно отсечь им головы, — догадался Стъен, видя, что безголовое тело признаков «жизни» не проявляет, а лежит себе спокойно на травке.

— Это не так-то просто сделать, — огрызнулся Север, размахивая мечом.

Хм, а что если...

Магический ураган пронесся по полю, снося нежить как гипсовые фигурки. Северу предлагать дважды не пришлось — он сразил нескольких врагов и довольно ухмыльнулся.

— Это всё хорошо, — я запустила вторую волну, чувствуя, как слабею, и перед глазами плывет, — только вот они не кончаются.

Думай, Алиса. Тебя обучали умирять нечисть. Это было четыре года назад, но обучали же!

Считалось, что нежить не является одним из главных врагов юного боевика, поэтому борьбе с нею был посвящен всего один теоретический курс. Тот, кто захочет бороться с ней в дальнейшем, всегда может почитать специальную литературу самостоятельно.

Понятное дело, никто не читал.

Чего опасается нечисть? Помню про громкие звуки и про огонь. И с тем, и с другим у нас проблемы.

Заклинания есть специальные, но они вообще не запомнились. Кто ж знал, что меня нелегкая закинет прямиком на кладбище.

Думай!!!

Я выпустила ещё волну, поменьше, и пока мужчины разделялись с мертвечиной, вспоминала низкорослую преподавательницу и хриплый, прокуренный голос, которым она вещала.

— Запомните, обычные вещи, такие как огонь, вода или соль могут сохранить вам жизнь, — говорила она.

Соль!

Я зарылась с головой в рюкзак и достала мешочек с лечебной солью (три четверти поваренной и одна четверть трав против воспаления). Взвесила на руке. Ну и что с ней делать? Не кидать же в морду нечисти?

— Не двигайся! — рыкнул Стъен, и за моей спиной просвистела ветвь, которой он снес особо назойливого мертвеца.

Хм, а если её раздуть?

Поворот рукой, чтение руны — хвала небесам, стихийные невозможно забыть, ибо их вбивали в нас годами! — и гранулы разлетелись по поляне, усыпав траву и могильные камни солью. Крупницы осели в воздухе, не опадая — магия удерживала их на весу.

Эффект был незамедлителен. С хрипом мертвецы повалили во все стороны, но везде натыкались на соль. Скребли по коже ногтями, хрипели, рычали и распадались на склизкую жижу.

Вскоре земля умолкла, а вместе с ней погиб последний враг.

Мужчины переглянулись между собой, а затем посмотрели на меня с неприкрытым восхищением. Я даже решила не признаваться, что чудом спасла нас от неминуемой гибели.

— Мы потревожили чей-то вечный сон, когда рухнули сюда? — предположил Стъен, смахивая со лба пот.

— Вряд ли это те, кто был похоронен на кладбище, — засомневалась я. — Уж больно хорошо сохранились для тысячелетних покойников. Наверное, местная нечисть пробудилась от энергетического выброса. Портал поглощает и отдает очень много энергии, её невозможно не почуять. Представьте, лежите вы себе спокойно, и вдруг магический взрыв. Неужели не захочется посмотреть, что тут происходит? Странно, что к нам ломанулась только мертвечина. Все целы?

Мои спутники кивнули.

— Предлагаю не задерживаться, пока не принесло ещё кого-нибудь. Идем?

— Да, — в один голос.

В пути особо не разговаривалось. Понимая всю безнадежность нашего положения, мы просто шли незнамо куда, прислушивались к звукам и пытались отыскать хоть какую-нибудь разгадку того, куда нас занесло.

По всему получалось, что вглубь Свободных земель. В такую неведомую глубь, что поисковые импульсы не находили никого живого на долгие километры вокруг.

Это нешуточно пугало. Ни единого боевика в окрестностях.

Что делать, когда кончится еда?..

Так, успокойся. Ты — боевой маг. У тебя нет вариантов, только дойти до жилища и с достоинством охранять границу от вторжения врагов.

На ночлег решили остановиться, когда свечерело настолько, что идти вперед было попросту невозможно.

Жаркий костер ворчал, пожирая ветки, и мы сидели вокруг него, рассматривая лепестки пламени. Физических сил не было даже на то, чтобы поужинать, зато энергия бурлила, кипела, требовала выхода наружу.

Странно как-то. Я никогда не ощущала себя настолько сильной и столь слабой одновременно.

— Будем по очереди нести караул. Начнем с меня. Север, Стъен, ложитесь спать, — приказала тоном, не терпящим пререканий.

Север безропотно подчинился, а вот Стъен полежал ради приличия минут двадцать и присел к огню, взялся за толстую ветвь и начал обтесывать её лезвием меча. Я ворошила угли палкой.

— О чем думаешь? — спросил тихо-тихо.

— Меня причислили к погибшим во время инициации, — призналась с дрожью. — Я должна была отправить специальный сигнал в гильдию, как только окажусь на месте. Но координаты для направления сигнала есть только в жилище. Отец с матерью и сестра думают, что меня... не стало.

Последние слова дались с особой болью.

— Мы обязательно найдем жилище и сообщим всем, что ты жива.

— А если нет? Вдруг погибнем где-то в Свободных землях? Такая вот нелепая смерть. — Я опустила лицо в ладони. — Извини, что втянула тебя во всё это. Обманула, пыталась опохмелить, а теперь ещё и...

Стъен выругался и, оглянувшись на отвернувшегося Севера, притянул меня к себе. Он коснулся моих пальцев, вывел на запястье одному ему известные символы. Мне пришлось убрать ладонь за спину, чтобы унять истому, ползущую от низа живота.

— Стъен... пока мы вдвоем, нам нельзя проявлять эмоции, — произнесла с грустью. — По крайней мере, сейчас. Это будет неправильно по отношению к Северу. Он и так, хм, ревнует к тебе, а если ещё догадается, что между нами в самом деле что-то есть.

— Не переживай об этом, я умею сдерживаться, — улыбнулся он и отсел в сторонку. — Знаешь, что странно? Я чувствую твою магию, Лис. Осознаю, когда её мало и когда она восполняется. Ощущаю, что ты была истощена вот здесь, — мимолетно коснулся моей груди. — Но сейчас всё пришло в норму. Не понимаю, почему так? Я же не твой хранитель.

В доказательство своих слов он стянул рубашку, показывая, что на бледной коже нет ни единой руны.

Жаль. Втайне я надеялась, что Стъен просто умолчал про неё.

— Может быть, энергия связала нас троих, просто руна появилась только на Севере?

— Может быть...

Глупо, конечно, надеяться на это. Два хранителя — это попросту невозможно, иначе бы ушлые маги давно инициировались вдвоем, вчетвером, впятером. Хватает денег на покупку лишних рабов — и замечательно.

Но правила строги: инициация — это процесс становления боевого мага и образование связи между ним и его хранителем.

Одним.

Единственным.

Почему тогда Стъен ощущает мою энергию?..

Ничего не понимаю!

— Ты как?

— Жив-здоров, — ухмыльнулся, но взгляд оставался холодным. — Ложись спать. Ты — единственный наш боевой маг, поэтому не вздумай угробить себя.

— Позже лягу... Побудь со мной? — Стъен кивнул, и я продолжила. — Спасибо, что нарушил мой запрет. Я бы без тебя не справилась.

— Лис, я не мог иначе. Ты — всё, что мне нужно.

Мы со Стъеном долго ещё сидели возле костра и всматривались в пляшущие искры. Первый день выдался трудным, но мне не хотелось спать. Энергия переполняла до краев, и человек, который находился на расстоянии вытянутой руки, делал меня ещё сильнее.

А утром, едва солнечные лучи осветили землю, троица путников продолжила свой путь без начала и конца.

— Может быть, есть какое-то заклинание, которое помогло бы нам выйти к жилью? — любопытничал Север, широко зевая.

— Можно настроить заклинание на поиск источника истинной энергии, возле которых строят жилища, — я потерла ладонь о ладонь, — но оно столь специфическое и затратное, что мы тут же станем добычей для всех местных тварей, живых и мертвых. К тому же... я забыла, как оно вычерчивается.

Признаваться в своих поражениях всегда трудно, но сейчас — особенно. На меня рассчитывают, во мне видят боевого мага. А у меня заклинания не ладятся, и конспектов нет. Где это видано?..

Дело в том, что в жилищах полно магических справочников. Всем понятно, что желторотый боевик способен забыть даже собственное имя, поэтому книг с напоминаниями хватает. Никто не ждет от нас идеальной памяти.

Только вот мы не в жилище. Здесь нужно думать самостоятельно.

— Что будем делать? — спросил Север.

— Для начала не помешало бы пополнить запасы питьевой воды, — решила я. — Давайте найдем реку. Это гораздо проще. Я помню поисковую руну.

Хоть что-то помню, бес бы меня побрал!

Глава 14. Уходи!

Мы шли по берегу реки вторые сутки, то взбираясь на холмы, то уходя в низины, заросшие травами. Припасы провизии неумолимо иссякали, но я нашла несколько разновидностей съедобных грибов, а потому скончаться от голода в ближайшее время нам не грозило.

Я ловила на себе долгие взгляды Стъена и еле держалась, только бы не подойти к нему, прижаться всем телом и просто молчать, слушая биение сердца. Только это могло уgomонить нарастающую панику.

Но нельзя. Недопустимо. Нечестно по отношению к Северу, который с каждым часом мрачнел всё сильнее.

Кажется, не так он представлял себя в роли хранителя. Мечтал о сражениях, а был вынужден плестись по оврагам с мечом, который оттягивал плечи.

Север винил Стъена в том, что инициация пошла не по правилам. Вслух тому ничего не предъявлял (я запретила), но смотрел очень уж недобро и периодически делал вид, что третьего спутника не существует.

Их молчаливая вражда выводила из себя. Я понимала: когда-то рванет. И опасалась, что случится это в самый неподходящий момент.

Все-таки два упрямых хранителя вместо одного — то ещё наказание.

— Всё в порядке? — строго спросила я вечером третьего дня, когда мы ненадолго остались с Севером одни; Стъен пошел к реке, чтобы набрать в котелок воды.

— Да... нет... Госпожа, мы же выберемся отсюда? Выполним своё призвание или вечно будем скитаться в Свободных землях?

Голос понурый, и тон лишен привычной самоуверенности.

— Обязательно выберемся, — слукавила я, хотя сама больше всего боялась скончаться от болезни или лап дикого зверя, так и не дойдя до жилища. — Не сомневайся. Всё получится.

Я отточенным за эти дни жестом отправила поисковый импульс и начала перебирать запасы. Хорошо, что есть магия, и множество вещей помещаются в небольшой сумке.

— Это всё из-за Ветра, — напомнил Север, который так и не узнал истинного имени соперника. — Если бы он не полез в круг, мы бы с вами не оказались здесь.

— Думаю, мы не пережили бы инициацию, если бы он вовремя не вмешался. Ты погибал, энергия пожирала меня. Ветер помог нам.

— Я бы спас вас, госпожа!

С таким жаром. Сам верит в свои слова, ни капельки в них не сомневается. Но я-то помню, как Север согнулся под мощью энергетического выплеска, как скулил от боли и катался по земле.

— Расскажи о себе, — внезапно попросила я, только бы перевести тему. — Мы никогда особо не общались, разве что на тренировках.

— А что рассказать? — Север просиял, но тотчас сник. — Про детство или юность? Да не было ничего особенного. Меня обучали сражаться, и я хорош в этом деле. Неспроста за меня просили столь высокую плату. Я считался одним из самых элитных боевых рабов.

Он искренне гордился тем, что имел цену. Даже плечи расправил, вспоминая о том, как стоял возле прилавка под взглядами покупателей.

Это ужасно... когда у человека нет иного повода для гордости, кроме собственной цены. Рабство корежит людей, лишает их целостности. Превращает в товар. В прямом смысле этого слова.

— Ты кого-нибудь любил или дружил с кем-то? Может быть, мечтаешь к кому-то вернуться?

— Не, — ответил честно. — Какой смысл от любви и привязанности? Это делает человека слабым, мешает сосредоточиться. Каждый должен быть сам за себя. Не подумайте, госпожа, вы дороги мне. Дороже всех прочих!

А вот это прозвучало льстиво и не очень-то искренне. Впрочем, я понимала, что в рабов с малых лет вбивают собачью верность хозяевам, которая не имеет ничего общего с настоящей преданностью.

— Спасибо. И ещё. Прекрати называть меня госпожой. Отныне мы равны. Ты мой хранитель, а я никогда не видела, чтобы настоящие боевики обращались с хранителями как с рабами.

— Хорошо. — Кажется, моё предложение его смутило, а не обрадовало. — Неужели вы не накажете Ветра за самоуправство?

Ох, опять он за старое! Что же ему так не терпится обмакнуть соперника в грязь лицом?!

— Ты сам знаешь, я не сторонник наказаний.

— Скажите, между вами что-то есть, да?.. — Север подался вперед, и в глазах его мелькнул интерес. — Близость какая-то?.. Он называет вас по имени.

— Ты тоже волен так меня называть, — поспорила я, сохраняя каменное выражение лица.

— Он заслужил сотню плетей за то, что натворил. Он подставил вас, Алиса, — имя далось ему с трудом. — Из-за него вы попали в западню и рискуете своей жизнью!

— Если у тебя есть ко мне претензии, — донесся до нас холодный голос, — выскажи их в лицо, а не жалуйся хозяйке.

Север вскочил и, красный от негодования, надвинулся на Стъена.

Я молча наблюдала за тем, как расстояние между противниками сокращается, и воздух напитывается ненавистью. Оружие они бросили на траву — уже спасибо! — зато закатали рукава, готовясь к кровопролитию.

Устала, если честно, вступать между ними и решать конфликты уговорами. Мы равны? Что ж, тогда не буду приказывать. Пускай разбираются самостоятельно.

— Делайте что хотите, только не вздумайте убить друг друга, — попросила измученным тоном, и соперники как-то сразу угли к расправе.

Помнили всё-таки, зачем здесь оказались. Впрочем, недобро рассматривать друг дружку они не перестали, как и тлеть изнутри от ярости.

Мы даже не успели разогреть воду, когда я заметила странное свечение в форме круга. Оно приближалось к нам, то увеличиваясь в размерах, то сужаясь до размера монеты.

Поисковый импульс пульсировал ярко-желтым цветом.

— Он что-то нашел! — ахнула я и побежала за клубком света, оставив мужчин собирать котелок и тушить костер.

Алиса иссякла. Точно потухшая свеча: чадила, но не дарила свет. Перестала быть собой. Ей пришлось стать сильной ради общего дела, и у неё это получилось.

Но какой ценой?

Да ещё ей досталось два хранителя, которые были готовы передрались в любую секунду.

Если честно, Стъену хотелось решить всё в бою. Он никогда не замечал за собой особой враждебности к кому-либо, кроме господ. Но Север с каждым днем всё больше раскисал и всё меньше подходил на роль полноценного хранителя.

Вечные уколы в сторону соперника, жалобы, недостойные воина — что это, если не проявление слабости?

Как напомнить, кем он является?

Только отрезвляющим ударом.

Но Алиса запретила им драться, и это было правильным решением. Не те условия, чтобы сцепляться точно дворовые псы. Как-нибудь потом, когда всё утихнет, они вспомнят о своей неприязни.

Для начала не помешало бы выжить.

За последние дни Алиса стала так далека от Стъена, как не была даже в первые дни после покупки. Сложно не отдалиться, если нужно ежеминутно изображать равнодушие.

Изображать ли?..

Может быть, она просто от него устала?

Червячок сомнения закрался, стоило закончиться испытаниям. Стъен выдержал. С трудом, но справился. Сам ругал себя за ту слабость, когда ноги подкосились, и Алиса смотрела на него с неопишимым страхом.

Он даже не помнил, как поднялся и продолжил сражаться.

Но не сдался. Ради неё. Ради того, чтобы у них было будущее.

И когда нарочито спокойная Алиса вошла в спальню и подсунула ему снадобье, дико пахнущее сонными травами, всё стало очевидно. Его усыпляли другие хозяева. Он помнил чувство обреченности, когда знаешь, что вскоре твоё сознание угаснет. Когда осознаешь, что вскоре тело перестанет принадлежать тебе, но не можешь ничего сделать.

Не нужно обладать особым чутьем, чтобы понимать простейшие вещи.

Алиса не собиралась выбирать его. Не хотела видеть рядом с собой.

Постельный раб никогда не сравнится с боевым. В ту секунду Стъен остро возненавидел Севера. Его затопила глухая злоба. Черная зависть. Бесконечная ревность.

Он не выпил то снадобье. Хотел дожидаться, когда Алиса уйдет, и покончить со своим бесполезным существованием. Ибо какой смысл ему жить... без неё?

Но Стъен всегда был плохим рабом, и это спасло ему жизнь. Он не удержался и прочитал письмо к отцу, пропахшее цветочными духами Алисы. Она всё решила сама. Избрала ему судьбу, даже попросила найти невесту. «Невесту, которая была бы достойна моего Ветра», как было написано на листке бумаги. Вот так просто.

А как иначе с бесправным рабом?..

Дочитав, Стъен долго вспоминал последний разговор с Алисой. Её дрожащие губы и глаза, полные невыплаканных слез. Поцелуй, такой безысходный, словно Алиса вложила в него нечто больше, чем обычное «прощай».

Да, хозяйка всё решила сама. Поступила по-господски. Не спросила мнения.

Но потому ли, что предпочла сильного хранителя слабому?

Или было что-то ещё?..

Ему хотелось верить в это.

Алиса испугалась, что он не выдержит инициации? Пожалела его? Уберегла?

Или выкинула как ненужную вещь?

Как же разобраться?

Оставалось только спросить лично.

И он пробрался на инициацию. Если честно, даже делать чего-то особенного не пришлось. Здесь собралось много рабов с хозяевами. Выпускники этого года и люди, которых Стъен видел впервые. Те, кто не смог инициироваться в прошлые годы, чьи рабы погибли на испытаниях или во время службы. Десятки боевиков, ожидавшие своей очереди.

Но он смотрел только на Алису. На то, как дрожат её ресницы, как она закусывает губу, как вздрагивает от криков и запаха серы.

А потом та глупая попытка поговорить... и разделяющий их жертвенный круг... и энергия, что была сквозь Алису, уничтожая её.

И шаг вперед, потому что в тот момент Стъен почувствовал: он сможет помочь. Он нужен ей. Всё должно случиться именно так.

Все следующие дни он боролся с самим собой. Не лез. Не донимал. Не пытался проявить главенствующую позицию, как Север. Хотя чувствовал каждое колебание силы Алисы. Мог с закрытыми глазами определить, где она находится. Улавливал скачки её резерва и бездонную пустоту, исходящую от девушки.

Испуг. Чувство безысходности. Боль.

Какая-то дурацкая обида за случившееся не прошла, но Стъен загнал её вглубь себя. Некогда. К демонам все недомолвки. Сейчас важно выжить. Справиться. Не сломаться.

Поэтому, когда во взгляде Алисы вновь зажглось пламя, и она рванула за тем поисковым импульсом, он облегченно выдохнул.

Живая.

Ноги не держали, и дыхание давным-давно сбилось. В боку резало от боли, но я не позволяла себе остановиться. Мы пробирались сквозь овраги и буреломы больше часа, да только ничего не менялось. Всё те же бесконечные поля и реки, переплетающиеся друг с другом.

— Нужно отдохнуть... хозяйка, — скорее потребовал, чем попросил Стъен, видя, как меня шатает.

— Нет! Импульс может исчезнуть.

Я глянула на него с такой надеждой, что мужчина понял — сопротивляться бесполезно. Север даже не спорил, только ежеминутно оглядывался и держал руку на рукояти меча.

— Хозяйка! Алиса! — вдруг шикнул Стъен и дернул меня за талию, показывая куда-то вперед.

Я проследила за движением его ладони. На берегу реки игрался маленький ребенок, лет пяти-шести, не больше. Он строил песчаный замок и бормотал что-то себе под нос, вылепливая башенки.

Это было... удивительно.

Я замерла, потерла глаза пальцами, не веря увиденному.

Длинные волосы ребенка лезли ему в рот, и он откидывал их нетерпеливыми движениями. Вроде девочка, но черты лица уж очень мальчишеские.

Ребенок заметил нас и несколько секунд просто рассматривал с чисто детским любопытством, почесывая затылок и приоткрыв рот.

— Мы не причиним тебе вреда, — пообещала я, выставя вперед ладони. — Всё хорошо.

Стоило мне договорить, как он моргнул и дал деру. Молча. Без единого крика. Сорвался с места, порушив пяткой собственный замок. Угнаться за ним было невозможно. Ребенок знал одному ему известные тропы, среди которых вскоре затерялся, оставив нас ни с чем.

— Бесы! — выругалась я, пытаюсь отдышаться.

Стъен с Севером ещё некоторое время исследовали округу, но вернулись и одинаково покачали головами.

Где-то есть люди. Невероятно. Настоящие. Живые. А если это те самые отшельники, которых силой отправили в Свободные земли? Если это беглые рабы или опасные, не знающие пощады головорезы?

Ведь именно от них я должна защищать границу. Только вот это не граница, а у меня нет ничего, кроме двух хранителей и иссякающей магии, ибо без постоянной подпитки от источника она не восполняется в нужных объемах.

С каждым днем я всё сильнее слабею, и это чувство въедается под кожу, пугает, лишая способности соображать. Мне всё тяжелее даются простецкие заклинания, а сложные сплетения иссушивают резерв до дна.

— Что будем делать? Искать людей? — спросил Север.

— Это может быть опасно, — засомневался Стъен. — Мы не знаем, кто они и как относятся к боевым магам... и их рабам.

— Ты предлагаешь трусливо спрятаться в кусты? — засмеялся Север, взгляд которого горел предвкушением сражений.

— Я предлагаю не лезть на рожон, — спокойно ответил Стъен.

У меня не было сил даже на то, чтобы прервать их перепалку. Думай, Алиса, как поступить. Помни, от твоего решения зависят жизни твоих спутников.

К сожалению, боги вновь решили за меня. Потому что захрустели сухие травы, и я уловила где-то вдалеке сгусток энергии.

Хм, не похоже на мага. Что же это?..

И тут мы увидела его. Чудовище не было похоже ни на одно известное мне существо. Высокое, с меня ростом. Не волосатое, но шипастое, оно передвигалось на двух лапах, и его когти скребли по земле. С ощеренного точно у дикого волка рта тянулась слюна. Глубоко посаженные глаза смотрели на нас с почти человеческой яростью.

Но главное — у чудовища была магия.

Настоящая природная сила похлеще моей, которая обволакивала существо как кокон.

Оно надвигалось, но застыло в трех метрах от нас и клацнуло зубами. Взмах когтистой лапой, и меня отбросило в сторону энергетической волной. Стъен оказался рядом, помогая подняться, а Север выхватил оружие.

Только вот какой смысл от меча, если чудовище атакует нас энергией?

Мы вновь оказались в ситуации, к которой гимназия меня не готовила.

Я выставила ладонь, прощупывая резерв.

Что ж, будем биться не на жизнь, а на смерть.

Опять.

Времени на раздумья не было. Некогда сомневаться. Надо биться. Заградительный щит лег на мужчин очень вовремя — существо решило добить их новой волной.

— Алиса, скажи, что ты знаешь, как это уничтожить!

— Не знаю...

— Госпожа, что же нам делать?!

— НЕ ЗНАЮ!!!

Новый удар прошиб меня, но я сумела удержать щит и даже выплести ответное заклинание. Да вот только чудищу было откровенно плевать на мои чахлые попытки. Оно даже не шелохнулось, и магия отскочила от него с треском.

Секундная заминка. Мужчины всё-таки бросились на существо с разных сторон. Стоит ли говорить, что меч скользнул по шипам, не повредив кожи? Стоит ли говорить, что взрывная волна откинула их на добрых несколько метров назад?

Меня зацепило жаром, и в горле пересохло. Тьма заволокла сознание.

Но меньше всего меня занимала собственная слабость. Я видела, как Стъен с Севером повалились на землю, не в силах бороться со стихией, и накинула на них дополнительный щит.

Всё будет хорошо. Нужно выстоять. Мы просто обязаны.

Впрочем, чудовище больше не обращало внимания на хранителей, словно те потеряли для него всякий интерес. Оно наступало на меня, скалилось и рычало, выбивая лапой энергетические волны.

Организм ослаб. Магия выела весь резерв без остатка. Пальцы из последних сил выплетали щиты, только те рушились, не успев оформиться. Север посмотрел на меня и застывшего Стъена.

— Уходим! — крикнул он вдруг. — Мы можем спастись! Этому монстру нужен маг, не видишь, что ли?!

— Что?.. — непонимающе спросил Стъен.

Поднялся холодный ветер, и слова разбивались о него.

— Пойдем же! — напирал Север. — Она больше не причинит тебе вреда, не заставит ублажать её. Мы не нужны ему!

— Что ты несешь, идиот?! Ты должен защищать её, — хрипел Стъен сквозь кровавую пену, медленно двигаясь в сторону соперника, шаг за шагом, сквозь потоки силы.

Ураган нарастал, и мы рисковали быть погребенным под его мощью. Ветви деревьев колотили друг о друга. Чудовище не двигалось, лишь насмешливо рассматривало нас. По-человечески. Словно понимало, что мы никуда от него не денемся.

— Да какое это имеет значение? — удивился Север, оглядываясь. — Пойдем!

— Он прав. Уходи... — прохрипела из последних сил.

— Как ты ещё не поняла?! Никуда я от тебя не уйду! И он не уйдет, — Стъен кинулся на Севера.

Завязалась драка. Абсолютно нелепая, если учесть, что перед нами была реальная угроза. Да только разъяренные враги даже не замечали того. Они бились ожесточенно. Выплескивая всех себя. Словно потеряв остатки здравого смысла и обратившись в безумие.

Чудовище взмахнуло лапой, и я почувствовала, что следующее заклинание не отобью. Щиты истончились, как и магический резерв.

Стъен тотчас отпрянул от Севера и выставил вперед ветвь, словно бы та могла помочь против магии. Противник воспользовался замешательством, подсек Стъена и, воспользовавшись мгновением, рванул незнамо куда.

Энергетическая волна добралась до нас, и перед глазами потемнело. Всё.

— Алиса, я... — рыкнул Стъен, кидаясь на меня, чтобы принять магию своим телом.

Концовки фразы не последовало, потому что волна попросту впиталась в остатки щита. Не отскочила и не разломала тот надвое, а наполнила его изнутри. Я выругалась пересохшими губами и посмотрела сначала на почти невредимого Стъена — не считая старых ранений, — а затем туда, где стояло существо.

Никого.

Будто испарился или сбежал.

— Не может быть... — Я попыталась подняться, но осознала, что ставшее ватным от выброса энергии тело не держит. — Оно просто исчезло? Почему?..

Стъен осмотрелся. Прислушался, напрягшись всем телом, а затем подошел ко мне.

— Он не мог уйти, — непонимающе отозвался он, но совсем не про невиданного зверя. — Хранитель ведь должен быть абсолютно покорен боевику.

— Ты не понимаешь? — слабо усмехнулась я, ложась на спину и прикрывая веки, налившиеся металлом. — Он не стал полноценным хранителем. Помешало твоё вмешательство. Поэтому в нем сохранилось своеволие. Поэтому он не делил со мной боль и поэтому сбежал.

— А я стал твоим хранителем?.. — спросил, будто я знала ответы на все вопросы. — Почему руна появилась на Севере?

— Не знаю.

Во рту пересохло... и сердце колотится так часто...

— Лис, кто-то идет... Лис, здесь кто-то есть!

— Замечательно...

Моё сознание меркло, но даже так я понимала, что ребенок, магическая тварь и моё опустошение могут быть связаны между собой. Мне очень хотелось вскочить на ноги, чтобы защитить Стъена, но руки одеревенели, и позвоночник размяк, будто бы обратившись в воду.

Сознание померкло окончательно.

Глава 15. Забудь обо всем

Душно. Горло стягивает от нехватки воздуха. Кажется, у меня жар, иначе, почему тело покрылось испариной, и совсем нечем дышать?

Я перевернулась на бок и задумалась над тем, что не помню, как оказалась на кровати, пусть и жесткой, и почему голова трещит по швам.

И тут до меня дошло. Точнее — и тут меня накрыло осознанием того, что я умудрилась уснуть перед лицом смерти, оставив практически безоружного Стъена сторожить моё тело.

Конечно, против полнейшего магического истощения особо не попрешь, но могла бы хоть сопротивляться ради приличия.

Мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы подняться, отогнать накатившую тошноту и сфокусировать взгляд.

Это было полупустое помещение, какой-то наспех сколоченный дом, грубо строганным столом и лежанкой, набитой соломой. Вроде жилище, но очень уж бедное и неудобное. Продуваемое всеми ветрами.

Где же Стъен?

Сердце пропустило удар, когда я осознала: его могли убить. Если я ещё представляю какую-то ценность для обитателей этих краев, то он обычный раб. Если он кинулся защищать меня, то...

Но не успела черная мысль сформироваться в моей голове, как я услышала за пределами жилища знакомый голос.

— Как Алиса? Ей не полегчало?

— Мы обтираем её ивовыми листьями и поим отваром из укрепляющих трав, — второй голос принадлежал какой-то женщине. — Алиса слаба, но она выкарабкается.

— Можно к ней?..

Женщина не успела ответить, потому что я уже доползла до выхода и вывалилась практически в объятия Стъена. Ноги не держали, и усталость накатила с новой силой.

— Лис... — простонал мужчина, — лежала бы!

— Я в порядке, — заверила его, всматриваясь в родное, изнеможенное лицо.

— Какой тут порядок?! Ты совсем бледная!

— Не тревожьтесь. Это нормально после энергетического истощения, — успокоила его женщина.

Она стояла в двух шагах от нас и была низкорослой, опрятной и немолодой. Морщины расчертили её лицо сеткой. Зато взгляд... глубокий и вдумчивый, живой. Настоящий. Женщина пахла снадобьями столь крепко, будто они пропитали её одежду насквозь.

Знахарка, что ли?..

— Глава поселения просил направить вас к нему тотчас, как вы очнетесь, — улыбнулась женщина. — Способны дойти?

— Конечно, — я кивнула, а Стъен выругался сквозь зубы.

Он обхватил меня за талию — достаточно крепко, чтобы это было не ласковым жестом — и повел по поселению. Я рассматривала низкие дома, сколоченные из подручных материалов. Неуклюжие, кособокие. Было видно, что люди обосновались здесь давно, но обустраивались впопыхах, только бы выжить.

Какова же численность поселения? Сотни человек. Дома виднеются повсюду, куда падает взгляд. Кто-то работает в поле, что простиралось за поселением. Слышны удары топоров дровосеков. Суетятся женщины у реки.

Общинная жизнь кипит, несмотря на то, что община эта расположена далеко за пределами границы.

— Куда мы попали? — спросила я непонимающе.

— Дольше буду объяснять. Всё узнаешь сама, — вздохнул Стьен. — Поверь только: эти люди нам не враги. Лис, как ты себя чувствуешь? — В его глазах появилась тревога. — Я места не находил, пока ты металась в бреду. Думал, что не прощу себя, если с тобой что-то случится.

— Я в порядке, поверь.

Не солгала. Удивительно, но рядом с ним моя слабость увядала. Я чувствовала, как наполняюсь энергией, как магия возвращает меня в строй. Касания этого мужчины были точно глотком из живительного источника.

Не отпускай меня, и всё будет хорошо.

Никогда не отпускай.

Дом повелителя находился в центре поселения, возле него простиралась площадь, откуда любой житель мог слушать наказания владыки.

Никакой охраны не было (да и от кого охранять?). Мы спокойно вошли в жилище, и перед нами предстал сам повелитель.

Невысокий мужчина сидел на полу, скрестив ноги, и рассматривал потрепанную карту. Он был бородат, и черная борода с лихвой компенсировала абсолютно лысую макушку. Брови срослись в единое целое. Некрасив, но могуществен, и мощь его чувствуется в каждом движении.

Возле его ног безмятежно дрыхло чудовище, которое совсем недавно чуть не отправило нас на тот свет. Гигантское, оно занимало всё пространство комнатухи. Унюхав меня, оно насторожилось, заворочалось, но мужчина похлопал монстра по холке, и тот умолк.

— Алиса из дома Трозз, приветствую тебя в Свободных землях, — ухмыльнулся мужчина в густые усы. — Знал я твоего отца ещё в те годы, когда жил за стенами. Присаживайся, ибо нет правды в ногах.

Он указал на подушки, разбросанные по полу, куда мы со Стьеном опустились. Я вновь посмотрела на магическое существо. Изнутри поднималось беспокойство, грозящее перерасти в настоящую панику.

Так кто мы: гости или пленники этих земель?

— Порою источник истинной энергии рождает чудесных существ, которые тянутся к человеческой ласке и готовы быть верны тому, кто спас их от голодной смерти, — ухмыльнулся мужчина, почесывая за ухом шипастую тварь. — Они умны, даже умнее, чем нам кажется. Не переживай, Алиса, мой звереныш безвреден для тех, кого я считаю своим другом. Когда наш малыш прибежал в селение и сообщил, что видел у реки опасных незнакомцев, я был вынужден обороняться.

Тварь перевернулась на спину, подставив огромное брюхо хозяину.

— Вы общались с моим папой? — спросила я, с опаской поглядывая на клыкастую пасть «звереныша».

— Общались — это громко сказано, — рассмеялся владыка поселения. — Твой папёнок пытался меня поймать и изничтожить, а я умело прятался по лесам. Перед тобой Вальгар, безродный беглый раб, некогда убивший своих хозяев. Незарегистрированный маг, чей резерв бесконечно мал. Тот, который наводит ужас на врагов, потому что не знает пощады.

От этих его слов внутри меня всё похолодело. Стьен нащупал мою ладонь и крепко сжал её, умоляя выслушать главу до конца. Он чувствовал, как близка я к тому, чтобы ошестиниться, чтобы вскочить и отбиваться до последней капли крови.

Но я доверяла своему мужчине. Если он сказал, что здесь опасаться нечего — придется выслушать до конца.

Вальгар заметил сомнения, отразившиеся на моем лице, и произнес:

— Я не скрываю прошлого, Алиса из дома Трозз. Не питай иллюзий по поводу этого места. Здесь кругом преступники. Те, кого настоящий боевой маг должен уничтожить.

— Но вы сохранили мне и моему хранителю жизнь. Почему?..

— Твой раб не выглядит изнуренным или запуганным, — невпопад ответил Вальгар, достав из кармана рубашки самокрутку, и зажег её языком пламени, который вспыхнул на кончике пальца. — Когда мои люди обнаружили вас, он пытался биться, только бы не позволить тронуть свою госпожу. Такое отношение редко когда встретишь к хозяину-новичку. Боевые рабы учатся привязываться

годами, вы же знакомы несколько недель?

Я сжалась, представив, что Стъен мог пострадать или даже погибнуть, пытаюсь защитить меня.

— Месяца достаточно, чтобы узнать человека, — сказал он с нерушимым спокойствием в тоне.

— Согласен! — ухмыльнулся Вальгар. — Итак, мои люди предложили Стъену свободу в обмен на твоё пленение, но он отказался. Он не был готов разделить ваши жизни.

Я посмотрела на Стъена с благодарностью, а тот легонько улыбнулся и не отпустил моей ладони. Разумеется, наши касания не укрылись от главы поселения.

— Плотская связь между боевиком и хранителем запрещена. Тебя не учили этому, Алиса?

— В военное время любые правила теряют смысл, — хмыкнула я, рассматривая карту Свободных земель.

Пунктиром была прочерчена граница между миром людей и запретной территорией, точками отмечены жилища магов-боевиков, а звездами — природные источники силы. Здешний народ знал врага в лицо, в то время как неподготовленные боевики были вынуждены врываться сюда без какого-либо понимания ситуации.

Кто бы нам рассказал, что в Свободных землях есть целые поселения беглых рабов. Тысячи опасных, вооруженных людей, которым нечего терять.

Хорошо, что они не спешат вернуться в общество, где у них отберут всё, включая жизни.

Ещё и нас приютили.

Вот только какова цена их гостеприимству? Он ведь так и не рассказал, почему не уничтожил нас на месте.

— Не переживай, Алиса. Я отвечу на твои вопросы. Но сначала ответь на мои. Ты увешана оберегами. Помогают? — ухмыльнулся Вальгар, затягиваясь самокруткой и протягивая ладонь.

Я сняла с запястья три браслета — от сглаза, от болезни и от мелких, бытовых проклятий — и передала хозяину этого места. Он посмотрел на них с легким интересом. Разноцветье камней блестело в пламени огня.

— Дай угадаю: не помогают. Твой организм отторгает любую стороннюю магию, — глава поселения покрутил в пальцах один из моих амулетов. — То, что вы называете инициацией, пошло не по плану. Твой раб должен был умереть. Ты бы сама серьезно пострадала, это точно. Но Стъен рассказал о том, что произошло. Только вот это не помогло обмануть судьбу, лишь отсрочило её удар.

— Что вы имеете в виду?

— Алиса, ты погибаешь. Если бы всё шло правильно, то удар лег бы на... — Вальгар поморщился, — раба. И всё. Но в итоге разрушительная энергия сохранилась внутри тебя. Пусть я и слабый маг, но чувствую, как она клубится. Вот тут. — Ладонь опустилась мне на живот, в область пупка.

Я даже не попыталась отдернуться. Столь жутко звучали его слова. Жутко и правдоподобно.

— Что с этим делать? — глухо спросил Стъен.

— Ничего. Ждать. — Глава выпустил дым мне в лицо, и я поморщилась от едкой вони; травы точно были наркотическими. — Если повезет, обойдется, и твоя хозяйка выживет. Если же нет... на всё воля богов. Думаю, Алиса догадывалась, какая мощь скрыта в её теле. Думала о случайных событиях, когда её магия прорывалась наружу и творила нечто неведомое.

О да, например, в последнее время я частенько вспоминала проклятие, которое маленькая девочка смогла наложить на человека, сама того не осознавая.

— Откуда вы это знаете?

— В Свободных землях скрываются не только рабы, но и те, кому не нашлось места среди обычных людей. Могущественные маги — не исключение. Ты можешь стать одним из них... если выживешь.

— Если выживу, — повторила, облизав пересохшие губы.

— Итак, почему мои люди не убили вас? Потому что любая жизнь ценна. Мы не враги тебе, Алиса, — сказал Вальгар строго. — Оставайся с нами или уходи. Тебя никто не держит заложником поселения. Ты вольна отправиться к своим, только помощи не жди. Мой народ не причинит тебе

зла, чего не могу сказать о владыках других общин.

Звучало неоднозначно.

Долгие годы меня убеждали, что в Свободных землях нет тех, чья жизнь имела бы ценность. Только всякий сброд. Убийцы, грабители, темные маги. И вот я сижу напротив Вальгара, который честен и не пытается ничего мне навязать. Он разговаривает с нами без презрения, он спокоен.

Насколько чисты его помыслы?..

— Зачем вы атакуете границы?

Владыка дернул плечом.

— Мы не атакуем по собственной инициативе. Боевые маги врываются в наши владения и пытаются уничтожить наши дома, убить нас или вернуть к «нормальной жизни», как они это называют. То есть обратить в рабство. Мы строимся всё глубже, где природа дика, и каждое растение таит в себе опасность. Мы боремся с нежитью. Но твоим братьям и сестрам приходят приказы из гильдии, вынуждающие подступать к нашим селениям вновь. День за днем. Час за часом. Я вынужден защищать свой народ, и если тому цена жизнь слабого боевика — я заплачу её без сомнения.

Он вновь затянулся и добавил с ухмылкой:

— Алиса, подумай вот ещё о чем. Здесь никто не будет судить вас со Стъеном. Вы свободны в своих помыслах и желаниях.

Выбор тяжел.

Я всегда хотела стать настоящим магом. Мечтала защищать границы, странствовать по миру. Воевать ожесточенно. Получать шрамы и наслаждаться победами.

Что может быть слаще?..

Но сейчас я понимала кое-что ещё. Стъен всегда будет лишь собственностью хозяйки, моей тенью, безвольным рабом. Он либо погибнет в битве, либо навсегда останется невольником, вынужденным ходить за мной следом. Я даже не смогу освободить его, ибо он — мой хранитель, и наша связь нерушима.

Нас разъединит только смерть.

Зато наш союз в глазах людей будет порочным и запретным.

В гимназии меня задирали — но это мелочь по сравнению с тем, на что способна гильдия, узнав о том, кого я избрала в любовники.

Нам не дадут житья.

Скрывать чувства? Всю жизнь прожить в страхе, что нас обнаружат?..

Становясь боевиком, я понимала, что могу умереть. Готовилась к этому. И вот... смерть близка.

Можно попытаться спастись. Да только нас ждет гибель. В любом случае. Неважно, от когтей дикого зверя, от истощения или магического всплеска. Мне всё равно не суждено добраться до границы, которая, если верить карте, невероятно далека отсюда.

А можно остаться. Прожить короткую, но счастливую жизнь. Вместе. Вдвоем. Друг ради друга.

— Что ты решила, Алиса?

— Вам не мешает лишний маг. Если Стъен согласен, я бы хотела остаться.

— Я пойду туда, куда захочешь ты, — кивнул мой мужчина.

— Ты — достойная дочь своего отца, Алиса из дома Трозз. — Вальгар протянул мне ладонь для рукопожатия. — Моё поселение радо принять тебя в свои ряды. Отдыхайте, завтра вам сообщат, чем вы можете быть полезны.

Мы вышли из жилища владыки и направились к дому, где я недавно очнулась. Оказалось, что раньше он принадлежал одному из мужчин, который погиб от лап дикого зверя. С тех пор жилище простаивало.

Наш личный дом. Даже не верится. Место, где мы сможем уединиться. Скрыться. Спрятаться.

Где никто не осудит и не воспользуется нашей слабостью.

— Лис, это всецело моя вина... — пробормотал Стъен, когда я завалилась на неудобную кровать и прикрыла веки, пытаюсь осмыслить всё, что произошло. — Ты погибаешь из-за меня. Из-за того, что я вломился в жертвенный круг и порушил инициацию.

— Считай, что этим своим решением ты спас жизнь Северу.

Он рухнул рядом, уткнулся лбом мне в живот.

— Мне плевать на Севера... Ты можешь умереть. Я чувствую твою слабость. Она отдается внутри меня, проворачивается точно штырь, но я не могу забрать её себе. Не получается.

— Будем считать, что мы квиты, — улыбнулась я. — Однажды я тебя прокляла, за это ты меня убил.

— Молчи! Что ты говоришь?!

Он вскочил на ноги и уставился на меня со смесью ужаса и непонимания.

— Просто глупая шутка. Ничего такого. У нас ведь есть время? — Я сладко потянулась. — Так давай проживем его с достоинством. Вместе.

— А потом?.. Мне вернуться к твоему отцу и служить ему?

— Что за глупости? Оставайся в поселении, живи нормальной жизнью.

— А ты?..

Пожала плечами. Безразлично, совсем без эмоций. Почему-то мысль о собственной кончине не тяготила, скорее — раздражала. Мне ведь хотелось стать настоящим боевиком, но теперь это всё лишено всякого смысла.

— Какая разница, что будет со мной? — Поднялась, прижалась к нему всем телом, ощущая напряжение в мышцах. — Многие боевые маги гибнут в первый год. Но мне повезло, ибо у меня есть то, ради чего стоит выжить.

Мои ладони скользнули по его спине, нырнув под рубашку, провели по плечам, по застарелым шрамам. Губы коснулись сжатых губ, пробуя их точно запретное угощение. Стъен поддался на мою ласку, обхватив меня в кольцо рук.

— Лис... — то ли мольба, то ли просьба, то ли слабое возмущение.

— Молчи.

Как же я соскучилась. По нему. По глазам этим серьезным, по податливым губам, по нерешительным касаниям. По голосу, чуть хриплому от желания. Рядом с ним моя слабость забывается.

А остальное не имеет никакого значения.

Мы уже несколько недель жили в поселении преступников и беглых рабов. Я помогала знахаркам (как же сложно вспомнить рецепты настоев; всегда казалось, что при необходимости их можно посмотреть в справочнике), понемногу использовала целительские силы для лечения простейших заболеваний.

Стъен ходил в дозоры со стражниками, обучался охоте.

Он... отдалился. Нет, казалось, будто всё как всегда, но что-то неуловимо изменилось. Наверное, его не отпускала мысль о будущем, которого у нас нет. Он хотел бороться, но был бессилен. Это злило его, сковывало новыми — невидимыми — кандалами.

А я... устала. Хотела забыться. Выдохнуть. Старалась жить каждым подвернувшимся днем. Огонь всё чаще облизывал грудную клетку изнутри, но я старательно не подавала виду.

Всё будет хорошо.

Возможно, мать с отцом и сестренкой не узнают о том, как сложилась моя судьба. Не узнают, что я была счастлива в последние недели или даже месяцы. Не узнают, что беглые рабы — не зло, каковым их принято считать. Они такие же люди, как и мы все.

Они создают семьи и рожают детей. Болеют и умирают. Хотят существовать, наплевав на запреты.

Возможно, мы никогда не повидаемся с родными, но каждый сам определяет свою судьбу. Когда я

выбирала себе жизнь боевого мага, то догадывалась, что могу находиться вдалеке от дома. Я была готова к многолетним странствиям. Была готова к смерти.

В последнем письме я простилась с родителями так, как если бы у нас не было второго шанса.

Так надо ли жалеть? О чем?

Что боги позволили мне остаться с тем, кого я полюбила, а не умереть вдали от дома где-нибудь в лесу, ибо у меня нет ни карт, ни достаточных сил, чтобы дойти до жилища?

...Той ночью звезды сияли особенно ярко. Я сидела на берегу безмятежной реки и рассматривала созвездия, пытаюсь вспомнить их рисунки. Холод пробирался сквозь одежду, но мне не хотелось вставать и возвращаться в дом. Я словно окаменела, и время остановилось.

— О чем думаешь? — Стъен подкрался сзади, накинул на меня куртку.

Он всегда чувствовал мои колебания. Каждую эмоцию. Каждое переживание. Наше совпадение было полным не только магически. Нас словно сковало узами, что крепче любых договоренностей и боевых связей.

— О доме, — не стала лукавить. — Вспоминаю родителей и младшую сестру. Мне кажется, нам не суждено увидеться. Я сегодня это осознала особенно ярко. Шла и вдруг поняла: мы можем никогда больше не встретиться. Это... странно. Мне больно, но не настолько, чтобы боль эта затопила меня целиком. Знаешь, я думаю, что давно уже поставила на себе крест. Задолго до инициации. Я как будто чувствовала, что могу погибнуть в Свободных землях.

Поэтому, наверное, с такой легкостью и согласилась на предложение владыки поселения. Понимала, что смерть давно сторожит, выжидает, дышит в спину. Так зачем от неё бежать?..

— Не говори так, Алиса. Мы что-нибудь сделаем. Мы попытаемся. Я каждый день всё лучше осознаю себя в роли хранителя. Ещё чуть-чуть, и пойму, как изгнать излишки магии. — Он помолчал, а затем добавил: — Прости меня, — тихим шепотом, шелестом листвы, порывом ветра. — Не устаю проклинать себя. Ежедневно. Ежечасно. За то, что послушался тебя и появился на инициацию.

— Ты спас мне жизнь, — напомнила я, откидываясь на Стъена, который так и стоял позади, стискивая мои плечи. — Спас жизнь той, которая пыталась усыпить тебя и стереть воспоминания. Ты больше не злишься на меня?

— Не злюсь. Уже не злюсь, — поправил он себя, нежно поцеловав меня в макушку. — Что обманывать, в первые дни меня съедала обида. Старался не показывать её, но постоянно думал о том, что ты не посоветовалась со мной, не спросила моего разрешения. Поступила как с рабом, — усмехнулся. — Но потом я понял, что ты хотела как лучше. Понял, что ты была права. Моё своеобразие разрушило тебе жизнь.

Я вздохнула.

— Ты всё сделал правильно. Спасибо за то, что не оставил меня одну.

— Лис, я бы не смог отказаться от тебя. Никогда не смогу. Ты — моё всё. Прошрое, будущее и настоящее. Если вдуматься, я всю жизнь только и думал, что о тебе. О той маленькой колдунье, которая помешала мне умереть. О хозяйке, которая обошлась со мной по-человечески. О девушке, которая смогла разглядеть во мне нечто большее, чем обычного постельного раба. Я люблю тебя, Алиса. Всем своим сердцем люблю. Если ты погибнешь, в моем существовании пропадет всякий смысл.

Он сказал это и замолчал, не ожидая реакции, но опасаясь её. Пальцы ещё болезненнее сжали плечи, но, кажется, Стъен этого не замечал.

Мне пришлось подняться на ноги и уткнуться ему в грудь, только бы не расплакаться. Я часто думала о признании. Подбирала слова. Но каждое казалось недостаточно честным. Шаблонным каким-то, книжным, вымученным.

— Я тоже тебя люблю, — вырвала из себя короткие четыре слова. — Я счастлива, что последние недели мы провели вместе. Не могу представить, как выживала бы без тебя.

Мы так и стояли, продуваемые ночными ветрами, замерзшие, продрогшие. Да только нам был нипочем холод, потому что нас согревало что-то иное. Внутренний пожар, не имеющий ничего общего с проклятиями. Одно дыхание на двоих, и биение сердец, что звучало в унисон.

Стъен покрывал моё лицо торопливыми поцелуями, и я смеялась, потому что подбородок его был

колюч, и в глазах плясали смешинки.

Мы так редко радовались чему-то искренне, так редко улыбались или шутили. Чаще горевали, пытаясь выкарабкаться из крошечной безнадеги.

Но сейчас прошлое было стерто. Нет ни гимназии, ни мира за стенами, ни боевых магов. Никого и ничего.

Только два человека. Мужчина и женщина. Одни в бескрайнем мире.

Мы целовались под звездами, яркими, серебристыми; под округлой луной. Шумел камыш, и ветер вплетался в наши волосы, стирая недомолвки и обиды.

Эти несколько недель я чувствовала себя самым сильным колдуном на свете. Энергия переполняла меня доверху, струилась из-под пальцев лентами, отдавалась теплом в животе.

Если сумею её приструнить — у нас будет шанс. Шанс выжить. Шанс вернуться домой или остаться тут, чтобы прожить долгую и счастливую жизнь.

Сама не понимаю пока, чего я хочу.

Очевидно одно: Стъен должен быть рядом.

— Алиса, — донесся до нас голос одного из приближенных главы поселения. — Вальгар просил подойти тебя. У него есть кое-что, что тебе понравится.

— Что?.. — удивилась я, отрываясь от губ Стъена, которые были желаннее любых новостей.

— Узнаешь, — рассмеялся мужчина.

Что ж, если так, надо идти.

Перед жилищем Вальгара полыхали факелы, озаряя округу рыжими всполохами. Сам владыка стоял, опершись об узорный посох, с которым ходил в исследовательские походы. Вокруг столпилась его верная стража. Магическая тварь лежала у ног хозяина, виляя хвостом.

Я не сразу рассмотрела человека, стоящего на коленях. Грязный, неопрятный. Лицо было исцарапано, а разбитая губа кровоточила. Он пялился вниз, но, стоило мне подойти ближе, как поднял лицо и с надеждой прошептал:

— Госпожа... вы здесь... пощадите меня... будьте снисходительны...

— Заткнись, червь, не то твоё лицо обглодает мой звереныш, — ласково попросил глава поселения, и тварь лениво скользнула к моему бывшему рабу, застыла перед ним, принюхиваясь. — Нравится тебе наша сегодняшняя добыча, Алиса?

— Госпожа... — вновь проскулил Север, дрожа всем телом. — Все эти дни я искал вас.

Дикий зверь предупреждающе рыкнул, слюна стекала с его морды и капала на колени в изодранных штанах моего неверного хранителя.

— Когда мы его нашли, он прятался как последний трус в яме, — отчитался один из мужчин-воинов. — Рыдал, умолял отпустить его. Поверьте, Алиса, он не искал вас ни единой секунды.

Я безмолвствовала. Мне нечего было сказать тому, кому я собиралась доверить свою жизнь. Нечего было предъявить ему. Не о чем было просить.

А вот Стъен решительно пересек расстояние, отделяющее нас от пленника, и за шиворот рубахи поднял того на ноги. Теперь два хранителя были примерно одного роста. Только один из них смотрел с ледяной суровостью, а второй трясся как осиновый лист.

— Ветер... объясни им, что я одумался... — бормотал он испуганно.

Стъен оглянулся на меня, будто бы ожидал разрешения или запрета, а затем размахнулся и врезал безоружному Северу кулаком по скуле. Тот взвизгнул, но не попытался защититься. Тварь застыла за его спиной, поднявшись на задние лапы. Мешая отбежать.

— Это тебе за то, что покинул свою хозяйку в момент, когда был ей нужен, — выплюнул блондин, обтирая кулак о куртку.

— Я не хотел... пойми меня, Ветер... — выл Север, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я испугался, но вскоре одумался, а вас уже и след простыл.

— С той минуты, что нас купили на рынке, я завидовал тебе, — проскрежетал Стъен, рассматривая свои руки так, будто видел их впервые. — Каждый бесов день. Ты превосходил меня по всем показателям. Я знал, что Алиса выберет тебя. Отчасти меня радовало, что хозяйка будет с кем-то достойным. Но я ненавидел тебя за то, что ты был лучше. Мечтал оказаться на твоём месте. Если бы я знал, каков ты внутри...

Я прикоснулась к плечу Стъена, успокаивая. Незачем злиться на того, кто слаб и беззащитен.

Нужно отпустить прошлое.

Пусть его отпустят или накажут, или даже сделают членом общины, если он пригодится здесь. На всё воля владыки. Мне плевать.

— Выбор за тобой, Алиса, — громыхнул Вальгар, заставив меня испуганно охнуть. — Тебе подать меч или предпочтешь уничтожить предателя магией?

— Вы не предложите ему остаться?

— Чтобы в следующий раз этот червь кинулся под ноги боевым магам и молил о пощаде их? Чтобы он сжег наши дома в обмен на свою шкуру? — мужчина ухмыльнулся в густую бороду. — Нет уж. Алиса, ты его хозяйка по закону вашего государства. Решай.

Воины уставились на меня.

— Отпустите его, — сказала я безо всякой уверенности. — Свободные земли опасны для безоружного путника. Если Север выживет — он заслужит моё прощение. Если же нет...

Север, услышав последние мои слова, рухнул к ногам Стъена. Тот брезгливо отступил, но брюнет пополз к нему на четырех конечностях, моля о спасении и причитая о том, что господа готовили его для великих битв.

— Живи жизнью свободного человека, как и мечтал, — продолжила я безо всякого удовольствия. — Отныне никакая злая хозяйка не причинит тебе вреда.

— Мы связаны, госпожа! — стонал Север, барахтаясь в рубахе, пытаюсь стянуть её и обнажить руну. — Вы не сможете без меня.

Надо же, вспомнил.

— Алиса как-нибудь переживет без хранителя, — Стъен прикрыл веки, прислушиваясь к ощущениям.

Мы оба знали, что истинным хранителем был избран он сам.

— Здесь тебе не рады, — заключила я, — но в других общинах могут принять, как принимают всех беглых рабов. Ты волен поступать так, как тебе вздумается.

Владыка неоднозначно хмыкнул, из чего стало понятно — в других поселениях не обрадуются тому, кто трусливо покинул поле боя.

— Этот мир опасен! — рыдал Север, елозя по земле. — Я хочу вернуться к вам, госпожа, хочу вновь быть вашим рабом. Я не понимал, сколько вы делаете для нас с Ветром, пока не остался в одиночестве.

— Замолкни, червь! Выжгите ему на лбу клеймо предателя, дабы все знали, с кем имеют дело. А затем выпустите нашего друга в леса, — распорядился Вальгар, и магическая тварь вновь свернулась в клубок возле его ног. — Алиса, извиняюсь за то, что разбудил тебя посреди ночи.

Я только грустно улыбнулась. Сам знает, что не разбудил.

Мы возвращались обратно в тягостном молчании. Я вспоминала, как выбирала рабов на невольничьем рынке, как интуитивно потянулась к Стъену, а Севера взяла просто из необходимости. Он всегда был лишь вторым номером, случайным приобретением. Мы не общались особо, и близости между нами не появилось.

Быть может, я сама виновата, что он остался запуганным, жалким рабом?..

— Не кори себя, — мягко попросил Стъен, будто услышав мои мысли. — Ты относилась к нам одинаково, и если бы не случайность — никогда бы не выбрала меня. Север мог бы стать твоим хранителем. Ты бы никогда не бросила его. Ты была готова существовать с нами обоими. Чем он тебе отплатил?

— Мне всё чаще кажется, что я раз за разом оступаюсь. Делаю всё наперекосяк, — остановилась, чтобы перевести дыхание, которое билось в горле. — Ошибаюсь, и каждая моя ошибка стоит слишком дорого.

— Лис, ты всё делаешь правильно. Мы справимся. Ты веришь?

Ни капельки.

— Да, — солгала я, переступая порог нашего дома. — Всё будет хорошо.

— Врешь, — усмехнулся Стъен, захлопывая за нашими спинами дверь. — Но я готов вечно переубеждать тебя.

...Той ночью кошмары съедали меня с особой силой, и только тепло мужского тела помогало вернуться в реальность.

Глава 16. Правосудие неотвратимо

О том, что к поселению приближаются боевые маги, сообщили разведчики.

— Троица совсем юных боевиков, без подкрепления, подходят с северо-запада, — отчитался парнишка лет шестнадцати, которого отправили к владыке, и он очень гордился тем, что лично принес важные известия.

— Юных? — ухмыльнулся Вальгар. — Уж не юнее ли тебя, Дэй?

Мальчишка смутился, щеки его пошли красными пятнами.

— Так велели передать старшие братья.

— Ну, если братья. Никогда не считай противника слабаком, Дэй. Маги могут быть молоды, но сильны. Как, например, наша Алиса. Присядь и выдохни. Все слышали, с чем нам придется иметь дело?

Глава поселения пригласил меня и других магов, едва услышал о близком столкновении, чтобы проработать схему защиты.

Всего нас было четверо: я — полноценный боевой маг (хоть и без навыков), двое необученных бытовых колдунов и один чародей, специализирующийся на иллюзиях. Если вдуматься, реальной магической силой, способной побороть противника, обладала только я.

Другое дело, что среди них могут оказаться мои товарищи. Юные боевики... не выпускники ли этого года?

Известно, что некоторые боевые маги предпочитают остаться в Свободных землях чуть дольше, чем на год, дабы набраться опыта и поднатореть в специализации. Да и платят тем, кто продолжает нести службу добровольно, двойное жалование.

Других гильдия забрасывает сюда по особым поручениям.

В общем, многие остаются, но далеко не все.

— Сейчас они где-то здесь, идут по импульсам, которые направлены на поиск большого скопления людей. — Вальгар очертил пальцем на карте поле. — Видимо, целенаправленно ищут какую-нибудь общину. Спустя два часа они придут к нам. Дэй, прикажи всем матерям запереть детей по домам, всем мужчинам вернуться с работ. Мы выдвинемся, чтобы застать магов врасплох. Алиса, Кьюр, оставайтесь охранять поселение. Вероятнее всего, ваша помощь не понадобится. Юнцы редко нападают группами, предпочитая присвоить всю славу себе. Но, кто знает, вдруг у них есть подкрепление?

Иллюзионист сосредоточенно кивнул. Меня же сковал страх. Бесконечно боязно, если там мои приятели из гимназии. Они же погибнут.

— Владыка, может быть, мне отправиться с вами и попытаться убедить боевиков отступить? Там могут быть мои знакомые.

Он рассмеялся так громогласно, что затряслись стены.

— Наивное дитя! Пойми, ни один боевой маг не услышит твоих речей. Ты для них — предатель, отступник, злодей. Ты думаешь, они увидят беглянку, развернутся и просто уйдут? Нет, дорогуша. Они возьмут подкрепление и пойдут искать тебя, дабы осудить за преступления. Сиди и не высывайся, пока нас всех не перебили из-за тебя.

Что ж, если так...

Не хочу видеть и знать того, что произойдет в той битве. Буду только молить богов, что среди боевиков не сыскалось тех, кто мне когда-то был дорог.

Поселение словно вымерло. Двери домов были заперты, окна наглухо закрыты ставнями. Ни единой живой души, не считая стражников да нас со Стъеном и Кьюром. Тот, какой-то несуразный внешне, высоченный маг, ходил взад-вперед по центральной площади и повторял пасы. Полы его плаща заплетались в длиннющих ногах.

Я сидела на краю колодца и прислушивалась к ощущениям. Никаких колебаний силы. Всё в порядке.

Стъен тоже остался в общине, ибо нельзя разрывать боевика и его хранителя. Сейчас он взвешивал

на руке меч, покручивал, выбирал удобную позу для атаки.

Солнце высоко взгромоздилось не небе. Безоблачно. Тихо. Спокойно. Над нами пролетела одинокая птица, словно мазнув черными крыльями по облакам.

Внезапно мне стало нечем дышать. Чутье заскулило, внутренности скрутило в тугой узел.

— Что-то неладно, — сказала я, и в эту самую секунду в метре от нас просвистел огненный шар.

Еле успела его нейтрализовать, в последний миг выпустила защитные путы, и шар не угодил в хлипкие домишки.

Хм. Энергетический контур мне знаком. Ибо долгие годы я отбивала такие шары на спаррингах, а их создатель мялся и боялся атаковать меня всерьез...

Динн.

Как же так? Почему среди десятков выпускников и сотен других боевиков в селение появился именно он? Что это: насмешка богов? Удар от судьбы под дых? Возможность отомстить за то, что однажды он пытался причинить вред Стъену?

Кьюр вылепил десяток иллюзий-солдат, по виду ничем не отличимых от настоящих людей. Они даже не расплывались и казались вполне осязаемыми. Настоящие воины затерялись среди них, и толпа ринулась вперед. Туда, откуда подступали боевые маги.

Я увидела их.

Два боевика — Динн и незнакомый мне мужчина — шли, окруженные стражей. Пять... десять... пятнадцать человек, не считая двух хранителей-рабов. Так много?! Ради простого нападения на селение?!

— Девчонку и её раба не трогать. Их нужно доставить в гильдию живыми, — приказал напарник Динна, ткнув в меня пальцем. — С остальными можете не церемониться.

О, боги! Это не случайность. Нас выслеживали. Гильдии нужны мы со Стъеном?! Но зачем?!

Неужели за жизнь выпускника гимназии так пекутся, что прислали личную спасательную бригаду?..

Нет. Прав был Вальгар.

Это не спасение, а охота.

Во взгляде Динна не было ни единой светлой эмоции, а его напарник-маг ухмылялся так гаденько, что не оставалось сомнений: «доставить живыми» не значит целыми и невредимыми.

Я даже не запоминала чар, которые выпускала из-под пальцев. Энергия во мне удивительно успокоилась в этот час, и её избыток выплескивался наружу волнами. Недели тренировок, в которые я училась самоконтролю, не прошли даром. Да ещё и близость Стъена усиливала заклинания.

Только вот Динн со вторым боевиком работали в связке защита-нападение. Пока первый лупил по нам огнем, второй накладывал щиты. Мне приходилось заниматься и тем, и другим. Одновременно. Без передышки или возможности оценить ситуацию.

Иллюзии Кьюра начинали распадаться, тускнели, и стражники больше не обращали на них никакого внимания. Воздух напитался жгучей болью, металлическим запахом. Смертью. Иллюзионист пытался помочь мне, вырисовывая щиты, но те ломались под натиском боевиков.

Я перестала принадлежать себе, обратившись в стихию воздуха.

Удар Динна летел с правого бока, и я устранила его отбрасывающим заклинанием. Удар его напарника пришелся с левого, но я увернулась и запустила ответный выброс, прикрывая воинов защитным коконом.

А вот удара третьего мага, до сих пор не представшего перед нами, я не ожидала.

Потому застыла, обездвиженная, когда он выстрелил в меня слабеньким, но ощутимым заклинанием паралича.

В следующую секунду, не удержавшись на подкошенных ногах, я рухнула на бок. По телу пробежала змеистая дрожь. Конечности занемели буквально на несколько мгновений, но этого

хватило, чтобы меня подняли, встряхнули как мешок, а затем застегнули на шее что-то металлическое.

Дьявол... Это ошейник, скрадывающий энергию. Такие навешивают опасным магическим преступникам. Магия во мне резко утихла, будто её связь с природой оборвалась. Ничего. Пустота. Тянувшая рана на месте, где бурлил резерв.

В спину, между лопаток уткнулся острый кинжал. Особо не шелохнешься.

— Не вздумай двинуться, раб, — ласково попросил тот самый третий маг, стоящий за моей спиной. — Отложи оружие, давай пообщаемся словами, а не железом. Иначе твоей хозяйке придется вспороть позвоночник.

Я узнала этот голос. Невозможно не узнать. Гортанный, надломанный. Он принадлежал мужчине в плаще, что атаковал меня в стенах гимназии.

Не может быть!

Что происходит?!

Стьен, который почти ринулся в атаку, медленно положил меч на землю и подтолкнул его в сторону Динна. Взгляд его был холоден как никогда, а движения выверены, чтобы не сделать ни единого лишнего.

— Какой послушный раб, — второй боевик подошел к моему хранителю сзади и похлопал его по щеке. — Не забыл еще рабочую позу?

Стьена поставили на колени, уперев лезвие меча в горло. Краем глаза я видела, как Кьюр добровольно встал в такую же позу, а Динн обходит нас всех, рассматривая с насмешкой победителя.

— Стоило сопротивляться? — уточнил он у меня. — Алиса, откуда в тебе эта глупая принципиальность? Могла бы сразу сложить оружие. Мы бы поговорили тихо-мирно, и никто бы не пострадал. Веришь?

— Динн, я не знаю, что тебе надо. Но прошу. Сохраните жизни мирных жителей... — прохрипела я, молящим взглядом смотря на бывшего приятеля. — Они не виноваты... тут дети и женщины... мужчин вы перебили...

Его напарник рассмеялся и хотел уже пустить разрушительное пламя, которое выжгло бы дотла общину, но мой однокурсник аккуратно положил ладонь ему на плечо.

— Некогда отвлекаться. Нужно доставить наших пленников к моему отцу.

К отцу?!

Не в гильдию?..

Или он действует от лица гильдии?

А тот маг, что пытался выкрасть меня в гимназии, он тоже принадлежит гильдии?! Или всё это — какое-то жуткое похищение?

В голове роились бесконечные вопросы.

Динн снял с шеи цепочку с кристаллом, в котором притаился переносной одноразовый портал. Даже представить сложно, сколько такой стоит. В гимназии мы изучали их на картинках, но преподаватели говорили, что стоимость его столь велика, что даже богачи имеют всего-то парочку таких безделушек.

Портал начал увеличиваться, пожирая воздух. Его темное нутро в прямом смысле засасывало в себя, и я пошатнулась на ватных ногах, чуть не рухнув туда без чьего-либо приказа. Пронесшийся ураган гнул ветви деревьев, сметал чахлые заборчики, выламывал ставни.

— Пора! — крикнул третий маг и подпихнул меня под лопатки.

Чернота портала с хлопанием приняла первую жертву.

Я не успела даже рассмотреть, что делают со Стьеном. Оставалось только надеяться, что мой хранитель нужен этим подонкам живым.

Пусть я погибну сама, но напоследок перегрызу им всем глотки, если они причинят ему вред.

Что они хотят?

Как всё это связано?

Почему же мне так страшно?..

Когда меня втащили в комнату, на которой стояла блокировка магии, я уже догадывалась, что вряд ли выберусь оттуда живьем. Комната, впрочем, была самой обычной. Не подземелье с проржавевшими кандалами и не пыточная, как это описывают в героических эпосах.

Скучно обставленная спальенка бледно-серого цвета. Такие есть в любом зажиточном доме: здесь селят служанок или рабов.

Едва маги ушли, бросив меня в одиночестве, я рванула осматриваться. Сыграли навыки боевика: паниковать всегда успею, а пути к отступлению надо искать здесь и сейчас.

Дверь заперта на ключ. Окна наглухо забиты магией снаружи. Ящики письменного стола пусты. Единственный стул вколочен в пол (как предусмотрительно). Платяной шкаф пуст. Кровать массивная, её даже не разберешь на куски. Ни картин, ни зеркал, ни даже минимальных предметов.

Думай, Алиса. Где ты могла оказаться?

Волнами наплывала истерия. Пока ещё слабая, только-только поднимающаяся, но уже лихорадило, и сердце колотилось в груди безо всякого ритма, лишая способности думать трезво.

Куда они дели Стъена? Что с ним будет?

Если им нужен мятежный боевик, пусть разбираются со мной. Незачем трогать моего хранителя. У него не было выбора, только отправиться с магом туда, куда тот прикажет.

Так и скажу, если начнут допрос.

Главное, чтобы Стъен, пытаясь защитить меня, не выставял себя виноватым...

Ошейник сдавливал горло, охлаждал кожу неживым металлом. Энергии внутри меня попросту не было. Нулевой резерв. Полное истощение.

Да что же делать?!!

Так, дыши глубоко и медленно. Нельзя поддаваться панике или начинать жалеть себя. Нужно защищаться. Спасаться. Выгрызть себе свободу и жизнь.

Что же со Стъеном?..

Нас не обучали выпутываться из пленения братьями по оружию, но преподаватели безостановочно повторяли: в безвыходной ситуации нужно искать любой шанс, видеть мелкие детали, не заикливаться на чем-то одном, а смотреть шире и уже одновременно.

Будь это битва или ранение, или какая-нибудь другая смертельная опасность — нельзя, чтобы страх затмил разум.

Я старалась изо всех сил. Осматривая каждый сантиметр комнатухи, пыталась выцепить что-нибудь полезное. Но ровным счетом ничего не обнаруживалось.

И это бессилие нагнетало во мне дикий, леденящий кровь ужас.

А ещё сказывалось отсутствие магии. Я настолько привыкла, что внутри меня бурлит энергия, что клокочут выбросы или сосет под ложечкой в момент, когда её мало. А тут... просто ничего. Ноль. Будто никогда и не было.

И страх от незнания: где Стъен, что с ним...

Ключ провернулся в замке. Слишком быстро. В тех самых эпосах герои успевали вдоволь настрадаться перед тем, как объявлялся злодей и всячески пытал их. Но у меня даже в этом всё пошло не по плану.

Дьявол многоликий!

Я отошла к дальней стене, сжалась в ком из нервов, когда дверь отворилась. Мужчина перешагнул порог и посмотрел на меня очень вдумчиво и — казалось бы — беззлобно. Самый обычный, не было в нем чего-то жуткого. Темноволосый, статный, облаченный в форму гильдии правосудия. Видно, что одно из верховных лиц гильдии: и по выправке, и по взгляду, и по нашивкам, на которых

серебристые звезды выплетали созвездия.

Хм, кажется, я его когда-то видела.

Осознание пришло спустя долгую секунду.

Точно! Это же копия Динна, только на два десятка лет старше. Наверняка, я встречала мистера Оуэ в гимназии на общих сборах, но никогда особо не запоминала его лица.

— Здравствуй, Алиса, — кивнул мне мужчина. — Сожалею, что общаться нам доводится в таких условиях. Думаю, ты догадываешься, почему здесь оказалась? Ах да, извини мою неучтивость. Генри Оуэ, маг пятой ступени высшего правосудия.

— Не догадываюсь, — отчеканила резко, чтобы не показывать всего страха.

Здороваться не стала, как и кланяться в реверансах. Незачем.

Мистер Оуэ, покачив головой, достал из-за пазухи лист гербовой бумаги, развернул его, разгладил складки.

— Если коротко, то настоящий документ гласит, что Алиса Трозз обвиняется в нарушении великого колдовского закона. Предав устои гильдии боевых магов, она навсегда запятнала себя позорным клеймом, — он зачитывал всё это медленно, с большими паузами, словно специально нагнетая. — Она сорвала инициацию, допустив в жертвенный круг стороннего человека. Она не сообщила гильдии о месте своего нахождения. Наконец, она связалась с беглыми преступниками и, как стало известно сегодня, атаковала магов, попытавшихся вернуть её в гильдию для судебного разбирательства.

Каждое слово вбивало мне в грудь ржавые гвозди, прокручивало их, выворачивало с мясом. Я слушала, и ноги подкашивались. Это официальная бумага. Не обман, не фальшивка.

Допустим, я не сообщила гильдии о том, где нахожусь, не специально, а потому, что угодила на какое-то кладбище. Но всему остальному даже не найти оправдания.

— Кроме того, — продолжал мистер Оуэ, откашлявшись, — Обвиняемая вступила в запретные отношения с собственным хранителем-рабом. — Он поднял на меня взгляд. — Ох, Алиса. Неужели родители не учили тебя не трогать грязь? Приличный человек рабынь даже по делу не будет использовать, а ты... Твой отец жутко разочарован.

— Мой отец знает о том, где я нахожусь?! — осипшим голосом.

— Разумеется, — пожал плечами мистер Оуэ. — С чего бы ему не знать? Это ведь официальное задержание. Ты определена в главную столичную тюрьму, и скоро тебе и твоему рабу будут вынесены соответствующие обвинительные приговоры. В настоящее время тебе запрещены свидания с близкими, а также переписка и общение с другими заключенными.

— А эта комната... это место...

— Твой отец договорился об особых условиях для его дочери, и мне сложно не согласиться с ним. В обычной камере с тобой бы никто не церемонился.

Дьявол. Не может быть сомнений: нас поймали не какие-то злодеи или враги, а мои собственные братья. Значит, им не нужен денежный выкуп или моя жизнь, как я придумала в своих фантазиях.

Они жаждут правосудия.

Хорошо, а как же тот маг в плаще? Он-то каким образом связан с гильдией? Зачем охотился на меня раньше? Как всё это сплести воедино, чтобы не оставалось узлов?

Мистер Оуэ заговорил вновь:

— У тебя есть выбор: помочь следствию, дабы смягчить свою участь, или получить заслуженное наказание. Предположу, что тебя ожидает многолетнее изгнание из столицы, полное лишение магического резерва и лишение статуса аристократа. На твою семью ляжет неизгладимая тень позора. Твоему рабу грозит смертная казнь либо несколько сотен плетей, а затем перепродажа новому хозяину — в зависимости от того, будет ли он покорен. Свидетели подтвердят и вашу порочную связь, и нападение на моего сына, который пытался задержать тебя, и помощь преступникам.

Я зажмурилась, а мистер Оуэ подошел ко мне и сгибом указательного пальца приподнял за подбородок, призывая смотреть ему в глаза.

— Если же ты окажешь содействие, мы пойдем на уступки, ибо твой отец — глубокоуважаемый человек, твой род никогда не был замешан в чем-либо противозаконном, а твою мать я помню с раннего детства. Если не веришь тому, что всё официально, читай сама.

Он отдал мне документ о задержании, а сам сел на кровать, закинув ногу на ногу и вновь покачив головой.

Я пробежала взглядом по строчкам, вычерченным каллиграфическим почерком. Внизу светилась золотом магическая подпись, подтверждающая, что это не подделка.

Всё по-настоящему.

— Что ты решила, Алиса?

— Зовите дознавателя, — трясущимися губами вымолвила я. — Я отвечу на любые ваши вопросы в обмен на спокойствие моего рода и жизнь моего хранителя.

Комната для допросов отличалась от «моей» спальни только тем, что вместо кровати и шкафа здесь стоял длинный стол со стульями по обе стороны. Всё те же забитые магией окна (чернота светилась энергией), убогий серый цвет стен и полное отсутствие чего-либо, на чем можно заострить внимание.

В воздухе витала особая аура, усиливающая действие магических сывороток правды. На мне сыворотку не применяли, но даже я чувствовала, что язык развязывается без моей на то воли.

Напротив сел мистер Оуэ и дознаватель — низенький пузатый старичок, лысина которого блестела как отполированный камень. Он посмотрел на меня поверх узких очков и прокашлялся.

— Ваше имя, магическое звание, ранг, — проговорил монотонным, тусклым голосом.

В узловатых пальцах дрожало перо. Допрос тщательно протоколировался на специальной бумаге, от которой исходило слабое золотистое свечение.

— Алиса Трозз, боевик, ранг отсутствует, — отчеканила, хоть губы еле шевелились.

— Известно ли вам, что послужило причиной вашего пребывания в этих стенах?

— Да.

Он задавал вопрос за вопросом, вначале легкие: возраст, имя моего хранителя, время, которое мы прожили в Свободных землях. Затем стало сложнее, когда заговорили про быт беглых преступников, и пришлось честно отвечать, что связывало нас со Стъеном, чем мы занимались во время «бегства» от гильдии или как существовали в гимназии.

Я не могла позволить себе солгать даже в мелочах, а потому отвечала, не отводя взгляда, тоном, в котором сквозило: «я не жалею о содеянных вещах, я рада, что в моей жизни это случилось».

Про случайный перенос на кладбище, про руну на груди Севера, про оживших мертвецов и магическую тварь. Про предательство хранителя. Про людей, которые приняли нас без малейших колебаний. Про то, что я медленно истощаюсь, но близость к Стъену делает меня живее.

Если дознаватель оставался безразличен к моему рассказу, то мистер Оуэ всё сильнее кривился и мрачнел.

— Почему ты купила постельного раба? — задал он свой вопрос, крутя кольцо на безымянном пальце. — Это лишено всякого смысла.

— У нас полное совпадение по всем параметрам. Стъен стал идеальным хранителем, потому как он чувствует мою силу так же хорошо, как я сама. Даже лучше.

— Кстати, да, — хищно улыбнулся мистер Оуэ. — Алиса, расскажи о вашей связке. Между вами есть что-то особенное, чего нет у других боевиков и хранителей. Наш эксперт досмотрел раба и подтвердил, что ваша связка идеальна на всех уровнях: физическом, магическом, эмоциональном. У нас есть отпечаток твоей энергии, и совпадение просто невероятное.

Что?! Когда они успели его досмотреть?! Каким образом?!

Перед глазами поплыло, и лица мужчин, сидящих напротив меня, стали расплываться.

— Что со Стъеном?

— Все вопросы позже!

Мистер Оуэ повел рукой, призывая замолчать, а дознаватель продолжил:

— Ваша встреча на рынке была случайностью?

— Да.

— Глупости! — не выдержав, мистер Оуэ вскочил со стула. — Любой чужак бы погиб в жертвенном круге, и вы погибли бы вместе с ним. Магия не терпит третьих лишних. Дело в другом, Алиса. Вы изначально были настолько связаны друг с другом, что круг воспринял вас как единое целое. Тебе не требовался иной хранитель, ибо он уже был с тобой. Так как же ты могла встретить своего Стъена случайно?!

Пришлось повторить. Эта встреча была чистой нелепостью. Если кто-то нас и свел вместе, то божества.

Мистер Оуэ подошел ко мне, положил ладони на плечи, стиснув их до боли. Не знаю, насколько допустимо такое поведение по отношению к обвиняемому, но дознаватель никак не отреагировал.

— Алиса, либо ты говоришь правду, либо все наши договоренности теряют силу. Придется спросить твоего раба, только допрос этот будет не столь мягок.

Бесы!

Как же быть?!

— Не думаю, что вы мне поверите, — ответила я, зажмурившись, чтобы сдержать подступающие злые слезы. — Мы встретились задолго до невольничьего рынка.

И я рассказала историю про то, как спасла от смерти юношу, сломав тем самым его судьбу. Рассказала о проклятии, которое описано в личном деле Стъена и которое разрушилось благодаря моему же хотению. Рассказала о том, что давно забыла того парня, но взгляд раба-блондина показался мне знакомым, и я захотела купить его наперекор родителям.

Пусть спросят маму или отца. Они подтвердят.

Бесполезно врать. В гильдии достаточно способов — как магических, так и физических, — чтобы развязать рот самому несговорчивому преступнику. Отец рассказывал, что некоторых, кого он передавал в лапы правосудия, ему было даже жалко.

— То есть ты прокляла его, будучи маленькой девочкой, и это проклятие породило идеальную связку? — мистер Оуэ расхохотался каркающим, надрывным смехом, да и дознаватель хмыкнул себе под нос. — Да ещё умудрилась выкупить его спустя долгие годы? Чудесно! — смех стал совсем уж неестественным. — Магический мир никогда не станет прежним, если я расскажу им об этом! По сути, мы можем создать образцовую связку! Достаточно связывать мага и хранителя задолго до инициации.

Что?!

По моему телу пробежала волна дрожи от этих слов, сказанных тихим, но властным голосом.

Он собирается в дальнейшем проклинать каждого нового раба? Лишать людей всего, только бы — возможно — создать идеальную связь?..

Это же ужасно. Недопустимо. Бесчеловечно.

А если ничего не получится, и проклятия навсегда останутся на людях несмываемым клеймом?..

Такое чувство, что мистер Оуэ совсем забыл о моем присутствии. Он так и стоял за моей спиной, а пальцы машинально оглаживали мою шею. Мужчина что-то тихо бормотал себе под нос, но я не могла разобрать ни слова. А затем, опомнившись, сказал:

— Алиса, гильдия давно наблюдает за тобой. Ты состояла на учете как один из магов с особым резервом. Но в последний месяц перед инициацией он достиг каких-то невероятных пределов. Мы никак не могли понять, в чем дело. Разумеется, зачастую бывает, что во время инициации излишки магии попросту рассеиваются. Поэтому нам было важно получить сообщение от тебя. Да только сначала ты пустила в круг постороннего человека, чему никто не захотел препятствовать, памятуя о вашем совпадении. А потом попросту растворилась в Свободных землях. Как специально. Да ещё и сын мой сказал...

Он оборвал себя на половине фразы, не договорив.

— Господин дознаватель, благодарю за помощь в допросе. Думаю, Алиса не станет артачиться, и

ваше дальнейшее присутствие не понадобится. Будьте так любезны, пусть стражники приведут раба мисс Трозз. Я собираюсь организовать очную ставку.

Старичок задумчиво кивнул и выскользнул из комнаты так быстро, словно не хотел более ни секунды находиться с нами в одном помещении.

— Сцепка через проклятие, — повторил мистер Оуэ, по обыкновению покачивая головой. — Кто бы мог подумать. Интересно, насколько ваша связь сильна? Если она идеальна, то хранитель и маг должны быть повязаны даже жизнями.

Мужчина посмотрел на меня, прищурившись, а затем добавил очень-очень тихо:

— Скоро узнаем.

Тон, которым были сказаны последние слова, не предвещал ничего хорошего. Не нужно быть гением, чтобы сложить две очевидные вещи. У нас со Стъеном идеальная связка, и мистер Оуэ собирается убедиться в этом... лично.

Я оцепенела. Хотела бы вскочить, но не могла, словно пригвождённая к стулу. А куда? Какой в этом смысл? Меня не выпустят, даже если я упаду в ноги мужчине и буду молить о пощаде. Лучше не двигаться, чтобы не навлечь на себя или Стъена дополнительные неприятности.

Сказала только:

— Вы не имеете права нас пытаться.

— Конечно, имею, — дернул плечом мужчина. — В критических ситуациях маги высшего правосудия наделяются особыми полномочиями. Только вот кто сказал, что я буду *вас* пытаться?

Прозвучало двузачно. Что означает это «вас», выделенное особой интонацией?

В эту секунду дверь открылась, и два стражника ввели Стъена. Особо с ним не церемонились, втолкнули в комнату и тотчас вышли, даже не дожидаясь команды мистера Оуэ.

Я осматривала лицо, одежду. Живой! Не избитый, не измученный. Хвала небесам и всем известным мне богам, что над ним не измывались просто так, ради веселья.

Стъен посмотрел на мистера Оуэ с ненавистью в синих глазах, но молча подошел ко мне и опустился у моих ног на колени. Склонил голову. Образцово-показательный раб. Собственность хозяйки.

Он прекрасно понимал, что нельзя артачиться или показывать неповиновение. Нужно сломить себя. Вспомнить о том, кем его считают свободные люди.

Только вот он не знал, что вряд ли нас выпустят отсюда живыми.

Магия во мне будто бы всколыхнулась на мгновение от близости наших тел, но тотчас осыпалась песком, разбившись о блокировку ошейника.

Следом за Стъеном в комнату для допросов вошел Динн. На немой вопрос отца он отозвался пасмурно:

— Я помогал тебе во всём этом и хочу лично посмотреть на особую связку. Не забывай, что именно я рассказал тебе о том, что у Алисы и её раба стопроцентное совпадение.

— Отойди в дальний угол и не мешайся, — кивнул ему мистер Оуэ.

Я глянула на бывшего друга со смесью безысходности и лютой злобы. Если бы только могла отомстить... если бы только могла ударить... я бы не пожадничала силы.

— Зачем ты кинулся на меня тогда, в комнате для наказаний? — вопрос сам сорвался с моих губ.

Неужели всё было спланировано заранее? Чего добивались отец с сыном? Что они хотели от нас?

— Я просто хотел снять с тебя чары, — нехотя признался Динн. — Думал, что твоя привязанность к рабу — это чье-то любовное зелье или заклинание. Не могла же ты добровольно влюбиться в... — он глянул на Стъена со смесью неприязни и жалости, — он же никто. Я надеялся порушить вашу связь. Не знал, что она такая глубокая.

— Обсудите свои претензии друг к другу позже, — пресек мистер Оуэ и подошел к нам, жестом заставил Стъена поднять лицо. — Непримечательный раб. С виду самый обычный. Нет ничего особенного. Ни единого колебания силы. Но вместе с девчонкой... — он шумно втянул носом

воздух. — Даже сейчас, лишённая энергии, ты вся кипишь. Невероятно.

Я и сама ощущала, как раскаляется металл на моей шее. Ошейник впивался в кожу всё сильнее, точно взрезая кожу, сужаясь с каждым мгновением. Дышать стало почти невозможно. Я вцепилась пальцами в край стола, чтобы не пошатнуться. Стъен осторожно сдвинулся, не меняя рабской позы, чтобы прижаться ко мне боком.

— Идеальная связь, один случай на миллион, — восхищался мистер Оуэ. — Раб и господин, две противоположности. Магия порою творит удивительные вещи.

Внезапно он схватил меня за шкуру и поднял так запросто, будто пушинку. Встряхнул. Стъен попытался было кинуться на защиту, но замер в нерешительности. Помнил о том, что мы лишь пленники этих стен. Правда на стороне мага, и если раб атакует его, то подпишет себе смертный приговор.

Вряд ли Стъен беспокоился за свою шкуру. Скорее — за то, что я останусь наедине с верховным магом.

— Не трогайте её! — взмолился, сжимая кулаки.

— Заткнись, подстилка, — гадливо скривился Мистер Оуэ, поставив меня на пол. — Ну-с, проверим мою теорию.

Я не успела проследить, какую руну выплетали пальцы мага. Он двигался быстро, почти молниеносно. Движения были отточены годами практики.

Биение сердца, и...

Дыхание оборвалось окончательно. Я засипела, царапая руками шею, но удушье не было связано с ошейником. На горло будто накинули невидимую удавку. Затянули её со страшной силой.

Ещё один хрип, и алое марево заслонило видимость. Перед глазами помутнело, расплылось, заискрило. В ушах заложило, и звуки продирались сквозь толстую перегородку.

Попытка вдохнуть онемевшими губами, и конечности попросту отказали. Я упала лицом в пол. Хрустнули кости. Кажется, носом хлынула кровь. По крайней мере, во рту стало солоно.

Стъен перевернул меня на спину и накрыл собой, а мистер Оуэ не препятствовал этому. Только рассматривал, склонив голову набок.

— Идеальная связка... — повторял маг нетерпеливо. — Ну же, раб! Сделай что-нибудь!

— Отец, она же погибнет... — где-то вдали заволновался Динн.

— И что? — удивился мистер Оуэ. — Раб, давай же. Всё зависит от тебя!

Стъен навис надо мной. Бесконечно родной. Необходимый. Испуганный до невозможности. Разозленный.

— Маг! Она умирает! — крикнул он, обратившись к колдуну. — Ты не видишь, что я не понимаю, что делать?!

— Больше ярости, — сладко улыбнулся мистер Оуэ. — Возненавидь меня. Ну же. Я думаю, ей осталось секунд тридцать. Что смотришь на меня? — Стъен зарычал, и мужчина расхохотался: — Прекрасно!

И тут я почувствовала, что начинаю дышать. Не сразу. Медленно. В половину возможностей. Жар тела Стъена, его ладони, сжимающие мои плечи, его эмоции — чистый гнев, ужас, отчаяние, — сочащиеся словно энергетические нити — всё это вырвало меня у смерти.

В ту секунду он поделил мою боль на двоих.

Стъен и сам дышал через раз, и лицо его всё сильнее бледнело. Лоб покрылся испариной. Он был моим идеальным хранителем. Мы словно переплелись телами и душами, словно объединились энергетически, обратившись в единое целое.

Нерушимое. Нераздельное.

Сама не могла дышать.

Но Стъен вдыхал за нас обоих.

Вдох за себя. Выдох за меня. Громко, отчаянно. Захлебываясь моими страданиями. Вбирая их в себя.

— Невозможно! — воскликнул мистер Оуэ. — Феноменально! Гильдия срочно должна это увидеть!

Не знаю, ослабил ли он магическое удушье, или оно слетело само благодаря Стъену, но воздух вновь хлынул в легкие. Так резко, что я закашлялась. Согнулась надвое, захрипела, жадно хватая губами пустоту.

Было кое-что ещё.

Магия. Я вновь чувствовала её. Она прорывалась сквозь плотный металл. Струйками, отголосками, крупницами.

Наша связка настолько сильна, что ломает любые запреты. Она возвращает мой резерв. Клокочущий. Огромный.

Резерв, с которым никогда не справится одна-единственная колдунья. Который однажды уничтожит её, испепелив изнутри.

Однажды, но не сегодня.

Он хлынул в меня потоком вместе с очередным глотком воздуха. Ворвался смертельным ураганом.

Ошейник попросту упал, разорванный на две части. В глазах мистера Оуэ появилось удивление. Он даже не сразу понял, что произошло.

ДЕЙСТВУЙ!

Секундного замешательства было достаточно, чтобы я взмахнула рукой, вложив в энергетический вихрь всю свою силу. Оба представителя семейства Оуэ отлетели к стене и одинаково рухнули без чувств. Надеюсь, они без сознания, а не...

Некогда думать!

— Бежим! — приказала я.

Дважды повторять не пришлось.

Новым ударом я выломала магическую преграду на окне, и мы перелезли через неё, оказавшись во дворе тюрьмы.

Налево или направо?

Выброс магии наверняка почувствовали.

Нам не позволят выбраться отсюда живыми.

«Да и плевать!» — подумала я с какой-то шальной радостью, пока внутри клокотало адское пламя.

Глава 17. Место, где тебя всегда ждут

Как же всё-таки тихо...

Кажется, можно услышать биение собственного сердца.

Только вот затишье это недолгое.

Территория была огромна и пуста. Со всех сторон тюрьму отделяла от внешнего мира двухметровая каменная ограда. Конечно, я могла бы попытаться размолотить её магией, но что-то подсказывало: это глупое, хоть и изощренное решение.

Надо понять, где ворота, через которые ввозят узников, ибо иных путей, ведущих к свободе, нет.

— По-моему, нам туда, — указал Стьен в южном направлении, и мы осторожно двинулись вперед.

Шаг за шагом. По стеночке. Перебежками.

Сколько времени понадобится тюремщикам, чтобы понять, где случился всплеск магии, а затем схватить нас? Тюрьма огромная, отец много рассказывал о том, как возводили её бесконечные лабиринты. Вполне возможно, что пока маги правосудия отследят место выброса, пройдет минут пять-десять.

Если, конечно, семейство Оуэ не поднимет тревогу раньше.

Время пока ещё есть, но оно утекает сквозь пальцы с каждой секундой промедления.

Во рту поселился кислый вкус скорых неприятностей.

Так, в трехстах метрах отсюда, у ворот, скучает одинокая тройка стражников. По всему выходит, что они не маги, ибо не насторожились, не уловили ничего странного, когда я выломала окно.

Не видят нас, разговаривают о чем-то своем.

Это хорошо.

Сбежать из главной столичной тюрьмы было почти нереально, ибо снаружи её запечатали магией, а большинство заключенных не обладали даже минимальными колдовскими способностями.

На меньшинстве же были нацеплены ошейники-блокираторы.

Внутри тюрьму обходили сотни людей, а вот по периметру практически никого не выставляли, ибо не было такой необходимости. За долгие годы никто не сбежал через окна.

Что же делать?

Шибануть ничего не подозревающих стражников волной? Далеко. Отсюда не попаду. Надо подойти ближе и надеяться, что этой троицей дело ограничится.

Как скоро затрезвонят колокола, оповещающие о побеге опасных преступников?

— Будем бороться, — отчеканила я, облизав пересохшие губы. — Возможно, придется убивать. Ты готов?..

Одно дело — уничтожать врагов, драться ожесточенно со злодеями, а совсем другое — атаковать тех, кто просто исполняет свою работу.

Но либо мы, либо нас. Третьего не дано.

— Может быть, не придется. Ты умеешь плести те чары, которыми сковали тебя в поселении? — шепотом спросил Стьен.

Паралич?..

Умею, да только какой в этом смысл. Это заклинание единичного воздействия, не группового. Одним махом всех не уложить. А лупить точечно равносильно смерти. Не успею всех перебить, как перебьют нас самих.

— Попытайся направить заклинание волной, чтобы зацепить толпу, — быстро шептал Стьен, осматриваясь. — Помнишь, как с мертвецами. Так можно?

— В целом, это возможно, но я не умею рассеивать энергию...

Да мало кто умеет, разве что маги-практики с многолетним стажем, которые обучались рассеиванию годами.

— Алис, доверься мне. Я помогу. Точнее — постараюсь помочь. Мне кажется, я научился управлять твоей энергией. Не знаю, как это объяснить. Как будто никогда не мог ухватить её кончик, а теперь твердо держу в руках.

Он выглядел озадаченным и смущенным одновременно. Но, в то же время, в глазах сияла решительность.

Вряд ли бы Стъен предложил такое, будучи не уверенным в своих силах.

С другой стороны, у нас и выбора не оставалось.

Иронично. Я не научилась управляться резервом, зато тот поддался Стъену.

Хм, заклинание паралича. Две перечерченные руны, которые выплываются пальцами одной руки. Не мой профиль, но чары эти не стихийные, а потому должны поддаться. Можно попробовать.

— Если повезет, мы выиграем несколько минут после того, как оно подействует.

— Нам бы только добежать до выхода, а там найдем способ спастись, — по-мальчишески улыбнулся Стъен. — За стенами тюрьмы начинается город?

— Угу, — рассеянно кивнула, обдумывая, почему нас до сих пор никто не отлавливает. — Труднобы, если быть точнее.

Видимо, в эту самую секунду кто-то обнаружил разгромленную комнату для допросов. Раздался крик:

— Схватить их!!!

Ударили в колокола. Стража у ворот оживилась, выхватила оружие. Они заметили нас в считанные секунды.

К воротам уже неслась подмога, вооруженная магией и мечами.

Дальше всё происходило так медленно, словно мгновения замерзли и прекратили свой бег. Зашевелились нехотя точно улитка, ползущая по траве.

Я выплетала руну паралича, стараясь сконцентрироваться на энергии, изнывающей в грудной клетке. Энергии, что рвалась наружу. Умоляла отпустить её наружу.

Представила ударную волну, порыв ветра, которым управляла почти мастерски. Сказались нескончаемые недели тренировок.

Переплела обе руны меж собой...

В нашу сторону сыпались заклинания, но я отбивала их пасами свободной руки. Даже не думая над тем, что происходит. Машинально. Кажется, когда-то давно я точно так же, не задумываясь, прокляла мальчишку-раба.

И это пугало...

— Пора! — крикнул Стъен. — Я контролирую!

Я выпустила заклинание на волю, и то, вспорхнув точно стая птиц, понеслось к стражникам. На мгновение показалось, что оно рассыплется, не успев сформироваться, но что-то удержало нити. Сцепило их воедино.

Стъен?..

Волну попытались отбить.

Не получилось.

Да что же происходит внутри меня, если оно столь разрушительно?..

Возможно, какой-нибудь маг высокого ранга и смог бы обуздать мою стихию, да только среди стражников таких не было. Они просто свалились как игрушечные солдатики от порыва ветра, и мы рванули к воротам.

Будут и другие, гораздо сильнее. Не стоит обольщаться.

— У меня кончилась энергия... — сказала я с ужасом.

— А больше и не надо, — хмыкнул Стъен, схватив меня за ладонь.

Он поднял засов, сдерживающий ворота, и мы беспрепятственно вышли из тюремных стен, оставив за собой десятки лежащих тел.

Вот так отточенная система защиты сыграла злую шутку. Никто попросту не ожидал, что какой-то дурной маг сможет не просто освободиться от ошейника, но и оказаться снаружи, и обуздать в себе энергию, и направить её против стражи.

Это ужасно. Нас поймают и казнят. Иначе и быть не может. Мы совершили нечто такое, что просто не может оставаться безнаказанным.

— Поместье твоих родителей находится в южной части города? — безошибочно припомнил Стъен, ведя меня за собой как маленькую девочку.

— Да.

— Значит, нам туда.

Тюрьму неспроста строили на границе с трущобами. Во-первых, проще отыскивать и удерживать всяких мелких преступников, коих здесь тысячи, а во-вторых, те помнят о близости со стенами правосудия и сами стараются не высываться.

Мы запросто затерялись в узких, пропахших нечистотами закоулках.

В какой-то момент бесконечного движения Стъен застыл на месте и приказал:

— Отдай мне своё кольцо и оставайся тут. Поняла? Ни шагу. Никуда.

— Зачем тебе кольцо? — удивилась я, но послушно стянула золотой ободок с пальца.

— Хоть мой прошлый побег и закончился плачевно, но кое-что из жизни беглого раба я помню. Будем выторговывать себе жизнь.

Он спрятал кольцо в карман брюк и крепко прижал меня к себе.

— Никуда, — повторил жестко.

Мне жутко не хотелось его отпускать. До безумия. До озноба. Не хотелось оставаться одной. Не хотелось ждать чего-то неминуемого, что непременно обрушится на нас карающим мечом.

— Почему мы не можем пойти вдвоем?

— Потому что здешний сброд ненавидит магов, особенно боевых. Что до меня... я всего лишь раб, который обчистил свою хозяйку и свалил куда подальше, — он подмигнул мне. — Попытаюсь выменять кольцо на какую-нибудь непримечательную одежду.

И ушел, оставив меня дрожать от страха.

Только сейчас, отдышавшись и успокоившись, я осознала, что нос после падения хоть и не сломан, но свернут. Боль простреливала лицо, и кровь запеклась на губах темной коркой.

Сколько же ждать?..

Почему время такое медленное?..

Впрочем, Стъен вернулся удивительно быстро. Пустой. Без единой вещи.

Меня накрыло отчаянием.

— Ты не смог выменять нам одежду?

— Не смог, — он лукаво ухмыльнулся. — Зато я выменял нам возможность добраться до дома. Мисс Трозз, пройдемте к карете.

Та ожидала нас за углом. Это была телега-мусоровоз, в которую собирали помои со всего города и увозили на окраину города. Заваленная гнилью до краев. Воняющая так отвратно, что меня замутило, скрутило от тошноты.

— Нам туда, — кивнул Стъен. — Прости, выбора нет.

Одноглазый старик-мусорщик, довольно хмыкая, лопатой закапывал нас под килограммы отходов. Слизких. Липких. Облепляющих точно вторая одежда. Наружу торчало только лицо. Мне казалось, мы захлебнемся. Не выдержим.

Да только жить хотелось сильнее.

Мусорщик довез нас до улицы, в начале которой стоял дом моего рода, и уехал, не задав ни единого лишнего вопроса.

Если честно, я дико боялась, что стражники уже нагрянули к родителям, но никого не обнаружилось.

Неужели мы успели раньше?

Меня трясло от холода и страха, и только близость Стъена вселяла уверенность.

Пальцы коснулись колокола в виде волчьей головы, сжимающей в пасти молоточек.

— Здесь не подают, — покачала головой наша служанка, которая вышла к воротам.

— Ирма, это я... Алиса...

Она вначале не поверила, осмотрела меня скептически. А затем громко охнула и рванула в дом.

М-да. Первенец Инварра Троzza, его гордость, выпускник гимназии, боевой маг, на которого отец возлагал огромные надежды, стоял заляпанный какими-то помоями и источал аромат, от которого было впору повеситься.

Именно такой я предстала перед отцом.

— Алиса! — вскрикнул он и крепко обнял меня.

Вонючую. Грязную. Обессиленную.

Я бы с удовольствием помылась, ибо от нас разило как от протухшего мяса. Ещё и мама с сестренкой-Ольгой суетились под ногами, охали, всхлипывали, донимали вопросами. У меня закипал мозг, и всё сильнее хотелось, чтобы звуки утихли. Навсегда.

— Хватит! — рявкнул отец. — Алиса, за мной. В кабинет! Живо!

Он запер дверь на ключ, и только тогда я смогла облегченно выдохнуть.

Как же мне нравится отцовский кабинет. Стеллажи, набитые книгами, шкафы, полные зачарованных предметов. В углу, на рабочем столе были раскиданы магические амулеты, которые отец сам мастерил и настраивал.

Мы втроем расселись вокруг круглого стола для переговоров. Отец не обратил на Стъена никакого внимания — его собственный хранитель всегда был почти свободным человеком. Поэтому раб, который сидит не у ног хозяйки, а рядом с ней, его не смущал.

Впрочем, Стъен молчал, отдав мне главенствующую роль. Я рассказывала взахлеб, стараясь ничего не упустить: про нашу поимку, «договор» с мистером Оуэ и побег из тюрьмы. В двух словах обмолвилась про связку со Стъеном, которая и спасла наши шкуры. Не рассказала только о той части, в которой мне приписывали запретную связь с рабом.

Просто не смогла. Ибо это было правдой, а о таких вещах не говорят впопыхах.

Нет уж. Признания оставим на потом.

Слишком много всего случилось за последний день, что неумолимо клонился к закату. А сколько произошло за эти недели?..

Такое чувство, будто минула вечность.

Отец поднялся с места, упер обе ладони в стол и закусил губу. Он долго думал перед тем, как заговорить. Размышлял. Анализировал, опустив взгляд.

— Я не знал, что тебя схватили, Алиса, — вздохнул, наконец. — Слышал, что ваши поиски ведутся, даже пытался напроситься в Свободные земли. Но у гильдии боевых магов были свои мысли по этому поводу. Мне намекнули, что лучше не мешаться. Я попросил знакомых о помощи, а сам молился богам. Отгонял мысли о том, что ты погибла. Ох, дьявол...

— Что же делать?

Меня взяла дрожь. Холодный озноб прокатился по кончикам пальцев, по костям, стискивая, сжимая, выкручивая. Неужели придется вернуться в тюрьму? Отец так суров и сосредоточен, будто готов сказать: «Пришла пора платить по счетам, дочь».

— Они не имели права обвинять вас в чем-либо, — произнес папа тихо, но решительно. — Это была попытка шантажа, запугивания. Подмахнутая высшими чинами бумага, обещания расплаты и помилование, если поддашься. Кнут и пряник. Твари. Ты не сделала ничего дурного, и гильдии это известно.

— Я жила с преступниками.

— Бред! Это была вынужденная мера. — Он ударил кулаком по столу, пресекая мои сомнения. — Ты не добралась до жилища, не получила никаких указаний. Ах да, от тебя убежал хранитель, — отец сказал это с ухмылкой; он уже знал, что Север никогда таковым не являлся. — Ты могла погибнуть, но в поселении тебе предложили жизнь в обмен на помощь. Ни один судья не осудит тебя за это.

— Я атаковала магов...

— Убила кого-нибудь?

— Нет.

— Значит, это была самооборона. Ты сама говоришь, что увидела огненный шар и только тогда ударила в ответ. А что твой второй хранитель, — папа мазнул взглядом по Стъену, который сидел, поджав губы, — влез в жертвенный круг во время инициации — так почему его не остановили преподаватели? Взрослые люди должны контролировать процесс, а не обвинять юнца-боевика во всех грехах.

Звучало... разумно. С оговорками, конечно, но в целом отец раскритиковал все обвинения, предъявленные мне. С ними можно поспорить, если грамотно объяснить.

Чего мистер Оуэ просто не позволил сделать.

— Хорошо, но как быть с побегом из тюрьмы? — уставилась на заляпанные грязью штаны.

М-да, служанкам придется повозиться, когда они будут отмывать мебель после наших «посиделок». Мне даже жалко Ирму и остальных девушек. Кажется, запах ещё долго не выветрится из поместья.

Вот так вот. Кто-то возвращается в отчий дом с цветами, а я — с неприятностями.

— Алиса, тебя чуть не убили. Разумеется, ты попыталась спастись. Что тебе предъявят? Побег от стражи после удушения? Опять же, никто не пострадал. Кроме того... Как ты думаешь, почему стражники до сих пор не ломятся в наши двери? — Отец отошел к окну, глянул за тяжелую занавеску и удовлетворенно хмыкнул. — Потому что Генри Оуэ, этот жалкий трус, понимает: как только тебе будут выставлены официальные обвинения, я подключу все свои связи. Дойду до самого короля, если придется. Генри ответит и за похищение, и за запугивание, и за попытку убийства.

По пальцам отца пробежали золотистые всполохи огня. Он был очень разгневан, хоть старался и не показывать вида. Но уже не контролировал свою энергию.

— Я убежден, Генри придет, но сам по себе. Без охраны. Пообщаться. Что ж, мы встретим его подобающим образом. Дочь, пока же отмойтесь со своим хранителем. Выдыхай, всё кончено. Больше вас никто не обидит. Напомни, мальчик, как тебя зовут?..

Отец сказал это специально, ведь за время разговора я неоднократно называла Стъена по имени. Но он обратился к нему, чтобы показать, что мой хранитель — не бесправный раб, который должен помалкивать во время разговора свободных людей. Он полноценный человек. У него есть имя и право голоса.

— Стъен.

— Очень приятно, Инварр, — отец протянул ладонь, и Стъен ответил крепким рукопожатием. — Спасибо, что оберегал мою дочь всё это время. Обещаю, твои поступки мною не забудутся. Можешь идти. Дочь, останься на минутку.

За Стъеном захлопнулась дверь, и мы с отцом остались наедине. Как же мне не хватало его угрюмой молчаливости. Этой мудрости. Взгляда серо-зеленых глаз. Голоса, который дарит успокоение.

Словно маленькая девочка, я хотела оказаться в кольце рук папы и плакать, жаловаться, просить защиты.

И точно знать: пока папа рядом, ничего дурного не произойдет.

— Твой хранитель, — отец кивнул на дверь, — Стъен. Неплохой мальчик. Только кое-что не дает мне покоя. Ваша связь особенная, и она принесет вам много тягостей. Думала об этом? Задумывалась над тем, что тебе придется разделить жизнь с этим человеком, ибо другого такого ты никогда не найдешь. Ты готова на эту жертву?

— Пап, этот мужчина дорог мне не только как хранитель, — я пожала плечами. — Я обязательно расскажу тебе, что нас связывает. Но поверь: меня не испугает даже вечность, проведенная вместе.

— Непременно расскажешь, — кивнул отец, нахмурившись. — Пока же вымойся, поужинай и постарайся успокоить мать. Я отсюда слышу, как она рыдает и ломится к нам.

— Спасибо, пап.

Улыбнулась ему и отправила воздушный поцелуй, чтобы не лезть с объятиями. Хотя ещё после первого раза отцовская одежда насквозь пропахла мусорным смрадом.

— Стражников разносит в щепки, а всё такая же егоза, — отец беззлобно покачал головой. — Осталось разобраться, как быть с твоей магией. Моя дочь не должна погибнуть. Я всегда знал, что ты сильнее остальных, но никогда не осознавал реальной мощи. И вот...

Может быть, уже и не погибну.

Ведь рядом Стъен, который сдерживает. Который направляет. Который держит мою жизнь в своих ладонях.

Много позже, умытая, оттертая до красноты мочалкой, пахнущая душистым мылом, я сидела за обеденным столом и отвечала на бесчисленные вопросы Ольги. Сестренка не могла остановиться, даже когда мама строгим голосом попросила её помолчать.

Это десятилетнее рыжеволосое создание было не унять. Верткая, непоседливая, громкая. Ольга спрашивала обо всем и сразу. Крутилась на стуле, ахала в голос и повторяла: «Мамочка, ты слышала?!»

У меня пересохло в горле, а Олли всё не умолкала.

— Твоя сестра устала, — мягко осадил её отец. — Дай ей поесть по-человечески. Вы ещё успеете пообщаться. Договорились?

— Хорошо, — важно кивнула Ольга и обернулась к Стъену: — Расскажи мне, как живут настоящие рабы!

Тот сидел рядом со мной — почти вплотную, так близко, что я случайно касалась его рукой, когда тянулась к выпечке — и ответил с улыбкой, хотя я попыталась замять неудобный вопрос. Рассказал о том, что рабам приходится много работать, что они никогда не едят такой вкусной пищи и не носят таких вещей. Кстати говоря, Стъен в отцовской рубашке и брюках смотрелся очень благородно. Пусть рукава пришлось подкатать, да и папа был крупнее.

Но в целом... истинный лорд, не меньше.

Мы ужинали как нормальные люди, и такое обыкновенное действие казалось мне удивительным. Все вместе, за одним столом. Нет невольников и господ. Нет глупых ограничений. Родители могли бы отправить Стъена к слугам, но они преломили с ним хлеб. И за это я была особенно благодарна.

— Мамочка, ты слышала?! — вновь воскликнула Ольга. — А почему ты тогда кушаешь с нами, а не с рабами?!

— Олли! — Мама схватилась за голову. — Либо ты замолкаешь, либо идешь к себе в комнату.

Сестра миглом притихла, но посматривала нас с такой хитринкой во взгляде, что было понятно: ночью от меня не отвяжутся.

Если, конечно, эта ночь выдастся спокойной.

Я каждый раз вздрагивала, когда за окнами доносились голоса, а вот отец был невероятно расслаблен. Он спрашивал о Свободных землях, смеялся, когда я вспоминала про оживших мертвяков. Хмыкал в усы, слушая о магическом «звереныше» и беглом рабе по имени Вальгар, что вспоминал моего папу добрым словом.

Служанки разносили десерт — торт с малиной, густо покрытый белковым кремом, — когда в дверь постучали. Тук-тук-тук. В унисон с биением сердца. Гулко. Дробно. Оглушительно.

В столовой воцарилась гробовая тишина, и отец, обмакнув салфеткой губы, сказал:

— Думается, это ко мне. Дети, идите в кабинет, — он кивнул нам со Стъеном. — Я скоро подойду. Ирма,пусти нашего гостя.

— Ты в порядке? — спросила я Стъена, когда мы рухнули обратно за круглый стол.

Весь ужин он был каким-то скованным, будто мечтал оказаться в другом месте. Если и улыбался искренне, то только Ольге. Сидел, неестественно выпрямившись. Ложкой и вилкой управлялся с опаской. Хотя умел же!

Стъен взъерошил волосы.

— Всё нормально. Не привык просто, что ко мне обращаются... *так*.

За весь вечер мы едва ли обмолвились десятком слов, и сейчас я была бесконечно благодарна за минуты, проведенные наедине. Неизвестно, что будет дальше. Пока же можно дотронуться до его ладони, сплести пальцы и просто разговаривать.

Видеть этого мужчину рядом с собой. Слышать его голос.

Дышать одним воздухом.

— Так — это как? Плохо?

— Как с нормальным человеком. Мне разрешили помыться в хозяйской ванной, твой отец одолжил свои вещи. — Он коснулся рукава рубахи. — Твоя семья удивительна. Я привык, что ты другая. Но остальные...

— Прекрати. В этом доме ты — свободный человек, — отрезала я. — К тому же родители ещё не знают, что мы...

Я не успела договорить. В эту секунду порог переступил отец, следом за которым шел мрачный донельзя Генри Оуэ. Его лоб пересекала глубокая царапина, запекшаяся темной коркой.

«Неплохо приложился», — с мстительным удовлетворением отметила я, тронув себя за переносицу, которая ощутимо ныла.

Стъен разом напрягся, завидев верховного колдуна, но ладони моей не выпустил. Напротив, сжал её чуть сильнее, словно напоминая: пока мы вместе, всё будет хорошо.

— Присаживайся, Генри. Налить выпить? У меня завалялось отменное вино из винограда южных сортов, — отец пребывал в благодушном настроении.

— Инварр, ты сам знаешь, зачем я здесь. — Мистер Оуэ сел напротив меня, но не удостоил нас даже взглядом. Смотрел куда-то сквозь, будто мы не представляли для него никакой ценности.

— Знаю, поэтому и предлагаю пригубить вина перед тем, как мы начнем обсуждать похищение моей дочери, — он загнул большой палец, перечисляя. — Обман, шантаж, незаконный допрос, удушение. Мне продолжить?

— Ты не понимаешь! — Мистер Оуэ закачал головой из стороны в сторону. — Её связь с рабом особенная! Это меняет всё! Мы можем создавать подобные связки ежегодно! Я должен был убедиться...

— Убедился? Думаю, да. — Отец вытянул пробку из пузатой бутылки, разлил по четырем бокалам и поставил перед каждым из нас.

Винный запах щекотал ноздри. Сладкий, чуть приторный. Я никогда не любила алкоголь и сейчас смотрела безо всякого интереса на алую жидкость, переливающуюся от света магических огней, что мерцали под потолком. Стъен тоже не притронулся к выпивке, а вот отец пригубил вино. С наслаждением цокнул и продолжил:

— Так о чем ты хотел поговорить, Генри? Вероятно, ты пришел извиняться перед Алисой и её хранителем? — Мистер Оуэ промолчал, лишь стиснул кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев. — Возможно, хочешь посулить мне любые деньги, только бы никто не узнал о произошедшем? — Вновь молчание, ещё тяжелее предыдущего. — Я догадываюсь, что твоё решение не было согласовано с гильдией. Ты думал, что принесешь им на блюдечке лакомую связку хранителя с магом, и тебе простят любое своеволие?

— Человеку моего чина не требуется чье-то одобрение, — гаркнул мистер Оуэ, но каким-то жалким тоном, будто сам не верил своим словам. — Инварр, подумай о том, на пороге какого открытия мы стоим. Твоя дочь может стать путеводной звездой!

Отец отсалютовал магу бокалом и допил вино.

— Моя дочь и так путеводная звезда, Генри. И за то, что ты едва не угробил её, я готов вызвать тебя на дуэль. Выбирай: оружие или магия?

— Папа!!! — вскинулась я.

— Не будет никакой дуэли, мы ведь взрослые люди, — проскрежетал мистер Оуэ. — Не глупи, Инварр. Давай поговорим.

— Поговорим? — отец почесал усы. — Что ж, давай попробуем. Дочь, — он подмигнул мне. — Тебе наверняка хочется о многом расспросить нашего друга. Не стесняйся.

Ох. Я не нашлась, что ответить. Вопросов скопилось так много, что они зудели внутри черепной коробки, бились все и сразу. Голова раскалывалась. Было невозможно выудить какой-то один и начать с него.

— Как вы нас выследили? — внезапно спросил Стъен, и мистер Оуэ аж передернулся.

Ещё бы. К нему обратился раб. Раб, что сидит наравне с господами, что смотрит со злым прищуром, что говорит безо всякого страха.

Раб, у которого гораздо больше чести, чем у верховного мага.

— Отвечай, — усмехнулся отец, откинувшись на стуле.

Перед тем, как заговорить, Генри Оуэ всё же схватился за свой бокал и осушил его залпом. В лице его ничего не сменилось, когда он проскрежетал:

— В амулеты Алисы встроены следящие чары.

Всё та же холодная маска отрешенности, словно выточенная в мраморе. Мистер Оуэ даже не повернулся в мою сторону. Говорил, упершись взглядом в пустой бокал.

Что?!

Я вытянула запястье, пытаюсь высмотреть в браслетах нечто этакое. Практической пользы от них не было. Правильно сказал Вальгар: моя собственная энергия глушила сторонние заряды. Но мне нравилось носить их как отголоски прошлой жизни. Все эти цветные камушки, переплетенные кожаные нити, которые теребишь в моменты задумчивости.

Какая девушка не любит безделушек?

Перед инициацией все наши амулеты тщательно досматривались, чтобы не допустить запрещенную магию в жертвенный круг. Но мне бы и в голову не пришло, что вещь, которую я самолично купила на рынке, может таить опасность.

— Мы долго не могли найти твою дочь, она словно пропала с наших поисковых карт, — продолжил колдун под пристальным взглядом моего отца. — Импульс в амулетах слишком слаб, и всякий раз, колдуя, Алиса гасила его. Но мы сумели засечь отголоски её магии. Поисковики определили примерное расположение, и я выпустил два отряда для перехвата.

Боги...

Получается, я с самого начала обрекла на гибель тех людей, что проявили ко мне доброту. Стоило нам со Стъеном осесть в поселении, как их судьбы были предreshены. Пускай Динн не выжиг общину дотла, но многие мужчины погибли в той битве.

Неизвестно ещё, чем закончилось столкновение Вальгара с боевиками.

Выжил ли он?..

— Ты не виновата, — тихо сказал Стъен, заведя ужас в моих глазах.

Слабый кивок.

Виновата или нет. Какая разница? Ничто не смое крови мужчин-воинов и слез безутешных жен.

Самое жуткое — та бойня останется безнаказанной, ибо никто не считает жителей Свободных земель за людей.

— Что-то ещё? — мистер Оуэ глянул на меня исподлобья.

— Да, — выровняла дыхание и протолкнула сквозь ком в горле: — В гимназии на меня дважды нападали. Маг из подворотни и человек в плаще, который потом отловил нас в поселении. Кто эти люди?

— Маг в подворотне? — колдун пожевал губу, пытаюсь вспомнить. — Никакой ценности он не представлял. Обычный наемник, которому заплатили, чтобы он высвободил твою мощь наружу. Иногда сильное потрясение способно раскрыть истинный потенциал мага. Но в твоём случае ничего не произошло. Потому что твой раб-хранитель всегда находился рядом. Знал бы я о вашей связи раньше...

— Этот человек пытался меня убить. — Перед глазами вновь пронеслась взрывная волна, и в ушах будто бы заложило от собственного крика. — Если бы я не успела выставить блок, то от вашего могущественного мага остались только ошметки.

— Заклинание, наложенное на мага, не причинило бы тебе вреда. Твоим рабам — да. Любому другому человеку. Кроме тебя.

Значит, ловушку активировали не просто конкретные чары. Но и конкретный человек.

Я.

Какой кошмар...

Пусть я не испытывала жалости к тому колдуну, но он погиб из-за того, что кому-то захотелось поиграть людскими жизнями. Генри Оуэ плевал на тела людей, через которые он переступал, только бы достигнуть цели.

Этого человека хоть что-то волновало? Ведь он отправил собственного сына на бой, только бы заполнить меня.

— Ну а маг-похититель? — напомнил отец. — Не стесняйся, Генри, продолжай.

— Мне нечего о нем сказать, — мистер Оуэ качнул головой. — Какой-то боевик. Должен был прокрасться в гимназию и разыграть похищение. Никто бы по-настоящему не стал воровать Алису. Мне нужно было напугать её до полусмерти. Только и всего.

— Действительно! — весело фыркнул отец. — Какая малость!

— Она не пострадала? — мистер Оуэ утвердительно кивнул самому себе. — Так в чем трагедия? Всё сложилось успешно. Очень вовремя подвернулась обиженная девчонка. Как её, Джоанна? Жаль, что всё так вышло. Алиса всегда нравилась Динну. Наши семьи могли бы объединиться.

Я тряхнула волосами.

Динн... хороший мальчик. Мой вечный партнер на спаррингах. Скромный и улыбчивый, боящийся причинить мне вред и потому бьющий в половину силы.

Человек, который одним из первых сказал, что его смущает несправедливое отношение к боевым рабам.

Почему же он превратился в копию своего отца? Неужели из-за того, что какая-то девушка не ответила ему взаимностью?

Дико это всё. Жутко. Мне страшно представить, сколько судеб переменялось за последние месяцы. Сколько людей, которыми я дорожила, пытались мною манипулировать.

Джоанна, Елена, Динн...

Хм. Что-то не давало мне покоя. Какая-то мысль зацепилась за язык, но не могла оформиться в слова.

Вечный партнер на спаррингах...

Мальчик, бьющий не в полную силу...

— Было ещё одно нападение! — вспомнила я. — На одном из занятий Динн атаковал меня огненным шаром, а перед этим кто-то снял щит.

— О нет, не стоит обвинять меня во всех грехах! — Мистер Оуэ вскинул ладони. — В тот момент твоя энергия только-только начала сплетаться с твоим хранителем. Уверен, что ты сама случайно разрушила защиту. После того случая сын связался со мной, испуганный, что мог причинить тебе вред. Тогда-то меня и заинтересовал небывалый прилив в твоём резерве, — он глянул на меня с

восхищением, но то угасло, стоило ему столкнуться взглядами со Стъеном. — Скажи, Инварр, неужели тебя не смущает, что твоя дочь вступила в отношения с рабом? Ты ведь понимаешь всю *глубину* их связи?

Ох, нет...

Покраснев до кончиков волос, я посмотрела на отца, но тот ни единым мускулом не выказал удивления. Вообще ничего. Холоден и равнодушен.

— Любовные интрижки моей дочери — её личное дело, — отрезал он, поднимаясь из-за стола.

— Глупо. Задумайся о наследниках твоего имени. Кем они будут? Грязными рабами? Ты хоть читал специализацию её хранителя? Не удивлюсь, если его давным-давно напоили каким-нибудь зельем, которое подавляет деторождение.

В лице Стъена что-то изменилось. Он дрогнул, словно наткнулся на незримую стену. Взгляд остекленел, и дыхание потяжелело. Неужели его так задели последние слова Генри Оуэ?

Да что в них такого?

Это ведь бред. Человек скажет что угодно, только бы унижить, очернить, втоптать в грязь.

Чуть позже мы обязательно поговорим с ним об этом. Потому что когда я вижу, как Стъен замыкается в себе, меня берет оторопь. В эти секунды он становится прежним. Тем мужчиной, который боялся поднять на меня взгляд и был готов кинуться в ноги по первой команде.

— Позволь мне самому разобраться с делами моей семьи, — был краток отец.

— Как скажешь, — мистер Оуэ покрутил в пальцах бокал.

— Что до тебя... человек, одержимый идеей, умалишенный фанатик. Ты никогда не думал, что гильдия посчитает твои слова бредом сумасшедшего?

Маг разгневанно покачал головой, сжав ножку бокала столь сильно, что раздался хруст стекла.

— Меня бы услышали. Подумай сам. Что гильдии до каких-то рабов? Пусть их хоть всех проклянут, если это поможет делу. Надо продемонстрировать твою дочь верховным магам. Пойми, она поделила со своим хранителем жизнь. Где это видано?!

— Быть может, ты прав, — сказал отец, и эти его слова заставили меня напрячься. — Возможно, гильдия бы оценила твои потуги. Но я запрещаю рассказывать кому-либо о моей дочери. Без доказательств твои домыслы лишены всякого смысла. Алису ты больше не тронешь.

— Не трону, — поспешно согласился мистер Оуэ и кинулся, чтобы пожать отцовскую ладонь. — Я рад, что мы разрешили всё мирным путем.

Даже мне почудилось, что эти слова дались ему слишком легко. Без промедления, без заминки. Сказал, будто даже не задумывался над ответом.

— Принеси клятву на крови, что ни своими руками, ни руками кого-либо другого не причинишь моей дочери вред, — ухмыльнулся отец, знающий, что некоторые слова не стоят ломаной монеты.

— На крови?..

Мистер Оуэ отпрянул, когда отец достал из ящика рабочего стола ритуальный кинжал и протянул его на вытянутой руке.

— Клянись при Алисе и её хранителе, при мне. Давай же, Генри. Пусть твой род и богаче, но у меня больше знакомств среди нужных людей. Ты понимаешь, что грозит твоему сыну или тебе, если правда всплывет?

Видимо, понимал, ибо принял оружие дрогнувшей рукой.

Я впервые видела магическую клятву. Они были подвластны только верховным колдунам. Тем, в чьих жилах бурлит огромная энергия. Ибо высвободить кровь и запечатать на ней обещания под силу немногим. Неповиновение клятвы равносильно смерти, энергия попросту съест мага, который ослушался.

Генри Оуэ полоснул по сгибу ладони лезвием. Брызнуло алым, задымило, забурлило, когда мужчина зашептал текст клятвы.

— Доволен? — прорычал он, отирая ладонь о нагрудный платок.

— Не совсем. — Папа тоже вытер кинжал и положил обратно в стол. — Я считаю, что год службы Алисы в Свободных землях был кончен в тот самый момент, как ты вытащил её оттуда

— Это решаю не я, а гильдия боевых магов.

— Веришь или нет, но мне всё равно. Думается, среди верхушки боевиков у тебя есть подельники, ибо как-то же они допустили, что юные маги сами пойдут отлавливать «преступников». Ладно, это уже мелочи. Алиса, Стъен, можете быть свободны. Мы с Генри должны многое обсудить.

Я выползла из кабинета с гудящей головой. Не верилось, что папа может оградить меня от пограничной службы. Да и зачем? Ведь мне хочется сражаться! Пусть не с людьми, но с тварями или нежитью. В этом предназначение любого боевика. Какой смысл от магии, если её некуда применить?

Впрочем, сейчас пугало другое.

— Стъен... — я тронула молчащего мужчину за локоть. — Всё нормально? Если ты думаешь о том...

Не успела закончить. Он перебил на половине слова.

— Лис, давай поговорим завтра, — слабо улыбнулся, но в глазах читалась боль. — Я очень устал. День какой-то бесконечный. Разреши мне отправиться спать.

Разреши...

Будто бы просит госпожу. Точно не происходило между нами ничего, что связало крепче любых магических клятв. Слово не было бессонных ночей и дней наедине друг с другом.

Он попытался отвернуться, но я схватила Стъена за плечи. Развернула к себе рывком.

Не позволю тебе уйти. Не дам твоим ночным кошмарам вернуться.

Смотри же на меня! Не отводи взгляда!

— Что с тобой?!

— Ты слышала, что сказал этот маг, — надломленным голосом. — Я никогда не думал об этом, но... меня ведь могли опохмелить любыми снадобьями. Это правда.

— Ну и что? Какая, в самом деле, разница?

— Лис, — Стъен коснулся моего подбородка, нежно провел ладонью по щеке, зажмурившись, — ты никогда не сможешь считать меня равным. Просто признай это. Когда-нибудь тебя накроет осознанием: рядом с тобой убогий постельный раб. Я могу быть твоим хранителем, но не мужчиной.

— Я всегда считала тебя равным! — Из глаз брызнули слезы. — С самого первого дня. Неужели ты до сих пор сомневаешься во мне? Я хоть раз показала, что ты мне безразличен? Недостаточно извинилась за каждую свою ошибку?

Меня съедали непонимание и обида. За что он так? Почему не может довериться мне после всего, что случилось? Откуда в нем эти чувства? Я где-то оступилась? Что-то сделала неправильно?

Ничего не сказал конкретного, только попросил:

— Лис, позволь мне побыть одному. Умоляю.

— Конечно, — ответила глухо, готовая разрыдаться.

Тем вечером мы с отцом не обсудили ни магии, что может погубить меня в любую секунду, ни моих отношений со Стъеном. Папа долго ещё беседовал с Генри Оуэ, и тот покинул наш дом пасмурный и злой только к полуночи.

Надеюсь, отец расскажет, о чем они говорили.

Стъену постелили в гостевой спальне, мне же пришлось вернуться в свою комнату. Постель казалась огромной и холодной. Неуютной. Давно я не спала, не ощущая под боком тепла мужского тела.

Мне хотелось сорваться и на цыпочках прокрасться к Стъену, прижаться к нему, утихомирить его демонов.

Да только он сам попросил об одиночестве. Разве можно лишить его права на свободу?

Это была долгая, бессонная ночь. Тяжелая. Злая. Полная глухих, беззвучных рыданий в подушку.

Но едва начало светать, как меня подкинуло на кровати.

Нет. Всё. Не могу.

Я пойду и объяснюсь. Не отпущу этого упертого барана, пока он не поймет: мне не нужен никто другой. Сама принесу любую клятву. Докажу, что моя любовь к нему — не выдумка.

Я накинула на ночную рубашку халат, открыла дверь и скользнула в неосвещенный коридор. Наощупь двинулась вперед. Все-таки за месяцы вне дома многое забылось. Как бы не споткнуться о ковер или не задеть какую-нибудь напольную вазу.

И тут моя ладонь на что-то наткнулась. На что-то теплое, что схватило меня в охапку, притянуло к себе и прорычало на ухо:

— Прости меня за сомнения. Сам не ведаю, что несу. Я не смогу без тебя. Не выдержу. Не справлюсь. Ты нужнее воздуха, Лис.

Мне хотелось ему всё высказать. Хотелось отхлестать по щекам за то, что он до сих пор во мне сомневается. Хотелось молотить кулаками в грудь. Ругаться. Кричать.

Вместо этого я нащупала губы Стъена своими. Мягко. Осторожно. Будто бы в первый раз. Боясь отпугнуть. Он подался вперед, опустив ладони мне на талию. Наш поцелуй был солон от слез. Мы целовались, забывшись, словно в горячке.

Никто не знает, что будет завтра. Но сегодня, сейчас нет никого и ничего важнее, чем этот мужчина. Пусть мы разойдемся по разным спальням, но до самого утра губы будут жечь от поцелуев, а на коже останется запах его тела.

Что это, если не любовь?..

Глава 18. Пламя сердец

Этим утром я проснулась от того, что кто-то раздвинул шторы, впустив в спальню солнечный свет. Как же ярко! Невыносимо! Пришлось накрыться с головой подушкой, потому что глаза слипались, и в голове гудело от бессонной, тревожной ночи.

— Поднимайся, лежебока! — Ольга запрыгнула с разбега на мою кровать, чуть не угодив локтем мне в живот. — Папа говорит, что много спят только лентяи!

— Угу-у-у. Ещё полчаса, и встану...

Отвернувшись к стене, натянув одеяло до подбородка.

— Ты же боевой маг! — Сестренка трясла меня за все конечности разом. — Правильные боевые маги по утрам сражаются со злодеями!

— Значит, я неправильный боевой маг! Дай, пожалуйста, поспать, — застонала я.

— Алиса, а расскажи про Стъена, — вдруг попросила Олли, ткнувшись носом мне в шею. — Он хороший?

— Замечательный, — я улыбнулась и подмяла сестренку, не позволяя той дрыгаться. — Мне невероятно повезло повстречать его и сделать своим хранителем.

— Ты его любишь?

Вопрос, такой простой и бесхитростный, заставил меня глубоко задуматься.

Люблю, конечно же. Но нужно ли знать сестре эти вещи? Не слишком ли она мала для «взрослых» историй?

Впрочем, оказалось, что скрывать уже бесполезно.

— Я слышала утром, как папа рассказывал маме, что вы любите друг друга, — поделилась она шепотом, — а мама повторяла: «Вздор! Вздор!» Но они выгнали меня, когда узнали, что я подслушиваю под дверью.

Ох, боги...

Глупо было ожидать, что родители останутся горды моим выбором. Папа ничего не успел сказать. Хотя он и изобразил равнодушие перед мистером Оуэ, но сомневаюсь в искренности его слов. Мама и вовсе не догадывалась о связи между мною и моим хранителем.

Я надеялась сообщить им сама, подвести к этому разговору плавно, когда они чуть лучше узнают Стъена.

Но карты судьбы легли иначе.

— Так любишь или нет?

— Люблю, — ответила твердо.

— Хочу однажды тоже влюбиться! — Олли спрыгнула на пол и закружила подушку в вальсе. — Чтобы он был самый-самый красивый и всегда разрешал мне есть конфеты!

— Так и будет. — Я лениво поднялась, потрепала сестру за косу. — Малышка, ты непременно влюбишься, обещаю.

Она долго ещё носилась под ногами, перебирая мою косметику, рассматривая платья и тараторя о том, что когда-нибудь выйдет замуж, и её избранник будет великим магом. Самым сильным во всей стране.

Я только грустно улыбалась, вспоминая свои детские мечты.

Всё валилось из рук. Мысли путались. Предчувствие неприятного, тяжелого разговора сдавливало грудную клетку. Я натянула домашний костюм из плотных брюк и рубашки с коротким рукавом. М-да, свисает как с огородного пугала, хотя раньше сидел впрытык.

Осмотрела себя, отмечая, что под глазами чернеют синяки, а нос чуть искривлен, и теперь моё лицо как будто перекошено. Скулы выдаются, и кожа обветрена.

Может быть, мужчин красят шрамы, но женщин они делают несчастными.

Ладно, не будем о грустном. Ничего не сломала, жива-здорова, и на том спасибо.

Вскоре я стучалась в дверь родительской спальни. Безответно. Выждала ради приличия несколько секунд и заглянула внутрь.

— Я войду?

Мама причесывалась перед зеркалом и будто бы не сразу обратила на меня внимание. Она долго глядела на свое отражение, перебирая тяжелые пряди гребнем. Её рыжие волосы струились по плечам. Во взгляде застыло разочарование.

В комнате пахло садовыми розами, и алые бутоны выглядывали из окна. Они росли прямо под окнами спальни. Помню, как в детстве сидела на подоконнике и трогала пальцами колючки, а мама ругалась: «Сейчас свалишься!»

Давно это было.

— Мам...

Перешагнула порог и застыла как напортившаяся девочка, не знающая, куда себя деть. Тербя завязки штанов, думала, как начать разговор.

— Ты собиралась мне сказать? — спросила она сухо, не оборачиваясь, но следя за мной через зеркало.

— Разумеется, — безошибочно поняла, о чем речь.

— И что? Неужели между вами что-то есть? — Мама отложила гребень, стиснула зубы. — Он твой раб. Как же я была права, когда не хотела покупать этого человека! Как чувствовала, что он тебя одурачит!

— Мам, выслушай. Мы любим друг друга.

Усевшись на пол у маминых ног, я рассказала ей всё до последнего слова. Не утаила ничего. Ни единой мелочи.

Если любить мужчину, то почему обязательно свободного? Разве важно, что скрывается в его прошлом? Зачем судить человека по клейму, что было поставлено на нем кем-то другим.

Мы все совершали ошибки, но Стъен не выбирал быть рабом, как не выбирал и проклятие. Он выдержал нечеловеческие испытания, чтобы однажды мы смогли встретиться. Справился. Выстоял. Не сломался.

Это далось ему нелегко. Страхи не исчезли бесследно. Стъен до сих пор вздрагивает, когда его пытается коснуться кто-то другой. Ко мне он привык, но тело не забыло боли.

Говорят, что любят не за что-то конкретное, а вопреки всему. Только не я. Я люблю этого мужчину за каждый его шрам, за каждый взгляд из-под опущенных ресниц, за каждую морщинку на лице.

— Он бы отдал ради меня жизнь, — сказала я грустно. — Неужели есть что-то важнее этого?

— А если дети?.. — мама поджала губы. — Неужели ты собираешься рожать от... раба?

Она даже слово это произнесла с каким-то особым оттенком. Вроде бы без презрения, но с гадливостью.

— Мам, какие дети? — Я нервно дернула плечом, с которого сползала шелковая ткань. — Я не планировала осесть в поместье и не планировала рожать. По крайней мере, в ближайшие годы. Но не переживай. Я буду пить необходимые травы. Ничего не получится без нашего на то желания.

— Я не спрашиваю про сегодняшний день! — Она нервно всплеснула руками. — Но что вы будете делать завтра?! Алиса, мы всегда считались с твоим выбором. Но это... переходит все границы. Вам никто не даст одобрения. Ни один церковник не обвенчает ваш союз. Я лично говорю тебе, что никогда не допущу *такого* человека в свою семью.

Меня будто бы шибануло разрядом энергии. Пробрало от кончиков пальцев, по телу, до самого сердца. Смяло что лист бумаги, порвало в клочья.

Такого — это какого?

Впрочем, сама догадываюсь.

Это значит, что меня изгоняют из дома?

— Я не передумаю. Мы будем вместе.

— Слушать не хочу этих бредней, — она была непреклонна. — Иди, дочь. Не порть мне настроение с самого утра.

Вздернув подбородок, я выбежала из родительской спальни.

Завтрак, на который мама даже не явилась, прошел в гнетущем молчании.

Мы так и не поговорили со Стъеном, да я и не знала, что ему сказать? Признаться о том, как в моей семье по-настоящему относятся к рабам? Быть может, их никто не избивает плетями, но и за людей не считают.

Существа, которые могут помогать по хозяйству или оберегать в странствиях, но не имеют права на счастье.

«Ни один церковник не обвенчает ваш союз».

Да плевать мне на чье-то одобрение! Плевать на венчание! Это всего лишь глупый ритуал, не имеющий ничего общего с реальными чувствами. Любить можно безо всяких церемоний.

«Ага, и стать в глазах общества распутницей», — шепнуло что-то внутри меня голосом матери.

С каких пор меня волнует общественное мнение?

Правильно, не волнует.

Малютка-Ольга донимала Стъена расспросами о наших странствиях, и он отвечал ей, но то и дело бросал на меня обеспокоенные взгляды.

— Ребенок, надо поговорить, — вздохнул молчаливый отец, не дождавшись, когда служанки заберут тарелки с первой частью завтрака. — Давай пройдемся. Стъен, дом в твоём распоряжении.

— Благодарю вас, — кивнул тот.

— Я всё тебе покажу! — обрадовалась Олли и потрясла Стъена за рукав. — Пошли посмотреть на лошадок!

— Если она тебя донимает... — попыталась уговорить я сестру, встав из-за стола.

— Нисколько, — улыбнулся мужчина и принял ладошку Ольги.

Мы вышли во внутренний двор. Сад — мамина гордость — зеленел, пестрел красками. Такой изумрудный, точно ненастоящий, нарисованный. И цветы яркие: желтые и красные, розовые. Невольник-садовник подрезал ветки акации, что заслонили своей тенью ближайшие кусты. Служанки чистили крыльцо.

В поместье кипела жизнь.

Отец сел под старинную иву, которая, по рассказам, знавала ещё моих прапрадедов. Похлопал ладонью по земле. Его никогда не смущали какие-то нелепые правила приличия. Когда твоя жизнь проходит в странствиях, глупо переживать о запачканных штанах.

Я плюхнулась рядом.

— Вы с матерью повздорили? — сорвал травинку, пропустил её меж зубов.

— Угу. Пап, если ты тоже начнешь отговаривать меня...

Посмотрела с мольбой во взгляде. Отец лишь тяжело вздохнул и оперся об ивовый ствол спиной. Он долго молчал, наблюдая за облаками, что неслись по небесному полотну, подгоняемые ветрами.

Мне не хотелось его торопить.

— Алиса, — начал строгим, отцовским тоном, которым раньше отчитывал за проступки. — Послушай меня. Я солгу, если скажу, будто мечтал о таком для своего ребенка. Не спорь, — цыкнул, когда я попыталась возразить. — Все родители жаждут лучшего для своих детей. Думаю, мне бы не угодил любой мужчина, даже знатный, именитый, богатый. А Стъен...

Неужели и отец напомним про его статус?

Но почему?

Ведь он по-человечески относится к своему хранителю-Клинту. Платит ему жалованье, хотя мог бы сказать: «Ты моя собственность, а потому трудишься за еду». Тот даже живет в собственном доме, пусть и оформленном на отца. Почти как свободный человек.

— Жизнь потрепала его, но не сломила, — закончил папа. — Раз он сумел сохранить достоинство и полюбить свою хозяйку — значит, вы не зря отыскиали друг друга. Так что же мне делать? Запрещать тебе как маленькой? Отбирать у тебя хранителя? Насильно выдать замуж? Алиса, — он коснулся моей ладони, — скажи мне честно: тебе бы хотелось остаться дома?

— Нет.

Твердо. Упрямо.

— Не такие слова должен говорить отец, — папа хитро ухмыльнулся. — Уезжай, дочь. Седлай коня и покидай это место, этот город. Только так всё наладится. Позволь матери вдоволь наплакаться и принять твоего мужчину вдалеке отсюда. Я знаю свою супругу. Эта женщина уперта точно осел. Она никогда не оттаит рядом с вами, будет дуться и скандалить по малейшему поводу.

Уехать?..

Почему бы и нет?

Я никогда не была домашней девочкой. Меня манила дорога. Бесконечные путешествия. Долгие ночи у костра в ожидании рассвета.

Жизнь вдали от дома не тяготит. Тогда, в общине, я переживала за родителей, которых могу никогда уже не увидеть. Но не из-за отсутствия мягкой перины или обеда из четырех блюд.

В столице мы всегда будем под прицелом любопытных глаз. Сколько найдется тех, кто попытается поставить Стъена на колени? Кто посмеется над нами или скривится в отвращении? Кто занесет плеть, дабы осадить несговорчивого раба?

— Но куда ехать, пап?

— Если захочешь, то можешь вернуться на службу в Свободные земли. Если же нет... в гильдии полно заданий для окрепшего мага. Твой резерв полон и без подпитки природными источниками, поэтому не вижу смысла ограничивать тебя миром за стенами. Настоящему боевому магу найдется, где проявить себя.

— Я бы очень хотела путешествовать! — воскликнула не верящим тоном.

Неужели у нас появится шанс на спокойную жизнь? Конечно, спокойствие боевикам только снилось. Но мы сумеем сберечь хрупкое счастье, скрыться от людского осуждения.

Раствориться друг в друге...

Отец смеялся так искренне, что мне и самой передалась его веселость.

— Ребенок, ты — моя копия! У меня всё тело зудит от светских посиделок и душных камзолов. Отправляйтесь в странствие и возвращайтесь, когда оно вам наскучит. Твоя мать передумает, Алиса. Нужно время. Ей сложно принять что-то, выходящее за рамки нормы.

— А ты?.. Сможешь принять?

Папа пожал плечами.

— Пока твой хранитель оберегает тебя и правит твоим резервом — смогу. Кстати. Тебе всё ещё плохо? Чувствуешь, как магия выжирает изнутри?

Прислушалась к внутренним ощущениям. Нет ни усталости (только физическая от недосыпа), ни колебаний энергии, ни опустошающего жара.

Всё нормально.

— После того, как Стъен разделил силу на двоих, внутри ничего не горит и не тянет.

— Поразительно. Излечиться от избытков энергии... поделить их с хранителем. Понимаю, отчего Генри так захотел понять причину вашей связки. Поверь мне, он не выйдет сухим из воды, — добавил, заметив, как я переменялась в лице. — Клятвой не отделается. Я не могу обещать, что другие рабы не пострадают, ибо гильдия может заинтересоваться отголосками информации. Но

никто не тронет тебя. Никогда. Я же буду ратовать за то, что опыты с проклятиями бесчеловечны. Думаю, многие боевики меня поддержат.

— Почему ты уверен, что мистер Оуэ не тронет нас? А если он расскажет кому-нибудь из своих?

— Нет, ребенок. Я взял ещё несколько клятв, куда более личных и глубоких. Из уст Генри Оуэ или его сына никогда не сорвется даже упоминание твоего имени. Он — жалкий трус и пойдет на всё ради спасения своей шкуры. Он рассказал обо всех поделниках. Если кто-то попытается тебя обидеть — я лично раздеру ему глотку. Но не думаю, что это случится. Впрочем, как уже сказал: не могу обещать, что другие рабы не пострадают...

Жутко. Несправедливо. Надеюсь, что гильдия не допустит подобных бесчинств по отношению к бесправным невольникам.

Впрочем, я понимала, что этим не кончится.

Понимала, да только ничего не могла поделать. Есть вещи, которые запускают целый ураган событий. Наше появление не останется тайной. О нас всё равно узнают. Наш опыт захотят повторить.

Возможно, когда-нибудь я разрешу рассмотреть нашу со Стьеном связь подробнее.

Когда-нибудь, когда разберусь в ней сама. Когда научусь защищать себя и то, что мне дорого.

— Я хотела спросить ещё кое о чем, — заговорила тише. — Может быть, ты сможешь поговорить об освобождении Стьена из рабства?

— Я думал над этим всю прошлую ночь, — папа покрутил ус. — Не буду обнадеживать тебя. Рабам даруют свободу за особые заслуги, но чем отличился Стьен по меркам государства? Я сделаю всё, что смогу, но не гарантирую успеха.

Понуро кивнула.

Что ж, этого стоило ожидать. Глупо было надеяться, что нерушимые законы так запросто рухнут.

Есть только один способ даровать Стьену свободу. Хотя бы ненадолго.

Мы будем путешествовать. Странствовать. Скитаться по свету. И никто никогда не узнает, что он мой хранитель-раб. Ведь необязательно сообщать об этом на каждом шагу. Для всех мы — обыкновенная влюбленная пара.

Мало ли таких?

— Всё образумится, ребенок. — Папа поднялся на ноги, притянул меня к себе. — Обещаю.

А я стояла и думала о том, как повезло Ольге. У неё есть несколько прекрасных лет детства. Она может врываться в родительскую спальню по ночам, может шептать отцу на ухо секреты, может ездить с ним в походы. Папа сбережет её ото всех бед.

Точно! Ольга!

Надо спасать Стьена от этой болтуны.

Я обнаружила их в конюшне, рассматривающих каждую лошадь по очереди. Кажется, Стьен даже не выглядел измученным. Он тепло улыбнулся мне, подмигнул заговорщицки. Мои губы вновь загорелись от ночных поцелуев, и в ушах зашумело морским прибоем.

Папа прав. Всё образумится.

Пока рядом со мной этот мужчина, иначе быть не может.

Ну а на следующий день отец договорился с гильдией, и мне поручили первое боевое задание. Когда я развернула бумагу о назначении, то долго смотрела на неё невидящими глазами. Город в двух неделях отсюда. Пустынная проблема: большие бешенством звери измучили жителей, врываюся на окраины, жрут скот. Да их усмирить — раз плюнуть! Ниже указано жалование и проставлена подпись.

Всё по-настоящему.

Мечты сбываются. Я — настоящий боевой маг.

Пусть это поручение смешное, но так гильдия проверяет каждого боевика. Будут и другие.

Тяжелее. Страшнее. Серьезнее.

Совсем скоро...

К вечеру я скупила кучу справочников и зелий, чтобы не попасть впросак с заклинаниями. Мы вдвоем со Стъеном укладывали ворох вещей в безразмерную сумку. На кровати валялись карты земель, которые я стащила из библиотеки.

— Отправляемся на рассвете? — улыбнулся мой мужчина.

— Ага, — прикусила губу, пытаюсь понять, какой дорогой поехать. — Ты не боишься?

— Чего мне бояться? — Теплая ладонь коснулась моей щеки. — Лис, я мечтаю увидеть тебя в деле.

Будто бы до этого не видел.

Он сел у моих ног и положил голову мне на колени. Я вплела пальцы в волосы, замурлыкала колыбельную.

Бояться нечего, ибо я — оружие в его умелых руках. Меч, который не причинит вреда, если не направить его в горло врагу. Поток энергии, безвредный ровно до тех пор, пока Стъен не обрушит его в лицо противнику. И чем больше тренировок, тем лучше у него это будет получаться.

Бояться нечего, ибо он — мой свет. Моя слабость. Моя жизнь и моя же погибель.

Мой хранитель.

Мой единственный мужчина.

Моё всё.

Бывают вещи, которые вышибают из равновесия. Бьют под дых. Вырывают нервы с мясом. Что-то черное на секунду поднялось в Стъене, стоило услышать слова Генри Оуэ. Показалось, что выстроенный по кирпичикам мир рухнул, осыпался под ноги горьким пеплом.

Если его лишили возможности стать отцом... какой смысл Алисе оставаться с ним?

Пусть сейчас она не думает о потомстве, но через год или пять лет ей захочется познать радость материнства...

Дьявол, да ему самому хочется, чтобы Алиса выносила их ребенка, чтобы у сына — или дочери — были её черты лица!

И что?

Тогда-то она вспомнит про его постыдное прошлое. Может быть, вслух ничего и не скажет, но всякий раз будет смотреть и думать о том, какую ошибку совершила.

Все эти мысли накрыли его волной дикого отчаяния. Стъен ушел, скрылся в гостевой спальне. Спрятался. Всю ночь он ходил кругами, точно загнанный зверь, не сдерживая ненависть к самому себе.

Да кто он такой, что посмел надеяться на счастье?

Жалкий раб.

Ночь была длинна и полна воспоминаний. Слова Алисы. Губы её нежные со вкусом ягод. Трепет касаний. Каждая улыбка, предназначенная только ему. Одному.

Как можно было оттолкнуть её?

Что он будет делать, если Алиса решит, что ей не нужен обезображенный изнутри невольник? Если оставит его своим хранителем, но найдет знатного жениха?

Она ведь плакала вечером, уверяла его в искренности своих чувств, а он...

Не лгала, не скрытничала. Всегда была откровенна. Почему он вообще усомнился? Что за бес его попутал?..

К рассвету Стъена словно толкнуло что-то в грудь: иди к ней!

И он пошел. Наткнулся посреди коридора на неё, теплую и дрожащую от страха. Сжал со всей силы, мысленно пообещав никогда уже не отпускать. Извинялся, зацеловывая мокрые от слез щеки.

Касался мягких губ, не в силах оторваться.

Алиса была его снадобьем. Живительной влагой. Чудодейственным зельем.

Быть может, если он сумел подчинить её резерв, то и с остальным они разберутся. Вместе. Вдвоем. Друг ради друга.

...Ночью перед отъездом Стъен вновь делил с Алисой постель. Слышал, как лихорадочно бьется её сердце, как она мечется во сне, съедаемая кошмарами. Успокоилась только к полуночи, когда жирная золотая луна взгромоздилась на небосклоне.

Вдруг дверь приоткрылась, и молоденькая служанка замахала рукой, смотря на не спящего Стъена. Мол, подойди же, скорее.

Он осторожно отстранился от Алисы, которая недовольно проворчала что-то и сгребла подушку в охапку.

— Что такое? — спросил у служанки в коридоре.

— Мистер Трозз вызывает тебя к себе. Без-от-ла-га-те-ль-но, — с трудом выговорила она последнее, сложное слово.

Хм. Что-то случилось?..

В кабинете Инварра Трозза, кроме самого хозяина, обнаружился ещё один мужчина. Средних лет, густоволосый, низкорослый и весь какой-то съезжившийся. Слово само присутствие с мистером Троззом выводило его из колеи.

Этого мужчину Стъен видел давным-давно, когда только очутился в поместье. Лекарь. Именно он проверил рабов после невольничьего рынка, убедился, что с ними всё в порядке в физическом плане. Залечивал мелкие раны перед тем, как отправиться в гимназию.

— Звали?

— Да, спасибо, что пришел. Целитель должен тебя осмотреть, — хмуро сказал отец Алисы.

— Стойте смирно, — пробубнил лекарь, выплетая руками какую-то руну, судя по всему, сканирующую. — Ага-ага. Так, ну это понятно. Это у всех бывает. А это? — он пожевал губу. — Ага, тоже нормально. А вот это?

Так, в тишине, прерываемой только бормотанием, минуло несколько минут.

— Всё в порядке, мистер Трозз, — наконец, объявил лекарь. — Не вижу ни единого повода для переживаний.

— Замечательно, — усмехнулся мужчина. — Можете быть свободны.

Целитель выскользнул быстро и бесшумно, только бы не оставаться более в кабинете.

— Что это было? — Стъен удивленно покосился на дверь.

— Прости меня, мальчик, но я должен был убедиться ради собственного спокойствия. Вы завтра уезжаете, и я не смог бы жить, съедаемый незнанием. Ты сможешь иметь детей. Всё хорошо. Надо выпить за это.

Отец Алисы разлил черный ром по двум стаканам и передал один Стъену. Так, как передают свободным людям, но не рабам. Затем отсалютовал и, пригубив алкоголь, спросил:

— Ты любишь мою дочь?

— Всем сердцем, — ответил коротко, выдержав взгляд.

— Ты будешь оберегать её?

— Каждую секунду своей жизни.

Инварр Трозз одобрительно ухмыльнулся.

— Мальчик, я не буду лукавить. Вряд ли получится освободить тебя от рабских оков, но я попытаюсь. Необходимые запросы будут разосланы уже сейчас, — он тронул ладонью стопку запечатанных писем, — да только эти бюрократы наверняка их проигнорируют.

— Ничего страшного. Меня не тяготит мой статус. Но спасибо за то, что вы попытаетесь.

Какая разница, кем он является на бумагах? Рядом с Алисой он свободен. Он может дышать полной грудью. Ходить, расправив плечи. Не бояться собственного мнения.

За эти месяцы он совсем позабыл, каково это: склоняться пред кем-то или молить о пощаде. Забыл вкус плети на обнаженной спине. Забыл и жгучую боль от прикосновений.

Всё это было в какой-то другой жизни. В мире, где не существовало кареглазой колдуньи, что навсегда пленила Стъена.

Он вновь узник, но отныне это добровольное решение. Ничто и никогда не заставит его расстаться с ней. Их жизнь поделена надвое, и каждую секунду они проживут с упоением.

Её магия струилась меж его пальцев. Так легко, безо всякого напряжения. Стъен ненавидел чародеев, а теперь осознавал, как приятно мысленно перебирать энергетические струны, направлять потоки.

Он сам словно обратился в мага благодаря Алисе.

Благодаря её проклятию.

— Алиса никогда бы не избрала недостойного человека, — подытожил Инварр Трозз. — Прошу только, не предавай её. Ты держишь сердце моей дочери в своих ладонях. Не растопчи его по случайности.

— Никогда.

Они чокнулись. Зазвенело стекло.

Завтра начнется первое боевое задание. За ним придет второе и третье. Бесконечные переезды, короткие остановки для передышки.

А потом, через месяцы или годы, Алисе захочется осесть, и они отыщут местечко, которое придется обоим по душам. Заживут в маленьком доме — или особняке, не столь важно! — и будут уезжать оттуда только по поручениям гильдии.

Стъен обязательно уговорит её обвенчаться. Потому что так правильно. Потому что Алиса будет прекрасно смотреться в подвенечном платье.

Но это случится чуть позже, когда всё успокоится.

У него могут появиться дети. Удивительно. Никогда Стъен не размышлял об этом, даже не задумывался. А теперь вдруг понял, что однажды Алиса станет матерью. Она выносит и родит их ребенка.

Не сейчас. Но когда-нибудь позже. Всё получится.

Нет ничего слаще этой мысли.

Мы отправлялись, стоило солнцу взойти над сонной столицей, разбрызгав багряный свет по крышам домов. Отец выделил двух лучших скакунов, ещё пошутил:

— Если погубишь их — не возвращайся.

Потом, правда, сам рассмеялся, расцеловал меня в обе щеки и попросил быть осторожной.

— Буду.

Стъену папа ничего не говорил, ни о чем не просил и не спрашивал. Только подмигнул многозначительно, и мой мужчина ответил легким кивком. Кажется, они друг друга поняли.

Вот и всё. Прощай, поместье. Прощай, сестренка. Прощай, папа. И мама, которая даже не вышла из комнаты.

Мы обязательно вернемся, но когда?..

— Готов? — спросила Стъена с толикой страха.

Потому что сама до последнего колебалась.

— Разумеется, — он взялся за мою ладонь, крепко сжав пальцы.

Мы постояли ещё немного, впитывая мгновения. Вот и всё. Можно уезжать.

— Алиса! — донесся окрик.

Мама?..

Она бежала, что не подобает делать высокородной даме. Подняв полы платья, запыхавшись. Недоплетенная коса развевалась на ветру. Мама подлетела ко мне и стиснула в крепких объятиях.

— Береги себя, Алиса, и... поскорее возвращайся.

Я не успела ответить, потому что она обернулась к Стъену, посмотрела на него настороженно, но затем аккуратно притянула к себе за плечи.

— Храни мою девочку, — и шепнула что-то на ухо, что заставило мужчину улыбнуться кончиками губ.

— Обязательно, — поклялся он. — Спасибо вам.

Малютка-Ольга плакала, держась за материнскую юбку. Отец давал нам последние напутствия.

Мир почти безграничен, и в нем запросто затеряются два путника. Странники, чьи судьбы связаны накрепко. Женщина и мужчина, что любят друг друга, и нет ничего сильнее этого чувства.

Ибо оно зажигает в сердцах пламя.

Опубликовано: Цокольный этаж, на котором есть книги: <https://t.me/groundfloor>. Ищущий да обрящет!